КАТОРГА И ССЫЛКА

1

1931

ВСЕСОЮЗНОГО
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

П-81

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

947
К-29.

КАТОРГА и ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕСТНИК

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И. А. ТЕОДОРОВИЧА

КНИГА 4 (77)

452.
Кат. энцикл. 3/1543.
РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ

МОСКВА
1 9 3 1

Уполном. Главлита № В—2387. Зак. № 338. Тираж 5.000

Тип. Профиздата. Москва, Крутицкий Вал, д. № 18.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Евг. Кудрявцев. На заре туманной юности. Из истории рабочего движения в Перми 17
Е. Кушева. Из истории „Общества Народного Освобождения" 31
Г. И. Лурье. К биографии В. В. Маяковского 63
С. Шкроб. Жертва польского освобождения. Андрей Потебня 85
А. Левандовский. На заре жизни 100
Я. Д. Баум. К истории харьковских революционных кружков начала 70-х гг. 125
Е. Н. Ковальская. По поводу письма В. Малютина. К статье Я. Д. Баума «Харьковские революционные кружки» 133
З. О. Гордон-Хлусевич. Из истории революционного движения 1905 г. в Амурской области 143
И. Здоровец. Воспоминания бессрочника (Продолжение) 167
Два письма Розы Люксембург. Перевод с французского И. Хародчинской 189
С. Гессен. И. Тургенев и семья декабриста Волконского 193
И. Белокуров. Встречи с Н. Э. Бауманом 197

Памяти умерших товарищей

Н. Нарбеков. Н. И. Алякритский 202
И. Попов. А. О. Бонч-Осмоловский 204

Библиография

П. Парадизов — О книге тов. П. Горина 216
Ю. Бочаров — М. И. Ахун и Петров. Петербург в 1905 — 1907 г.г. И. Генкин — Н. А. Семашко. Клочки воспоминаний. И. Генкин — М. Жабко. Из далекого прошлого 234
Письма в редакцию 242

Евг. Кудрявцев

На заре туманной юности

Из истории рабочего движения в Перми.

В 1898 году я работал в Пермских железнодорожных мастерских токарем. Помню, 14-го мая был царский день; так как по календарю этот день считался днем не рабочим, то мы работали вяло. Сам собой напрашивался вопрос: почему начальство отсутствует, счетная часть тоже не занимается, а работают одни лишь монтеры да табельщики, да мы — «чернотропы» (так называли нас потому, что тропинки, по которым проходили мастеровые, всегда, особенно зимой, были черны). Праздник сегодня или не праздник?—недоумевали мы. Посудачили и успокоились.

На второй или на третий день обыкновенно на стене вывешивался табель с отметками о проработанных днях. Кто-то обратил внимание, что 14-е мая у работавших в этот день, как и у не работавших, отмечено одинаковым количеством рабочих часов. Рабочие заинтересовались и, обсуждая вопрос, стали собираться кучками, а так как никто ничего понять не мог, то и решили послать двух представителей об'ясниться с начальником мастерских. Выбор пал на Степана Костарева и меня. Это и было мое первое делегатство.

За начальника мастерских Шестаковского правил всегда мастер механического цеха инженер Гельцерман, человек с либеральными взглядами; Шестаковский же был горький пьяница, ни в какие наши интересы не входил, за исключением разве того момента, когда он был назначен председателем возникшего общества трезвости.

Пришли. В чем дело? — «Нас послали рабочие спросить у вас, праздник или не праздник царский день?» — Мастер опешил: «Что за вопрос, конечно, праздник». — «Тогда нам согласно правил расчетной книжки должны отметить полуторную плату». — Стали смотреть правила; там относительно царских дней сказано неясно, но определенно ска-

зано о двунадесятых праздниках; все же остальные дни отнесены к рубрике «работать по соглашению». Соглашение же мы очень хорошо понимали по пословицам: «С сильным не борись, а с богатым не судись», «нанялся — продался». Так на этот раз ничего не вышло, а отметки неработавшим в этот день мастер об'яснил тем, что, хотя некоторые рабочие и работают поденно, но считаются штатными и им отмечаются все тридцать дней. В последствии нам об'явили, что царские дни не считаются праздниками, и мы вольны работать или не работать в эти дни, невыход на работу прогулом считаться не будет. Мы узнали, что эта «вольность» произошла вследствие беспорядков на той же самой почве, где-то в крупных рабочих центрах.

Этот ничтожный случай имел для меня решающее значение по своим последствиям. Это было толчком к тому, что я сделался социал-демократом.

Вскоре после этого случая ко мне подошел слесарь Ефим Рагозин и говорит: «С тобой хочет познакомиться один человек». — «Ну и что же?» — «Просит, чтобы к нему пришел». — «Да кто он такой?» — «Адвокат». — «Адвокат? А что ему нужно от меня, да и как он узнал, что я на свете есть?» — «Об этом ему сказал я. Я был у него по делу, он меня расспрашивал, где я работаю и как идут у рабочих дела. Я рассказал о недоразумении с начальством 14 мая, он спросил, а кто у вас больше верховодит, я указал на тебя, и он очень просил привести тебя к нему. Это, брат, особенный адвокат, да вот сам увидишь. Идем что ли?» — «Когда?» — «Сегодня, после работы». —« Да ведь переодеться, чай, надо?» — «Ничего не надо; говорю тебе: это особенный адвокат — он штаны твои рассматривать не будет. ты ему нужен. Идем».

Таким образом я познакомился с Владимиром Николаевичем Трапезниковым.

Около того же времени произошло и другое знакомство. Я снимал квартиру на Пермской улице; дом был старый, у меня пустовало две комнаты, в которые я решил пустить жильцов. Квартиранты скоро нашлись: ученики реального училища старших классов горного отделения, «горняки», как мы их называли. Часть этих учеников была из Западного края, из Вильно и других городов; они держались особой группой и целыми толпами вваливались к моим квартирантам; иногда происходили веселые пирушки. Народ был молодой, веселый, в большинстве неприхотливый.

Из этой шумной толпы выделялся один высокий, худой и всегда с серьезным выражением лица юноша. Звали его Гаврило Ксаверьевич Соссулич. Скоро я заметил, что он очень

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

внимательно присматривается ко мне и часто заводит разговор о том, как мы работаем, что читаем в мастерских. Как-то раз говорит мне: «А вы очень любите читать книжки?» — «Все на свете променяю на хорошую книжку». — «Вот я вам дам хорошую книжку», — и «всучил» мне «Царь — голод». Я действительно почти всю ночь просидел над этой книжкой и совершенно ошалел перед открывшимся предо мной горизонтом. Когда он через день пришел справиться о результатах, я вместо ответа бормотал стихи из эпиграфа книжки: «В мире есть царь, этот царь беспощаден, голод названье ему». За этой книжкой последовали другие.

Я стал посещать Владимира Николаевича, а Соссулич меня, принося иногда с собой революционные книжки, а впоследствии и газету «Искра».

Зарождение первого кружка рабочих было чрезвычайно трудным; людям, вошедшим в рабочую среду после девятисотых годов, а особенно в эпоху после 1905 г., трудно даже и представить себе, что представляла собою рабочая масса того времени. Слово «политика», неосторожно произнесенное кем-либо, заставляло слушателя вздрагивать и испуганно озираться. Перед его воображением неизменно вставали темная повозка, цепи, жандармы и «неизвестно куда девали». Слово «политика» было жупелом, и мы первое время избегали его употреблять. Немногим лучше было и слово «социалист». «Социалист проклятый», «варнак», — срывалось иногда от пришедшей в высшую ярость супруги, встречавшей своего благоверного после проведенной им бурной ночи без копейки в кармане, несмотря на принятые ею вчера отчаянные меры поймать «варнака» у самой проходной и отнять у него получку, с которой он при помощи товарищей все-таки улизнул. В общем, в понятиях большинства безграмотных рабочих социалисты — это типы, которые «даже царя убили».

Для примера приведу следующее: в железнодорожных мастерских работал строгальщиком старый рабочий, некто Власов, считавшийся чуть ли не самым умным из всех рабочих.

Он пользовался большим уважением у рабочих и начальства. Когда приезжало вновь назначенное начальство, нужно было его встретить, а когда уезжало — проводить, причем неизменно Власову самими рабочими при поощрении местного начальства заказывалась «речь», которую он должен был произнести при поднесении хлеба-соли или иконы для чествуемого. Нужно ли говорить про содержание этих «речей», выжатых из полупомешанной головы этого старика. Подхалимство и рабская покорность сквозили в каждом сло-

ве этих «речей», но на рабочих они действовали сильно: я нередко видел слезы умиления на глазах некоторых, особенно старых рабочих.

— Власов, почему у тебя зубов нет? — трунил бывало над стариком Братухин. — С начальством много целуешься. Кто с начальством много целуется, у того никогда зубов не бывает.

Я видел на стене у одного рабочего «стихи», сочиненные на смерть Александра II этим Власовым, они висели на видном месте в хорошей рамочке и за стеклом.

Стихи начинались так: «Ах, как больно нам было узнать про злодеев» и т. д. Конечно, стихи были очень неграмотны.

Я попробовал дать этому Власову книжечку, предусмотрительно завернутую в бумагу, и советовал прочитать ее; она, мол, почти совсем божественная. На другой день утром он пришел ко мне к станку, и я изумился происшедшей в нем перемене: глаза воспалены, лицо осунулось, чуть ли не поседел еще больше за ночь. Он, суя мне книжку, «христом богом» просил никому не говорить, что она была у него.

— Ведь это — политика! Спаси бог, — с ужасом шептал Власов. — Всю ночь не спал: вот, думаю, нагрянут — и погиб ни за грош.

С тех пор Власов поворачивался спиной, если даже издали увидит меня.

Рабочих типа Власова было огромное большинство. И вот в этот лес, в эту чашу, был твердой рукой направлен топор дровосека: этим дровосеком был Владимир Николаевич, а его достойная супруга Раиса Петровна, из которой мы, рабочие, чуть не создавали себе кумира, занялась отделкой чурбанов, поступивших к ней в таком сыром виде, что иногда становилось страшно.

Как-то раз, помню, мы выходили из леса на дорогу, я шел рядом с Раисой Петровной. Она показалась мне задумчивой и уставшей.

— «Раиса Петровна, — вдруг заговорил я, — а ведь вы похожи на утку». Она с недоумением взглянула на меня. — «Посмотрите назад, каких вы цыплят вывели». Она оглянулась, обвела взглядом бесшумно выступающие из-за деревьев в уже темневшую полосу дороги фигуры рабочих. Благодаря наступившей тишине в сумерках пустынной дороги эти фигуры, с задумчиво поникшими головами и опущенными руками, казались загадочными. Что за мысли ворочались в их опущенных головах? Должно быть Раиса Петровна поняла это лучше меня: я видел, какой лаской, какой чисто материнской нежностью осветилось ее лицо. С улыбкой посмотрев на меня, она быстро зашагала по дороге.

Вспоминая это прошлое, я не могу не отметить, сколько нужно было чисто женской нежности и не женской смелости и твердости, чтобы «раб, стонавший лишь от боли, превратился в борца». Немного осталось от нашей стаи, но оставшиеся остались верны до могилы тем заветам, которые вложила в нас недюжинная энергия Раисы Петровны.

Трудно было врубаться в этот вековой лес, где, как говорится, не была нога человеческая, но шаг за шагом дело двигалось. К концу года образовалась группа, с которой занялся сначала сам Владимир Николаевич. Собирались мы в доме Комчатова против семинарии, в квартире Николая Гавриловича Лучинина. Иногда собирались у меня, летом же большею частью в лесу. Группа была небольшая: Братухин, Костарев, Шишкин, Кудрявцев, Швецов, Бухорин, Александров, Старцев, Кашин и др.

Иногда зимой мы, рабочие, устраивали себе развлечения, в которые вовлекали и своих серьезных воспитателей. Например, на масленице мы брали лошадей и совместно со своими учителями закатывались на Верхние Муллы, причем Раиса Петровна правила лошадьми, гикала по-ямщицки и тем приводила нас в неистовый восторг. В В.-Муллах, к изумлению крестьян, вместо обычной в таких случаях попойки, мы что-то читали, о чем-то говорили и уезжали назад с пением Марсельезы. На рождество мы вваливались со своими замаскированными женами в квартиру Трапезниковых, приводя в немалое смущение хозяев своей неконспиративностью, но как-то невольно и их втягивали в наше веселье. Раиса Петровна танцевала с нами и хохотала от души над нашими костюмами, а Владимир Николаевич уходил в свой кабинет, но долго там не высиживал и выходил посмотреть на наши чудачества.

Сосунцев с первого знакомства не оставлял меня, продолжая давать книжки и, как говорится, руководил. То и дело он спрашивал: «Ну, как много народу?» А когда к осени я сказал, что человек 15—20 читает книжки, он заявил: «Пора сделать собрание, где-нибудь на воле; квартиры подходящей нет». Он жил тогда на Петропавловской улице, против училища, снимая маленькую комнату, куда я иногда заходил к нему.

Я обошел окрестности и остановился на «4-й ямке» по дороге между Мотовилихой и Пермью, сейчас же за горами на правой руке от Перми, немного в стороне от дороги. Ямка образовалась, видимо, от когда-то копаной руды и была достаточно велика для вмещения 15—20 человек, причем от гребня, окружающего ямку, были видны окрестности

на все четыре стороны. После пяти часов вечера потянулись одинокие фигуры к этой ямке. Мы с Костаревым постарались притти первыми и с тревогой перешептывались. Народ подходит, а Соссулича все нет, как нет. «А ведь, придется говорить тебе, Евгений; только, послушай меня, говори все, только царя на первый раз не поминай». — «Послушай, Степа, как говорить о нашем бесправии и о наших поработителях, а того, кто всех давит, не упоминать». — «Ну, как хочешь, только поосторожнее».

Степан Костарев был старше нас годами: в 1883 г. он служил писарем воинского начальника в Перми. Движение восьмидесятников захватило и его: он помнил разгром тогдашнего движения и ему самому пришлось отсидеть два месяца строгого ареста, потому что в его присутствии был истоптан портрет государя. Расправа, последовавшая за тем, наложила на него неизгладимое впечатление, хотя, по его словам, дело постарались заглушить.

В шесть часов собрались все, только нет руководителя.

Это была самая первая массовка и, по странной случайности, без интеллигента. И часто я потом вспоминал слова Карла Маркса, что «освобождение рабочих — дело рук самих рабочих». Наш интеллигент просто сбежал на этот раз, видимо, не надеясь на свои силы. Он вообще, как я потом неоднократно убеждался, ораторским искусством не обладал и с народом был довольно робок, и в этом случае был полной противоположностью Владимиру Николаевичу. Но как-никак, а массовка прошла отлично, и мы разошлись подбодренные нашей солидарностью и решением итти вперед по намеченной дороге без колебаний. Как я сказал вначале, дело велось в высшей степени осторожно. Народ был темный, забитый и крайне робкий. Из первых членов кружка было только несколько холостых; большинство было женатые, а некоторые даже многосемейные. Был, например, старик лет под шестьдесят Иван Трофимович Кащин, совсем неграмотный; несмотря на это, он являлся одним из деятельнейших членов кружка. Заручившись книжкой, он во время обеденного перерыва отзывал какого-нибудь мальца из своего, а потом и других десятков: «Вот, Сенька, пойдем-ка в уголок подальше, чтобы никто не мешал: книжка у меня шибко хорошая есть, ты почитай, а я послушаю; сам-то я неграмотный, а книжка интересная». Малец читал и таращил глаза на старика: «Это что же, Иван Трофимович, ведь тут все про нашего брата сказано». — «То-то вот, что про нашего, а ты язык прикуси и не болтан. Завтра еще почитаем», и прятал книжку в ему одному известное место.

Говоря про нашу администрацию того времени, я не могу не обратить внимания на отсутствие русских в высшем ее составе. Когда я поступил работать, начальником дороги был Островский, поляк, начальником тяги — Славинский, поляк, начальником мастерских — Козловский, поляк, мастером механического цеха — инженер Лемкуль, латыш; мастерами всегда были инженеры, кроме Окенчица, мастера кузнечного цеха, не знаю какими путями втершегося туда реалиста-недоучки, но тоже поляка. Начальником депо был Якушевич, поляк; после Козловского начальником мастерских — Шестаковский, поляк; после него Шиманский, поляк; мастером сборного цеха — Бернштейн, еврей, и мастером механического цеха — Гельцерман, немец.

Мне кажется, что в нашем начальстве, помимо сознания в себе белой кости, не мало было и национальной гордливости, заставлявшей его смотреть на нас, рабочих, как на какую-то низшую расу, неспособную подняться в своем самосознании выше вьючных животных. Они долго не могли понять, отчего это рабочие становятся все смелее и требовательнее, и об истинной причине долго не догадывались. Это было нам наруку

Слово «провокатор» тогда было неизвестно, а были в ходу «наушники», «шептуны», «подлипалы» и т. д. Таких мы знали наперечет и были с ними осторожны. Слово «шпик» тоже было неизвестно. Острых столкновений пока мы избегали, мелкие улаживались по-семейному. Например, так: подходит время получки (а тогда она производилась раз в месяц, и нетрудно понять, с каким она нетерпением ожидалась), — признаков таковой не видно. Трое — четверо рабочих из разных цехов к начальнику. «Что надо?» Вырастает вдруг фигура знаменитого сторожа Ивана, изо всех сил старавшегося показать нам, что он, хотя и сторож у своего «барина», но для нас, чумазых, большая персона, а потому, завидя нас, он моментально надевал фуражку с кокардой. «Зачем пришли?» — прижимаясь плотно спиной к дверям кабинета начальника, еще грознее повторял вопрос Иван. — «К начальнику мы, получку просить». «Будем давать, будем давать», — поднимал Иван руку ладонью к просителям. Рабочие с хохотом удалялись, и получку действительно давали: Или: «Ничего неизвестно», — тогда рабочие круто поворачивались и шли к начальнику тяги Славинскому. Тот уже по опыту знал, что раз время пришло, то от рабочих ничем не отвяжешься и звонил в счетоводство: «Расчет готов?» — «Не совсем». — «В три часа — выдача», и бил отбой. И выдача производилась.

Мало-по-малу стало заметно, что рабочие стали просыпаться и начальство забеспокоилось. Первым признаком роста сознания рабочих послужил такой комический случай. Мастерские собрался навестить недавно назначенный начальник дороги Повалишин, гость редкий. Администрация мастерских захлопотала о почетной встрече: надо хлеб-соль, надо блюдо. Сейчас же за бока Власова: «Сочиняй речь». На покупку блюда объявили подписку. Ходит с подпиской табельщик, но подписка, против обыкновения, подвигалась плохо, а время не ждет, блюдо заказано с инициалами и с надписью. Решили денег прихватить взаимообразно из «образной кассы»[1].

Дальше все пошло своим порядком. Коль славен «речь», Власов расцеловался, утер слезы кулаком, начальник тоже прослезился и утер свои глаза платочком, даже всхлипнули оба. Ну, как есть, в доброе старое время: «вы наши папаши, а мы сукины дети». Наше начальство только чуть не пляшет от восхищения.

Проходит месяц, наступила получка. «Это что? Куда полтинник вычел?» — «Вот тебе, будто не знаешь, а на блюдо начальнику». «Ничего не знаю. Давай сполна, а за блюдо пусть Власов платит, он с ним целовался». Шум, гам. «Да что тут толковать. Вали ребята к Повалишину! Начальство нас надуло, сказало, что деньги из кассы, а тут вакося, отдай полтинник, а за что? Ишь, ребята, не старое время нас обжуливать».

И вот перед квартирой Повалишина выросла порядочная толпа. «Что такое?» — «Так и так, тебе блюдо поднесли, а с нас деньги вычли. Не желаем!» Начальник пришел в ярость и долго дулся на нашу администрацию.

После этого случая наше начальство поумнело и, когда приезжал министр путей сообщения князь Хилков, то оно приняло другие меры, оказавшиеся еще более неудачными. Осведомленный о «непочтительных» настроениях рабочих, князь отказался взглянуть на мастерские, набитые такими смутьянами. Был слух, что он осмотрел мастерские после работы. Но об этом после.

Начальство, видя, что рабочие сильно изменились «в дурную сторону», чтобы не допустить их до окончательной порчи, задумало руководить их воспитанием в благую сторону. Было объявлено, что желающие рабочие могут образовать общество трезвости; если таковое образуется, то оно,

[1] Так называлась касса, образованная из штрафных денег, взимаемых с рабочих за нарушение правил, в том числе и за участие в стачках 6-го мая и 6-го декабря.

начальство, пойдет навстречу такому благому делу и озаботится приобретением «волшебного фонаря», постановкой туманных картин и других развлечений. Но из этой затеи ничего не вышло; в туманных картинах нам показывали только царей и каких-то бабочек жесткокрылых и мягкокрылых, а для других развлечений пришли попы и повели душеспасительные беседы. На эти зрелища и беседы никто ходить не стал.

В том же 1898 г., посещая Влад. Никол., я познакомился с другими интеллигентами: Иваном Павл. Ладыжниковым, Ильей Фрязиновским, Евгением Пузыревым, Влад. Широких, Вас. Южаковым и другими. Илья Фрязиновский и Широких были студентами-технологами и работали в мастерских практикантами. Женя Пузырев, студент военно-медицинской академии, был выслан в Пермь в 1898 г. после предварительного заключения с зачатками чахотки, от которой скоро и умер, — 2-го мая 1900 года.

По мере увеличения группы сознательных рабочих образовывались новые кружки, с которыми и занимались свободные интеллигенты. На некоторое время я прикомандировывался к Ивану Павл. Ладыжникову. С ним мы делали набеги на Мотовилиху, чтобы завязать связь с тамошними рабочими. Но дело сначала не ладилось, так как знакомых, работающих в заводе, у меня не было. Пришлось налечь на Степана Костарева, как тамошнего старожила. У него в доме и завязалось первое знакомство. Имен первых рабочих мотовилиховцев я не помню, так как с первого знакомства они перешли к Раисе Петровне и др., и мне с ними встречаться не приходилось.

Нужно помнить, что в те опасные для такого дела времена мы умышленно старались не сообщать без нужды фамилии рабочих, так что часто приходилось знать в лицо хорошо человека, а не знать его фамилии.

Кружок интеллигентов также расширялся; появились Мария Прокоп. Федорова, Ткаченко, Владимирский и друг., которые постепенно были снабжены учениками-рабочими.

Рабочие в мастерских постепенно пришли к сознанию, что нам необходимо сгруппироваться около какого-нибудь центра помимо «подполья» и таким путем показательно действовать на наиболее отсталых и робких товарищей.

Заимствование из кассы на поднесение блюда начальнику дороги натолкнуло нас на мысль отвоевать «образную кассу», добиться ее перехода в наше распоряжение. Ссудами из этой кассы пользовались служащие и пр. привилегированные рабочие; рядовым же рабочим о получении ссу-

ды из этой кассы и мечтать было нечего. В кассе было около двух тысяч рублей.

Постепенно мы узнали, что касса не имеет ни устава, ни разрешения, следовательно, она незаконна, а потому мы приступили к делу.

Пришли к начальнику мастерских делегаты и заявили, что это, мол, вы заимствуете деньги из кассы на блюда и другие надобности, отчета не даете, а деньги кассы принадлежат исключительно рабочим. Рабочие требуют отчета.

Делегатами были Петр Яковлевич Старцев, Степан Костарев и я. Начальство всполошилось не на шутку: ведь касса-то незаконно столько лет существовала, и руку-то к ней прикладывали многие. Начальник Шестаковский обещал нам, что он немедленно прикажет приготовить отчет. Отчет, действительно, был приготовлен скоро и вывешен на стене: в наличности оказалось более двух тысяч рублей. Мы явились опять и заявили, что отчет лично нас удовлетворяет, но старые рабочие, высчитав по-своему, говорят, что денег должно быть гораздо больше, тем более, что ссуды давались под проценты.

«Эх, как бы развязаться с этой кассой, вот она где у меня сидит», — говорит Шестаковский, показывая на затылок — «Нам, кажется, разрешить этот вопрос нетрудно»,— отвечаем мы. — «Как, как?» — спрашивает начальник. — «Очень даже просто: рабочие давно говорят, что в критический момент негде даже рубля взаймы взять; если вы разрешите сделать собрание, рабочие наверное согласятся основать ссудо-сберегательную кассу с нормальным уставом. Устав вы пошлете на утверждение в центр и по утверждении, деньги «образной кассы» на законном основании перейдут в законно «утвержденную кассу основным фондом». — «Совершенно правильно», — согласился начальник.

Собрание было разрешено. Нам это и надо было.

Собрание состоялось, был выбран комитет кассы, в который вошли Старцев, я и котельщик Ляхов. Устав был послан в центр и по утверждении вернулся, когда меня в мастерских уже не было. Но кассу мы все-таки сорганизовали, и в ожидании утвержденного устава она стала расширяться и деньги на сбережение от рабочих стали поступать, несмотря на то, что начальство косилось на нее. Вот происхождение кассы, которая долго функционировала, да, кажется функционирует и теперь.

Но, увы! Денег образной кассы по утверждении устава рабочие не отстояли. Начальство послало их куда-то на Афон, и хоть тем да досадило рабочим. Но это, повторяю, случилось без меня

Пока же мы легально группировались около еще нелегальной кассы. Мне Владимир Николаевич не раз говорил: «Плюньте вы на эту кассу, она у вас только время отнимает и отвлекает от настоящей работы. Ведь есть у нас партийная касса и довольно с нас».

Мы же, рабочие, рассуждали иначе. Партийная касса насчитывала членов единицами, а эта — десятками и являлась переходной ступенью для нерешительных и осторожных рабочих. Отчужденные же совершенно, они так и останутся от нас отрезанными и, при случае, как ничем с нами не связанные, очутятся во враждебном нам лагере.

Интеллигенты в свою очередь тоже не спали: появилась легально издававшаяся газета «Пермский край». Мы знали ее редактора — Влад. Ник., и знали, что она наша. Эта газета немало способствовала подъему нашего духа. Толчком к ее организации мог послужить следующий инцидент.

Как я уже говорил, наши мастерские собрался навестить проезжавший министр князь Хилков. Начальство, наученное горьким опытом с блюдом начальнику дороги, захотело сделать подписку на поднесение хлеба-соли министру на добровольной основе и вывесило об'явление приблизительно следующего содержания: «Проездом с Дальнего Востока посетит Пермь его сиятельство министр путей сообщения князь Хилков, причем удостоит своим посещением и железнодорожные мастерские. Так как его сиятельство когда-то сам работал простым рабочим, то было бы желательно, чтобы рабочие железнодорожных мастерских приветствовали его сиятельство поднесением хлеба-соли, а потому предлагается рабочим сделать добровольную подписку на покупку блюда для этого. Начальник мастерских Шестаковский».

На другой же день это об'явление оказалось в руках Владимира Николаевича и он «добровольно предлагается» разукрасил такими гирляндами, что наше начальство, прочитав в «Сыне Отечества» («Пермского Края», тогда еще не было) свое об'явление о «добровольно предлагается», сейчас же принялось писать опровержение. Но должно быть с перепугу написало так, что окончательно посадило себя в галошу. На первой странице газеты были напечатаны и опровержение, и такая статья, что наше начальство совсем сбилось с толку и растерялось, откуда посыпалась такая напасть.

Зато рабочие ликовали во-всю: «хо...хо...хо...» — надрывались рабочие, где-нибудь в уголке, читая забористую статью Владимира Николаевича. Рабочие скоро поняли силу печатного слова, небоящегося даже министров. «Вот бы в газету-то, ребята», стали частенько слышны разговоры между рабочими. Хотя номеров газеты «Сын Отечества»

5/15415.

было прислано порядочно, этим не удовлетворялись. Воспользовавшись таким случаем, Владимир Николаевич, кажется, с Фрязиновским и катал прокламации на самодельном ими гектографе. Нам же, рабочим, эта музыка еще была совсем незнакома. Это были первые прокламации. До этого времени о них мы и не имели понятия.

Нельзя не остановиться на характеристике отдельных слоев рабочих. Читали книжки многие, но результаты получались различные. Одни и те же прочтения делались как-то серьезнее, охотно шли на собрания, вносили свои реплики по какому-нибудь местному вопросу и, спустя известное время, входили в организацию. Это были лучшие, и их было немного.

Другие читали книжки, прочли еще, могли их отдавали, на совещания ходили, но старались быть незаметными, голоса не подавали и могли легко отходить. В организацию они упорно не шли, но помогали всем усердно: сорвать объявление, наклеить прокламацию и даже запустить камнем в предателя, — за все такие более или менее рискованные дела брались охотно, но делать это старались в сторонке.

Вот, например, рабочий Рагозин. Как-то я добился его откровенности, почему он не идет в организацию и не посещает массовок. Он ответил мне так: «Послушай, Евгений, вас так немного, что даже кружок назвать нельзя, шепотка какая-то. Вот погоди, разбегаются все жандармы, и будете все у черта на куличках и никому будет даже предателю банку разбить. Вы делайте свое дело, а я буду свое». В некотором отношении он был прав, и его своеобразный взгляд был не единичным.

Третья категория рабочих наиболее распространенная: прочитав несколько книжек, новых не требовали, в организацию не шли, на собрания нелегальные ходили охотно. Они говорили так: «Мы с вами, в чем дело, и всегда готовы, когда придет время, бастовать, а пока надо быть осторожнее, вылетать недолго, а кто защитит? Организация слаба, а полиция хитра».

После случая с министром полиция насторожилась, и некоторые из нас попали под подозрение. Меня, например, Гельцерман перевел из отдаленного конца цеха на станок, стоящий у самой канцелярии, и наблюдал за мной собственной персоной. А раз прямо спросил меня, почему это ко мне подходит очень много рабочих из разных цехов; постоят, о чем-то поговорят и уходят.

— О чем вы говорите? — «Да так, что случится, пустяки разные; я их не зову — сами подходят, а работе моей не мешают»

Это происходило в 1899 году. По разным признакам я догадывался, что меня хотят вышибить из мастерских и ждут только случая. Как-то я горячо поговорил с Гельцерманом от имени рабочих, отстаивая какие-то расценки. На другой день меня вызывают в канцелярию цеха и табельщик об'являет, что я оштрафован на один рубль «за агитацию», и просит расписаться в журнале. «Что такое, за какую агитацию? Я не понимаю этого слова, а потому не расписываюсь». Ко мне подходит Гельцерман, кладет на плечо руку и говорит: «Не будем, г. Кудрявцев, притворяться. Мы с вами отлично знаем, что такое агитация». Как вам угодно, но я никогда не распишусь под тем, о чем я не имею понятия; если вы раз'ясните, может пойму». Но Гельцерман раз'яснять не стал, а в тот же день, кажется, собственноручно, повесил в проходной об'явление, которое гласило: «Токарь механического цеха Кудрявцев оштрафован на один рубль за агитацию». Я понял, что долго мне в мастерских не удержаться. Пробу сил для планомерной борьбы производить было еще рано. Но некоторые рабочие высказывали нетерпеливость, и трудно было удержать их от единичных выступлений. Один из таковых — Василий Плюснин обиженный сбавкой расценки на свою работу, запустил тяжеловесной гайкой в Гельцермана, но промахнулся и попал его помощнику Петухову в плечо, не причинив особого вреда. У Плюснина сделан был обыск, и он был арестован. Просидел в тюрьме он три месяца и был освобожден. Это был первый арест.

Но что всего более показало, что рабочие уже не те, какими были до 1898 года, — это выборы уполномоченных в железнодорожное общество потребителей.

Раньше выборы происходили так: табельщик раздавал избирательные записки, которые в большинстве случаев не заполнялись, а если и заполнялись, то исключительно начальствующими лицами. Так велось всегда. В 1899 г. подоспели выборы новых уполномоченных. Получился полный перелом. У рабочих оказался список кандидатов, ничего общего с прежними не имеющий: в нем не оказалось ни одного инженера, а все мелкие служащие и рабочие. Рабочие до того времени в уполномоченные итти не хотели, а потому с кандидатуры отказывались, рассуждая так: «Ну, что я там буду делать среди начальства? Для того, чтобы молчать, не стоит итти, а если заговоришь, живо вылетишь!» Теперь же избирательные листки стали заполняться никому до сих пор неведомыми именами мелких служащих и рабочих, а именно: Павел Александрович Матвеев, Леонид Михайлович Еленев, Иван Павлович Ладыжников, Т. П. Камнев;

из рабочих — Кудрявцев, Александров, Костарев и т. д. Выборы прошли дружно и, — о, чудо! — все намеченные кандидаты служащие прошли, но из рабочих прошел пока один Евгений Константинович Кудрявцев, так как служащие, по незнакомству с рабочими мало их поддержали.

Первое же собрание уполномоченных закончилось скандалом. Чинно усевшиеся инженеры, старые заправилы, предвкушая предстоящее удовольствие обильной выпивки и роскошной закуски, обходившейся обществу в несколько сот рублей, повели собрание, как и прежде, благодушно и во всем соглашаясь с правлением. Вдруг собравшиеся услышали такие речи, что, не высидев и двух часов, принуждены были собрание закрыть.

Довели до сведения начальника дороги, считавшегося председателем общества, что в среду благонадежных людей проникла «крамола». Начальник дороги нашел список уполномоченных не соответствующим своему назначению и назначил новые выборы. На эти новые выборы рабочие и служащие ответили таким дружным сплочением, что провели тех же крамольников еще большим количеством голосов, давши им по шестисот и более голосов. Начальству пришлось воочию убедиться, что народ хочет вступить в свои права и собирается встать на свои собственные ноги.

С этого времени начинается уже более определенная борьба. В мастерских намечен ряд рабочих к увольнению, но держалось это пока в секрете. Искали подходящего предлога, чтобы сделать чистку. К концу 1899 года поступил в мастерские рабочий гормозного завода Заломов и тоже повел агитацию, но скоро был замечен и вылетел. С другой же стороны, повел агитацию как-то сепаратно и местный рабочий Николай Казаринов, оказавшийся потом провокатором.

К концу года вышло как-то стихийно нечто в роде забастовки. Рабочие, недовольные, кажется, снижением расценок (точно причину не помню), покинули мастерские во время работы, а на другой день на работу не вышли, но не все — часть к забастовке не примкнула, и это показало, что сила наша еще слишком слаба, чтобы начать правильную борьбу. Это событие окончательно выявило нежелательных для начальства рабочих, которых, как зачинщиков, было решено вышибить из мастерских. В первую голову был назначен я, кстати, давший к этому и повод.

Во время забастовки я, обходя еще не покинувших мастерские рабочих, наткнулся на токаря Т., который один из всего верха механического цеха, уже покинутого рабочими, оставался у станка и продолжал работать. Я посоветовал ему

примкнуть к товарищам и выйти за проходную. Он, нахально глядя на меня, заявил, что я ему не указчик, а на товарищей ему наплевать. Я сгоряча пригрозил ему, что заставлю его уйти силой. Все это он донес начальству.

Когда все успокоилось и наши требования были удовлетворены, я был вызван в кабинет начальника. Там я увидел весь состав администрации мастерских. По лицам их было видно, что у них было совещание и принято какое-то решение. При моем входе с места поднялся Гельцерман и сделал мне навстречу несколько шагов.

— Вот что, Кудрявцев, у нас было совещание и решено вас уволить из мастерских. Я же предлагаю вам, чтобы вы ушли добровольно, и мы дадим вам тогда удостоверение, что вы уволились по собственному желанию. У нас есть доказательство, что вы, подстрекая рабочих к бесчинству, угрожали при этом учинить насилие.

Я, оглядев всех присутствовавших и прочитав на их лицах свой приговор, согласился. Таким образом в конце ноября 1899 г. мне пришлось покинуть мастерские.

На другой же день после моего ухода из мастерских в предателя Т. был брошен тяжеловесный кусок железа. Только случайное движение головой спасло его. Гайка, просвистав мимо ушей, ударясь в колонну, рикошетом контузила ему ногу. Гайка была брошена Рагозиным.

Как и нужно было ожидать, мое увольнение было только началом. Не прошло и двух недель — приходит ко мне Братухин и сообщает, что его тоже увольняют: мастер Бернштейн придрался к совершеннейшим пустякам. Расчета Братухин пока еще не взял. Что делать? Стали обсуждать положение: ведь, если так пойдет дальше, то вышибут всех членов организации. Назначено к расчету много (преждевременная забастовка выявила всех сознательных товарищей) и если допустить сделать «чистку», то все опять пойдет по-старому и снова замрет все на долго.

Надо бороться, но как? О коллективном протесте нечего и думать: это только ускорит развязку. Решили действовать вдвоем, не посвящая в свои планы ни товарищей-рабочих, ни, тем более, интеллигентных руководителей, которым трудно понять, какие условия создадутся среди рабочих, напуганных массовым увольнением передовых товарищей. Решили начать с малого и постепенно переходить к более серьезному.

Сначала Братухин попугает своего гонителя Бернштейна самолично, отнюдь не причиняя ему какого-либо вреда.

Бернштейн ходит на службу в 8 часов утра пешком и близ мастерских, по Верхотурской улице, проходит доволь-

по безлюдным местам. Здесь его встретит Братухин и потребует, чтобы мастер не смел его беспричинно увольнять.

Встреча произошла. Братухин железной рукой сгреб за грудь вертлявого мастера: «Примешь меня обратно работать?» -рычит Братухин, борясь с желанием цапнуть по его плешивой голове (фуражка сразу слетела) другой свободной рукой с пудовым кулаком. -Если уволишь, все равно убью». И встряхнув еще раз, как куренка, Братухин выпустил свою жертву. А часа через два, как ни в чем не бывало, явился в мастерские.

— А, Братухин, Братухин, вот тебе, вот тебе. Теперь не возьмешь меня за горло, — запрыгал перед ним мастер, показывая револьвер, — попробуй теперь взять меня за горло, застрелю, застрелю.

Братухин чуть не расхохотался, глядя на комическую фигуру разъевшегося тщедушного мастера. Встречу свою с Берштейном, он строя самую невинную рожу, отрицал и расчета пока не взял.

Стали опять ломать голову: что делать? Надо немножко остудить Берштейна. Горяч больно. Как? А вот как: сегодня, смотри какой мороз, градусов 30 будет, а то и побольше: возьмем извозчика, подъедем к его дому и запустим ему в окно полено. У него, кажется, детей нет, а жена где-то в Москве живет.

Отлично. А где взять извозчика? Есть такой: Митька Пирожков. Идем искать Митьку. Нашли, заехали в пивную. «Вот что, Митька, надо одному барину полено подарить, без тебя не обойтись. Живет в центре, на Екатерининской улице»

Митька, ненавидевший всех бар на свете, колебался недолго. Часов в одиннадцать вечера подъезжаем к дому. Ночь морозная, ясная, кругом светло, как днем. Я привстал в санях и взял Митьку за воротник, предупредив его, что, если он раньше времени двинется с места, то я опрокину его в сани и задержу лошадь. Братухин подходит к дому (окно довольно высоко от земли), раскачивает полено и... трах-трах-трах!.. разносится на огромном пространстве в морозном воздухе; стекла сыплются, но полено падает обратно: помешал переплет рамы. Братухин поднимает вновь полено и подходит к другому окну, снова звон и треск, и полено исчезает. Митька гикнул, лошадь взяла сразу, но тут же на повороте так тряхнуло сани, что у Братухина слетела шапка с головы. От ближайшего угла за нами в погоню кинулись два извозчика. Но недаром Митька хвалился всегда своим рысаком: когда мы въехали в слободку, погоня была уже чуть видна, а на повороте и совсем исчезла.

Дело сделано хорошо. Но шапка... Спустя час проехали этим местом; все спокойно, но шапки не нашли. Необычайный шум привлек к месту происшествия караульщиков, полицейских, извозчиков, прохожих, так что немудрено, что шапка попала в руки неприятеля.

Заехали к Братухину. Митьку отпустили. Стали совещаться; в совещании приняла участие и жена Братухина, которая и подала благую мысль сходить пораньше на толчок и поискать похожую на старую шапку. И действительно, шапку она купила очень похожую на старую. Тут же было решено, что Братухин пойдет в мастерские в купленной шапке.

Ночное событие стало уже известно многим рабочим, что было видно из тех пытливых взглядов, которыми встретили Братухина рабочие. Лишь только Братухин вошел в канцелярию цеха, мастер, как бешеный, сорвался с места: «Га, пришел, пойдем, пойдем — орал мастер, таща Братухина за рукав. — Куда пойдем?» — «К начальнику, к начальнику!»

Пришли в кабинет начальника, первое, что бросилось в глаза Братухина, это — шапка, почетно «восседавшая» на самой середине письменного стола начальника.

«Это твоя шапка?» — «Откуда она моя. Моя при мне». — «А это чья?» — «У вас на столе, значит — ваша».

В кабинет стали подходить оповещенные мастера других цехов, создалась целая комиссия; вторую шапку поставили рядом с первой, стали вникать в «тонкости» рабочих.

«Которая шапка Братухина?» — задавался вопрос. Рабочий вертел в руках ту и другую шапку и, показывая на новую, говорил: «Эта». Так перебывало более десятка, и все неизменно показывали на вновь приобретенную. Начальство переконфузилось.

Продолжать «экспертизу» было бесполезно. Братухину приказали взять свою шапку и убираться. Но Братухин, ободренный неожиданным успехом, взбунтовался: «Да, что вы, на самом-то деле, издеваетесь. Мне сказывали, что у кого-то у вас нечью стекла выбили, так вы на меня хотите наклеветать. Да я на вас к мировому подам за клевету». С этими словами он ушел и хлопнул дверью. Ну и хохотали же мы над этой экспертизой.

— Ну, теперь, Федя, работать тебе уже в мастерских после этой истории, конечно, не придется; бери окончательный расчет и подавай за клевету на Бернштейна мировому судье, а начальника и всех инженеров зови в свидетели, — хоть посрамим их. Пойдем к Владимиру Николаевичу, посоветуемся, попросим написать прошение судье.

Владимир Николаевич, хотя и не особенно одобрил «террор», но, вникнув в суть дела, прошение написал. Он посмеялся над комической стороной нашего подвига и глупым положением, в котором очутились наши враги.

Дело разбиралось у мирового судьи 3-го участка города Перми Сапожникова. К назначенному для разбора часу к камере судьи потянулись гуськом начальник мастерских, Гельцерман, Окенчиц, Бернштейн. Лица у всех были переконфуженные. Судья, разбирая столь необычайное дело, конечно, принял их сторону и, когда Братухин добавил, что Бернштейн при свидетелях грозил его застрелить, судья не выдержал роли и, привскочив с места, как был с судейской цепью на шее, выпалил: «Да я бы тебя из поганого ружья застрелил». Братухин обиделся на «беспристрастного» судью и подал на него в съезд, а там все дело и заглохло.

Но как бы то ни было, а результаты получились хорошие. Начальство в мастерских изменило к лучшему свои отношения к рабочим. Угрозы увольнением рабочих прекратились, а про Бернштейна рабочие говорили: «Точно кто подменил нам нашего Хаима», такой стал добрый и внимательный».

Только не проняло одного Окенчица. Он продолжал свирепствовать и грозить вымести всю крамольную «сволочь». — «Хоть бы кто нашего «Окенчича» пощупал, горько жаловались кузнецы, — совсем житья нет, собака собакой». — «Как, Федя, по-твоему надо пощупать Окенчица?» — «Обязательно, а то, на него глядя, и другие мастера посмелеют, и наши с тобой труды пойдут насмарку. Только надо уже иначе». Во-первых, Митька был уже непригоден, так как гнавшиеся за нами извозчики указали, что только у Митьки Пирожкова такая резвая лошадь, и его несколько раз призывали в полицию. Но Митька как-то отделался одним подозрением. А, во-вторых — почено решили заменить более существенным, а именно, запустить в окно бутылку с карболовой кислотой (это та коробка, которую льют для дезинфекции в клозеты и от которой спирает дух!).

Едкие свойства этой специи известны, а потому я, достав две бутылки, принес Братухину. Мы зарыли их в снег до употребления, чтобы не «продушить» квартиры. «Ну, и зелье», — дивился Братухин, когда я об'яснил ему, что надо с карболкой быть осторожнен, так как, если случайно попадет на платье, то дыру прожжет. Ну, да и запах же: бутылки не открывали, а от нас обоих разит.

— Ничего, будет доволен. Он кстати недавно женился и везде у него ковры. Надо только, чтобы непременно бутылки разбились в помещении.

Немного спорили, кому бросать бутылку. Братухин решительно заявил, что он никому этого не уступит и представил такие аргументы, что поневоле пришлось согласиться: «Я, — говорил он, — во-первых, шибче тебя бегаю, а во-вторых — у меня, как у слесаря, рука метче, а в-третьих — уже наспециализировался, а ты — токарь, да еще левша; у тебя так не выйдет — вот увидишь». Пришлось уступить.

Около часу ночи отправились. Окенчиц жил на Соликамской улице, во втором доме от угла. Я встал на углу. Ночь яркая, морозная, и мне отлично видно, как Братухин не спеша прицеливается, точно в бабки играет и.... трах!... Братухин бежит и на ходу сообщает: «вдребезги... слышал, как ударилась в противоположную стену, с треском разлетелась».

На другой день, как рассказывали кузнецы, произошло следующее. Обыкновенно в девятом часу Окенчиц являлся в завод и, не заходя еще в канцелярию, обегал кузницу и обязательно кого-нибудь да распекал и, накричавшись уже, шел в свою канцелярию. А тут, что такое сделалось? Подошел к первому горну, уставился на кузнеца и смотрит долго, долго, потом переводит глаза на молотобойца и то же самое; потом к другому горну, к третьему и все это молча. «Ребята, уж не тронулся ли умом наш «Окентич?» — говорили рабочие, заглядывая сквозь стеклянные стенки в канцелярию, — «сидит и голову повесил и ни на кого не лается. Что-то не спроста. Да потом уже узнали: да его оказывается «пощупали» в эту ночь. Шибко были все рады», — закончил рассказчик.

Впоследствии, когда Окенчиц был начальником депо, кажется, в 1905 г., рабочие его вывезли на тачке. Волк, видно, до самой смерти останется волком.

Через короткое время после «щупания» Окенчица, я, вернувшись из поездки по делам службы (служил раздатчиком материалов), зашел к Братухину. «Знаешь что, Женя, ты не осердишься?» — «Что такое?» — «Да я, видишь ли, и ту бутылку с карболкой израсходовал». — «Как, куда?» — «А ее я Гельцерману запустил». — «Что ты, один?» — «Один. Видишь ли, он живет в глухом месте, полицейские далеко, думаю: что тебя беспокоить? Один и управился. Пусть, думаю, не обижается ни на Бернштейна, ни на Окенчица. А должно быть, действительно, зелье выжигающее. Я нарочно на третий день сходил посмотреть: во всей передней половине огня нет, а разбитая рама заставлена доской, но стекла не вставлены, должно быть все еще выветривают».

После того, как я расстался с железнодорожными мастерскими, мне организация стала поручать работу по доставке литературы, распространению прокламации и т. п.

Между прочим, моя квартира часто служила местом ночлега: в ней всегда проживал кто-нибудь из нелегальных товарищей. Их мне доставлял Соссулич, о котором я должен сказать несколько слов.

Соссулич, как было говорено выше, был учеником реального училища, горного отделения; высокого роста, ширококостый, но очень худощавый, с рано обросшим бородою лицом, с вечно серьезными, даже печальными глазами. Я никогда не видел на его лице улыбки и даже, когда он оживлялся, глаза его не изменяли выражения затаенной печали.

Он был фанатиком рабочего движения. По его словам, его отец был сослан на каторгу и там погиб. Он решил итти по отцовской дороге до конца. Первое время он получал кое-какую материальную помощь с родины, но потом помощь прекратилась, и он страшно нуждался. Он не имел даже форменной одежды горняка, а ходил в плохоньком стеганом длинном пальто, в сапогах в заправку; одетый так, он щеголял и зиму, и лето. Это же пальто служило ему и одеялом. Помню, как-то он оказался в особо критическом положении. К хроническому недоеданию он уже привык, но нечем было заплатить за квартиру. Я предложил ему пожить у меня до лучших времен. Несколько подумав, он согласился и вечером же явился, притащив на себе огромный ворох книг. Тотчас же на стене появился большой портрет Карла Маркса, на столе второй портрет его же, но поменьше, а на другой стене — портрет красивой девушки — его невесты, оставленной на родине. Книги разложил на этажерке. Кроме этого при нем ничего не было. «Ну, а когда же совсем-то?» — спросил я — «Да я совсем». — «А как же это?— указал я на кровать. — «Ах, да», — и полез в карман своего пальто, достал из него свернутую простыню и разостлал на голые доски железной кровати, а с этажерки снял несколько книг и положил в изголовье; все это и служило ему постелью, пока он жил у меня, т.-е. в течение нескольких месяцев. Таков был Соссулич. Неопределенность и скудость заработка заставила его бросить ученье и поступить на железную дорогу конторщиком. Помещал он статейки в газетах. Видимо, он был не лишен писательских способностей. Я читал его рассказ в «Вестнике знания»; названия рассказа не помню, помню только, что он был подписан псевдонимом «Кеаверин».

Какое положение он занимал в революционном движении, я в точности сказать не могу, но что он имел большие связи, это несомненно. Я видел у него письма Горького, Мамина Сибиряка и какого-то западного писателя, не то Немоевского, не то другого какого-то — не помню.

В числе многих квартирантов, поставляемых Соссуличем, помню некоего «Бронислава», брюнета с красивыми умными глазами, широким лбом. Вся внешность его говорила, что это человек не заурядный. Он прожил у меня недели 2—3 и так же, как и другие, куда-то уплыл. Вспомнил я «Бронислава» в связи с одним случаем, о котором нахожу не лишним рассказать.

Это было в 1901 году. Нужно было привезти из Екатеринбурга литературу. Подпольная типография находилась там. Соссулич сообщил мне адрес и пароль для явки. Отыскав квартиру где-то в центре города, я сказал условные: «Я к вам от Бронислава» и, получив ответный пароль, тотчас же вошел в квартиру как свой человек. Договорились, что литературу мне привезут к вокзалу ровно за 15 мин. до отхода поезда; я же за полсотни шагов от вокзала буду поджидать ее. Дело было зимой. Поезд отправлялся в 9 часов с минутами вечера. Аккуратно, в назначенное время подкатил на извозчике один из бывших на квартире товарищей и вручил мне саквояж набитый до отказа литературой. Передав мне ключик от саквояжа, он тотчас же уехал обратно.

Я, конечно, вошел в вагон; мои вещи уже были там и, подняв тяжеловесный саквояж на верхнюю полку, я уселся на скамью и стал ждать отхода поезда, намереваясь не спать всю ночь. Так как вагон был служебный и пассажиры садились в него только тогда, когда другие вагоны были переполнены, то он был почти пуст. Только-что отошел поезд, чувствую около меня кто-то усаживается. Оглянувшись, вижу жандарм. Как так, почему жандарм? Езжу по служебному делу уже который год и никогда не видел, чтобы жандарм ехал во втором классе. Всем служащим, получавшим оклад менее 50-ти рублей в мес. полагалось ездить в III классе, и жандарм во всяком случае нарушать законный порядок не будет, да и уселся он рядом со мной. Значит, дело дрянь.

Некоторое время ехали молча. Меня разбирает нетерпение. Скоро станция с буфетом. Стучу чайником. «Не будете чаи пить?» — спрашиваю соседа. — «Можно». «Давайте вместе, веселее, чайник большой». — «Благодарю».

Поезд замедляет ход, беру чайник и делаю движение к выходу. «Да вы не трудитесь, кипятку принесу», и с этими словами жандарм берет у меня из рук чайник. «Карпов, — зовет он, приоткрыв дверь в соседнюю половину III класса, оттуда выглянула усатая физиономия другого жандарма, — в буфет, принеси кипятку».

— Вот так клюква! Да ты, серая шкура, и из вагона-то выпустить не хочешь меня, подумал я.

Пьем чай, задаю отрывочные вопросы, он отвечает односложно. — «Вы, что, по служебному делу едете?» — «Да». — «В командировку» — «Нет». — «Переводитесь?» — «Нет»—«А докуда?—До Перми».—«А потом?»—«Обратно».— «А почему же все-таки не в третьем классе?» (У него билет III класса). — «Мы сопровождаем человека». — «Куда?» — «Пока до Перми» — «А там?» — «Неизвестно». — «Гм... А почему же все-таки не в третьем классе?» — «У него билет второго класса». — Тьфу, чорт, смеется он, что ли, надо мной.—«А можно посмотреть того человека?» — Жандарм подумал с минуту. «Можно». — А где он? Жандарм опять подумал. «Здесь за стенкой». — «Позволите взглянуть?» — «Только не подходите и ничего не говорите». Заглянул за стенку, вижу: сидит какой-то человек и, облокотившись на столик, читает книгу; перед ним горит свеча. Лица рассмотреть нельзя, виден только затылок. — Ну и пес же ты, — подумал я, — морочит меня, считает дураком. Теперь все ясно: это шпик, который нас выследил и едет здесь же, чтобы представить меня с поличным. Дальше значит и расспрашивать нечего: будет врать, как сивый мерин.

Делаю вид, что задремал, мысль лихорадочно работает; за провоз литературы дадут 3—5 лет крепости, а после того ссылка в Сибирь; отказаться от саквояжа нельзя. Признать своим — тоже. Откуда взял? Ну, если уж на то пойдет, скажу, что украл у пассажира на станции, а там что будет. Хозяин, наверное, не сыщется. Надо приготовить ключ, чтобы незаметно выбросить, когда поведут.

Под'езжая к Перми, жандарм заглянул за стенку, переговорил что-то со своим коллегой из третьего класса (при чем дверь в это время оставил открытой) и шмыгнул к выходу. Я подождал выхода 2—3 пассажиров, еще помешкал несколько «Ну, вывози, кривая».—Снимаю с полки точно гирю, тяжелый саквояж, беру его под мышку, в руку—корзину провизионную, в другую руку — постель с подушкой и шагнул к выходу. Взглянув в конец вагона, я прирос к месту: с площадки вагона навстречу мне жандарм, другой, третий, оглянулся назад — в дверях отделения III класса — тоже жандарм. Передний из процессии подходит ко мне, галантно раскланивается и даже руку протягивает, не видя, что у меня обе заняты. «Пожалуйте с нами, мы вас будем сопровождать дальше». У меня язык отнялся, только глазами хлопаю от такой неожиданности. — «Не он, тот дальше!» Взглянув в переднюю часть вагона, вижу физиономию вытягивающегося из-за спины передних жандармов своего спутника. Он силится проникнуть в мою сторону сквозь узкий проход заполненный толпящимися впереди его коллегами. — «Это здесь,

господин вахмистр», — кричит позади меня жандарм и указывает рукой на то место, где сидел предполагаемый шпик. Вахмистр рассыпался передо мной в извинениях. «Да провались ты, нечистая сила». — думаю я, чувствуя, что тяжелый саквояж вот-вот выскользнет у меня из онемевшей руки и, брякнувшись об пол, непременно вызовет подозрение опытных жандармов. Наконец, проход освободился и я, как бомба, вылетел из вагона. И только, сидя на дрожках, несколько пришел в себя, все еще не веря своему счастью и сжимая ногами драгоценный саквояж.

Но этим дело еще не закончилось: посылка на этот раз была точно заклятая. Не мешкая долго, я понес саквояж к Соссуличу. Он жил на Пермской улице в верхнем этаже двухэтажного дома. — «Ну, Гаврило, принимай оказию», — и рассказал ему свои приключения. Он молча выслушал меня, подошел к окну. — «Видишь?» — отогнув край занавески, говорит Соссулич. — «Вижу», — отвечаю. На углу улицы стоит, как столб, лицом в нашу сторону фигура. — «Теперь иди сюда. Видишь?» — опять отогнул занавеску бокового окна, откуда виден противоположный угол улицы. Там маячила другая такая же фигура. — «Если посидишь у окна, то увидишь третью фигуру, время от времени проходящую между стоящими на углах. Значит, надо ждать гостей, и не позднее, как сегодня ночью. С чемоданом тебя уже наверное заметили, значит надо его оставить здесь, а содержимое спасать; мешкать нечего, пожалуй, поторопятся, если смекнут в чем дело. Давай обкладываться».

Сняли пиджаки, подтянули ремни и начали обкладываться. Скоро стали похожи на нэпманов средней руки: так мы округлились. Наконец, саквояж пуст. То и дело поглядываем в окно. Торопиться особенно нечего, так как эти гости обыкновенно наезжают поздней ночью или на заре. «Гаврило, скорей одевайся, смотри что»,—кричу я, указывая на окно. На улице людей не видно, повалил такой густой снег, что в пяти шагах не различишь человека. Само небо нам благоприятствовало. И под самым носом шпиков мы благополучно удрали.

Так и случилось: Соссулич в ту или другую ночь был арестован, но, так как при обыске ничего найдено не было, то, отсидев 4-5 месяцев в тюрьме, он был выпущен на свободу. Из тюрьмы он вышел еще более похудевшим с явными признаками чахотки, которая и унесла его в преждевременную могилу. Он умер в 1905 году летом.

Уже прикованный к смертному одру, он не переставал интересоваться событиями кипучего 1905 года. Бывало, придешь к нему и начнешь рассказывать, что творится кругом:

массовки проходят почти на глазах полиции, где бы ни собирались рабочие — дома ли, на огороде или просто на лужайке — везде слышится Марсельеза, везде воззвания, речи. Глаза Соссулича горят. «Хотя бы скорее поправиться. Скоро, теперь скоро будет революция», — устремив куда-то в пространство лихорадочно горящий взгляд, шепчет Соссулич. Эх! Гаврило, не суждено было тебе увидеть того, чем билось до последней минуты твое сердце, во имя чего сгорела твоя незлобная, кроткая душа. Не видишь ты красного знамени, как оно гордо реет над необ'ятной, тогда еще рабской страной. Это знамя крепко держат мозолистые руки столь близких твоему сердцу рабочих.

Такими Соссуличами умощена та дорога, по которой прошел победоносный Октябрь.

Е. Кушева

Из истории «Общества Народного Освобождения»

Ткачевский «Набат» с его якобинским направлением и возникшее под его эгидой «Общество Народного Освобождения» не пользовались симпатиями значительной части русских революционных кружков 70-х гг. Несколько современных известий показывают, до какой степени остроты доходили иногда их взаимоотношения. «Необходимое раз'яснение», появившееся в № 8—9 «Общины» за 1878 г. и подписанное Бохановским, Денчем, Засулич, Кравчинским и Стефановичем, резко протестовало против тенденций «Набата» приписывать террористические выступления русских революционеров организованному на централистических началах «Обществу Народного Освобождения» и заявляло, что «у русских социалистов-революционеров ни с издателями «Набата», ни с теориями, которые они проводят, ничего общего быть не может» и что ни авторы «Раз'яснения», ни их друзья не замечали «никаких проявлений... существования «Общества Народного Освобождения». В том же номере «Общины» Денч иронически назвал «Набат» «органом несуществующих в России якобинцев». М. П. Драгоманов, едко полемизируя с «Набатом» в своей «Громаде», не поскупился на насмешки над этим «Правительственным Вестником» «неіснуючих урядів і «набатом» без дзвону і дзвіниць», которого «можна сказати нема на світі» и влияние которого не распространяется «дальше хати редакції того «органа», и, говоря об «Обществе Народного Освобождения», не преминул упомянуть о скептиках, «котрі кажуть, шо і такого общества нема». В записке составленной для Александра III в 1882 г., Стефанович изобразил «Общество Народного Освобождения» чистой мистификацией, которой «Набату» удалось обмануть иностранцев, но которая «совершенно не достигала цели» в России. Гольденберг в своих показаниях упомянул о фракции «якобинцев», как о самой

незначительной из всех социально-революционных партий, ничтожной по значению и влиянию [1].

Статья Б. Николаевского, посвященная памяти последнего якобинца-семидесятника Гаспара Турского и использовавшая его сообщения об «Обществе Народного Освобождения», показала, что это общество не было только мистификацией и что неясность наших представлений о нем должна об'ясняться в значительной степени его конспиративностью [2]. Настоящая статья с приложенными ниже документами имеет целью дать некоторый материал для изучения этой столь мало известной русской «якобинской» организации 70-х и начала 80-х гг. [3].

Статья «За прошлый год», напечатанная в № 1—2 «Набата» 1877 г., с удовлетворением отмечала обнаружившееся за 1876 год стремление к об'единению различных революционных фракций и, упоминая о данных, «не допускающих в настоящее время печатной огласки», сообщала, что «делаются серьезные практические попытки к образованию авторитарной дисциплинированной организации». В книжке «Набата», вышедшей брошюрой в середине 1878 г. после годичного перерыва и заменившей ежемесячные номера второй половины 1877 и первой 1878 года, были сделаны более определенные указания на этот счет. Передовая статья Ткачева «Жертвы дезорганизации революционных сил» прямо заявляла, что в «России образовалось О-в о Н а р о д н о г о О с в о б о ж д е н и я на принципах боевой централистической организации», что с возникновением его «т е о р е т и ч е с к а я з а д а ч а «Набата» может считаться практически осуществившеюся», что «теоретическая пропаганда необходимости централистической организации» становится «совершенно излишней» и что с этого времени журнал «Набат», все его издания, силы и средства предоставляются «в полное и безусловное распоряжение» Комитета «Общества». Официальное заявление редакции о состоявшемся соглашении было сделано в той же книжке «Набата» в следующих выражениях: «По соглашению редакции журнала «Набат» с одним из агентов «Общества Народного

[1] «Необходимое разъяснение». Община, Женева, 1878, № 8—9, стр. 1. Письмо в редакцию «Общины», ibid., стр. 16—17. М. Драгоманов. «Мир» и «Набат». Громада, т. IV, Женева, 1879, стр. 374—382. Я. В. Стефанович. Русская революционная эмиграция. «Группа Освобождение Труда», сб. III, М.—Л., 1925, стр. 254—85. Свод показаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях. «Былое», 1907, № 8, стр. 118.

[2] «Каторга и Ссылка», 1926 г., № 2 (23).

С. Н. Валка, М. М. Клевенского и Б. П. Козьмина благодарю за помощь в работе.

Освобождения» в журнале, начиная с настоящего месяца, будут печататься заявления, манифесты, прокламации, циркуляры и всевозможные распоряжения «Общества Народного Освобождения», безо всякого изменения, не подвергаясь никакой редакции». Вслед за тем было помещено и первое «Распоряжение Общества Народного Освобождения»: об исключении К. и Б. из числа членов Общества, «за неисполнение своих обязанностей, за неповиновение и за распространение ложных слухов, вредящих организации «Общества», дававшее понять, что существование О-ва было достаточно длительным для того, чтобы некоторые из его членов могли проявить свою непригодность [1].

Эти известия «Набата» не были, однако, первыми печатными сообщениями о возникшей революционной организации. В французской социалистической газете «L'Egalité» за 1877 — 78 гг., издававшейся Жюлем Гедом, были помещены восемь обширных писем о русском революционном движении «специального корреспондента» газеты в России. Автор корреспонденции, который, судя по его осведомленности и по явно выраженным симпатиям якобинцам, стоял близко к их организации или был ее членом, говорит в первый раз об «Обществе Народного Освобождения» («La Société de délivrance du peuple») в корреспонденции от 19 декабря ст. стиля 1877 года. По его словам, это общество «существует уже давно, об'единяет всех недовольных и дает им солидную организацию; заручилось помощью наиболее энергичных людей из революционной молодежи, состоит из значительного числа членов и, наконец, находится в правильных сношениях с революционными обществами Польши». Тут же автор сообщает и о прокламации «Общества Народного Освобождения», появившейся в Москве, Петербурге и других больших городах [2]. Указание корреспондента на длительность существования «Общества» не внушает доверия. Наоборот, весь характер сообщения с его явным преувеличением значения «Общества» говорит за стремление информировать в особо благоприятном смысле заграничные революционные круги о вновь возникшей организации, дату окон-

[1] «За прошлый год». Набат, Женева, 1877, № 1 - 2. То же за 1878 г (брошюра), стр. V, VII и статья Жертвы дезорганизации революционных сил», стр. XLI и след.

[2] „...D'apres mes informations, la société dont je viens de vous citer le titre [la société de délivrance du peuple], existe déjà depuis longtemps; elle réunit tous les mécontents et les organise solidement; elle a acquis le concours des hommes les plus énergiques de la jeunesse révolutionnaire et se compose d'un nombre de membres considérable; enfin elle est en relations suivies avec les sociétés révolutionnaires de la Pologne". L'Egalité, 20 I 1878, № 5, Russie (Correspondance spéciale de l'Egalité).

чательного сложения которой нет основания отодвигать далее 1877 г. Б. Николаевский сообщает, со слов Турского, что «Общество Народного Освобождения» создалось тогда, когда заграничные якобинцы, группировавшиеся около «Набата», договорились с орловской группой Заичневского. Очевидно, это соглашение состоялось еще до высылки Заичневского из Орла в Олонецкую губернию в августе 1877 г. С другой стороны, женевская агентура сообщала в 1877 году в III отделение о поездке секретаря редакции «Набата» Турского в Россию «после шумных прений со своими товарищами», а Н. С. Русанов, рассказывая о настроениях революционного Петербурга осенью 1877 г., упоминает присланных набатчиками «эмиссаров из-за границы», которые отличались «таинственностью манер и смелым обращением с фактами» и «только портили агитационную деятельность более серьезных русских якобинцев (в значительной степени вышедших из школы Заичневского)»[1]. Возникновение «Общества Народного Освобождения» в 1877 году представляется особенно вероятным и по другим соображениям. В апреле 1877 г. была объявлена русско-турецкая война. Связанные с нею ожидания набатчиков отражает передовая статья Ткачева в № 3—6 «Набата» за 1877 г., под заглавием «Война и революция». Она призывала революционеров сплотиться для скорейшей организации революционного взрыва, не упустить созданных войной благоприятных условий, которые могут никогда не повториться, предсказывала близкий час победы и грозила, наоборот, в случае проволочки, возможностью конституционных уступок со стороны правительства и усиления либерально-буржуазной партии. Эти настроения должны были побудить к попытке практического осуществления той «боевой централистической организации революционных сил», необходимость которой для успешного совершения революции доказывалась в многочисленных статьях «Набата» с первого года его основания — 1875 г.

---

[1] Н. Н. Голицын. История революционного движения в России, 1861—81, глава 10-я, Спб., 1887, стр. 151—56. Н. С. Русанов. «Политика» Н. К. Михайловского. «Былое», 1907 г. № 7, стр. 127. Он же. Из моих воспоминаний. Кн. 1, Берлин, 1923 г., стр. 145 и след.

[2] В. Н. Фигнер сообщает в своих показаниях 1883 г., что в 1873 г. Ткачев явился в Берн и предложил группе русских студенток, к которой она принадлежала, «вступить в федеративные отношения с «десятью десятками» революционеров, находящихся в России и уполномочивших его на это предложение», но получил отказ. См. Из автобиографии В. Фигнер. «Былое», 1917, 2 (24), стр. 167. Однако, эта ранняя попытка централистической организации никак не может быть связана с «Обществом Народного Освобождения»

Таким образом, наиболее вероятной датой возникновения «Общества Народного Освобождения» представляется 1877 год.

Единственный из членов «Общества Народного Освобождения», открыто признавшийся в своих мемуарах принадлежность к «Обществу» и сообщивший кое-какие сведения о его организационной стороне, Михаил Акимович Тимофеев, рассказывает, что он был принят в «Общество Народного Освобождения» осенью 1879 г. в Петербурге Петром Дмитриевичем Хвицким, вручившим ему при этом печатные «Инструкции членам Общества Народного Освобождения» и билет в форме визитной карточки, удостоверявший, что Тимофеев является «суб-агентом» «Общества». Уже после того, как Тимофеев отошел от «Общества» и был выслан из Петербурга, билет и «Инструкции» были отобраны у него при обыске 12 марта 1881 г., в с. Донецкой Селице, Тимск. у., Курской губ.[1]. Четыре экземпляра тех же «Инструкций» были найдены у Н. А. Морозова, возвращавшегося в Россию и арестованного 21 января 1881 г. по переходе границы в д. Стошки, Сувалкского у.[2]. Последнее обстоятельство указывает на заграничное происхождение «Инструкции», вышедших несомненно из типографии «Набата» (см. в «Приложениях» за № 2). Другой «якобинец» — Н. А. Виташевский — говорит о своем вступлении в «партию» якобинцев в менее определенных выражениях. Рассказывая о своем посещении в 1877 г. в Женеве редакции «Набата» и о свидании с набатчиками Григорьевым и Френком (Шрейдером), Виташевский упоминает, что он «подписал там обязательства, которые налагало» на него «вступление в ряды якобинцев», после чего получил «рекомендательное письмо к одесским якобинцам уже как член партии»[3]. Здесь конечно идет речь о вступлении Виташевского в «Общество Народного Освобождения», причем подписанные им обязательства были, очевидно, теми печатными «Уставом» и «Правилами» «Общества Народного Освобождения», которые помещены ниже

[1] М. А. Тимофеев. Пережитое. «Каторга и Ссылка», 1928, № 57—58 и Моск. Архив Революции и Внешней Политики, III делопроиз. Деп. Пол., 1881 N. 126: «о дворянине Александре Лаврентьеве», в деле имеется копия «Инструкции», подлинники которых и помещенных ниже в приложениях документов есть в фонде Мин. Юстиции в Ленинграде.

[2] С. Валк. Г. Г. Романенко. «Каторга и Ссылка», 1928, № 11 (48), стр. 47. Моск. Архив Рев. и Вн.. Пол., III делопр. Д. П., 1881. № 41.

[3] Н. Виташевский. Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд. «Былое», 1906, № 1—2, стр. 1. В «Набате» появилось всего три распоряжения «Общества». Два из них приводятся в тексте статьи, третье об'явлено, что «Комитет Общества Народного Освобождения» назначает в число агентов Об-ва Н. О., действующих в России—Аркадия Николаевича Медведева» — ibid.

в «Приложениях» за № 1 и имеют в конце место для «добровольной» подписи вступавшего в «Общество» лица, удостоверявшей его солидарность с целями и уставом «Общества». Третий приведенный в «Приложениях» документ — печатный бланк для «указов и распоряжений» «Комитета Общества Народного Освобождения». О таком именно бланке говорило появившееся в № 1—2 «Набата» за 1879 г. распоряжение комитета «Общества Народного Освобождения», объявлявшее «недействительным утерянный бланк за печатью комитета, принадлежащий члену Организации—Ивину»[1]. Перечисленные документы—«Устав с правилами», «Инструкции членам» и бланк для распоряжений, — напечатанные несомненно за границей в типографии «Набата» и, скорее всего, вместе с возникновением «Общества», дают достаточно ясное представление о его организационной и тактической сторонах. В многочисленных статьях «Набата» опровергалась народническая вера в революционность народа, неспособного по своему консерватизму и невежеству осуществить переворот, и оправдывалось право интеллигентного меньшинства произвести революцию, для успеха которой признавалась необходимой централистическая, дисциплинированная и строго конспиративная организация[2]. Судя по дошедшим до нас сведениям, Заичневский сходился в этих взглядах с «Набатом», почему известие об их соглашении представляется совершенно правдоподобным. Не веря в революционность русского крестьянства, Заичневский проповедывал необходимость «государственного переворота путем заговора и захвата власти революционной партией», организованной на централистических началах[3]. А. Можарова, рассказывая об агитации Заичневского в московских революционных кружках, так передает ту схему революционной организации, которую он рисовал московской молодежи: в центре организации стоит комитет, в котором сосредоточиваются все сведения о ходе революционного дела, о средствах, о печатных органах, вся отчетность, связи с заграницей и т. д. Руководители организуют кружки,

[1] „Набат". 1879, № 2, стр. 225.

[2] «Набат», 1876, № 2—3, статья Ткачева «Наши иллюзии», ibid. Революция и Государство»; 1876, № 4, статья Ткачева «Народ и революция» и т. д. Б. Козьмин П. Н. Ткачев и народничество «Каторга и Ссылка», 1926 г., № 1 (22).

[3] Воспоминания Л. Тихомирова М.—Л., 1927 г., стр. 114—115. П. С. Русанов. Из моих воспоминаний, кн. 1. Берлин, 1923, стр. 121 и след. С. Мицкевич. О П. Г. Заичневском. Историко-революционный бюллетень, № 1, М. 1922 г. П. Г. Заичневский. Материалы для истории русского соц.-революционного движения. X. Женева, 1896 г., стр. 503—507.

участники которых в свою очередь стараются создать новые кружки на началах строгой конспирации. «Никто из членов кружка не знает о существовании других кружков, члены ведают только одного того, кто ведет с ними занятия, а о связи и деятельности всех кружков известно только в центральном комитете»[1]. «Общество Народного Освобождения» в своей программе и правилах организации близко отражало изложенные взгляды.

«Устав Общества Народного Освобождения» заявлял, что правительство и состоящие в тесном союзе с ним эксплоататоры народа «никогда не откажутся добровольно от своих узурпированных прав» и «что наш народ, опутанный сетями вековой тирании, лишенный знаний, необходимых для борьбы с его врагами, не в силах сбросить с себя давящий его гнет, если друзья народа не помогут ему в этом деле». Победа над врагами народа может быть обеспечена только «дисциплинированным и хорошо организованным заговором», для чего и создается «тайное общество Народного Освобождения», самое название которого, в противоположность названию «Народная Воля», подчеркивало активную роль революционной партии и пассивность народа в деле революции. Целями «Общества» об'являлось «скорейшее низвержение монархии, полное уничтожение всякой эксплоатации народа и провозглашение его естественных прав, основанных на политическом и экономическом равенстве», т.-е., политический, а затем экономический переворот. «Общество» основывалось на началах строжайшей централизации, иерархической подчиненности и конспиративности. Возглавлял его «Комитет», который, видимо, надо отождествить с той «особой тайной группой для руководства русской организацией бланкистов», о которой говорит, со слов Турского, Б. Николаевский и в состав которой входил Турский и представитель французских бланкистов (одно время Вальян), а затем был введен и Ткачев. Комитет окружен глубокой тайной: членам «Общества» «строго воспрещается стараться какими бы то ни было путями разузнавать о месте нахождения Комитета и о лицах, его составляющих». Сношения Комитета с членами происходят через его «агентов», указаниями которых определяется вся деятельность членов на местах. Билет, переданный Хвицким Тимофееву и утверждавший последнего в звании «суб-агента», намечает в составе иерархии «Общества» еще одну ступень, не указанную «Уставом» и «Инструкцией». Все распоряжения Комитета даются письменно за печатью Комитета и на особых бланках,

[1] А. М. (Ожарова) Воспоминание о П. Г. Заичневском. Сбор. «О минувшем», 1909 г., стр. 187.

уничтожаемых немедленно по прочтении. Дух парламентаризма, так резко осуждавшийся на страницах «Набата», совершенно изгнан из устава «Общества»: каждый член обязан по отношению к Комитету «безусловным повиновением» и может лишь сообщать Комитету возникшие у него по поводу цели и организации «Общества» предложения, которые Комитет, «по рассмотрении, принимает или отвергает». Состав «Общества» известен полностью только Комитету, с согласия которого совершается прием в члены «Общества» и выход из него. Рядовой член «может лишь знать о принадлежности к «Обществу» тех лиц, которые ему будут указаны агентом Комитета», и ему «строго воспрещается» «разузнавать о принадлежности к «Обществу» «того или другого из его знакомых или посторонних лиц», равно как и открывать свою причастность к «Обществу» лицу или кружку без специального на то разрешения агента Комитета. С другой стороны, он «обязан следить» за деятельностью известных ему членов и «сообщать все сведения, касающиеся их, агенту». Член, нарушивший предписания «Инструкции» или уклонившийся от исполнения распоряжений Комитета, судится по «специальным правилам «Общества Народного Освобождения», до нас не дошедшим. Исключенный из «Общества» дает Комитету письменную клятву «хранить тайну существования Общества», нарушение которой карается смертной казнью. Ряд мелких предписаний — запрещение членам жить совместно, хранить адреса и бумаги, касающиеся деятельности «Общества» и могущие навести правительство на его следы, — завершал правила конспирации.

Таковы были принципы организации «Общества», сообщенные в его «Уставе» и в разделе «3» «Инструкции», излагавшем обязанности члена по отношению к «обществу, комитету, агентам и прочим членам». Другие разделы «Инструкций» говорили об обязанностях члена: а) «по отношению к административным, судебным и полицейским властям той местности, где живет член общества...», б) «по отношению к войскам, квартирующим в местожительстве члена общества», в) «по отношению к крестьянам и рабочим...», г) «по отношению к земским деятелям», д) «к интеллигенции и учащейся молодежи», е) «по отношению к населению местных тюрем и острогов» и, наконец, ж) «к революционным кружкам, не принадлежащим к организации, но находящимся в одной и той же местности». В этих разделах «Инструкции» речь идет не столько о пропаганде, сколько о путях использования наличных сил, которые могут быть так или иначе полезны «для осуществления целей Общества», т-е.

для совершения переворота, ожидаемого в близком будущем. Вот почему крестьянство, в которое, как мы видели, мало верили русские якобинцы, почти совершенно не упоминается в «Инструкциях», как об'ект деятельности членов «Общества». Правда, заглавие одного из разделов говорит об «обязанностях члена по отношению к крестьянам и рабочим», но в самом тексте раздела крестьянство выпадает и заслоняется рабочими. На войско, наоборот, обращено особое внимание: — «член о-ва обязан употребить все усилия для сближения с солдатами и офицерами... должен стараться восстановить их против существующего порядка вещей и указать на возможность изменения этого порядка путем насильственного переворота, успех которого много зависит от их активного или пассивного в нем участия...». Очень интересны предписания «входить в возможно тесные сношения с местными либералами» и изыскивать пути влияния на «выдающихся земских деятелей». Отношение «Набата» и набатчиков к либеральной партии и надеждам на конституцию[1] дает право говорить, что здесь дело шло не о союзе с либеральной партией, а об использовании ее в борьбе с правительством в собственных целях «Общества», которые отнюдь не исчерпывались завоеванием политических свобод. В то же время рассказ Н. С. Русанова о службе Заичневского в 70-х гг. в Орловской губернской управе и о влиянии его на либеральных земцев наводит на предположение, что эти части «Инструкции» отразили практическую деятельность Заичневского в орловском земстве[2]. Интересен также и раздел «Инструкции», определяющий приемы деятельности членов «Общества» в не принадлежащих к организации революционных кружках, куда член обязан входить, «тщательно скрывая» свою принадлежность к «Обществу», но употребляя «все усилия к приобретению среди них сторонников». Та враждебность, с которой, как мы видели, отнеслись к якобинскому «Обществу Народного Освобождения» в народнических революционных кружках, вполне об'ясняет эту предосторожность. Тактические идеи «Общества» завершались одним из заключительных параграфов «Устава», ко-

[1] Б. Козьмин. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х гг. М., 1922 г., стр. 63-64. См. также статью Ткачева „Война и Революция" в № 3-м „Набата" за 1877 г. и статью Турского „A propos de la constitution russe" в бланкистской газете „Ni dieu, ni maitre" от 5 XII 80 г., № 16, в которой он писал: „Notre peuple, opprimé, exploité, vilipendé par les seigneurs et tout espece de maitre, depuis des milliers d'années, ne croit pas à un Parlement, qui ne peut se composer que de ses mêmes maitres...".

[2] П. С. Русанов. Из моих воспоминаний. Кн. 1. Берлин, 1923, стр. 122—23.

тории провозглашал, что для достижения великих целей Общества «все средства считаются хорошими».

Говоря об организационной и тактической сторонах «Общества», можно отметить еще одну деталь. На оборотной стороне обложки найденного у М. А. Тимофеева экземпляра «Инструкции» стояла написанная чернилами цифра «567». При дознании она была понята, как номер выданной «Инструкции», и вряд ли может получить иное объяснение [1]. Между тем, как ни мало знаем мы историю «Общества», все же число членов в несколько сот человек представляется невероятным. Нельзя ли видеть здесь пример применения изложенного выше правила, и не прибегал ли Комитет к мистификации адептов, следуя приемам Нечаева? Да и вообще сходство некоторых сторон организации «Общества Народного Освобождения» с нечаевской «Народной Расправой» идет, кажется, дальше сходства двух построенных на однаковых принципах централизации и конспиративности революционных обществ.

Общий характер «Инструкции» и «Устава» в сопоставлении со статьями «Набата» убеждает, что «Общество Народного Освобождения» было создано в ожидании близкой революции, в которой, по мысли его основателей, ему предстояло выполнить великую задачу — не только совершения государственного переворота, но и охраны интересов на другой день революции от притязаний враждебных народу партий», от захвата власти «разными интригами и политическими честолюбцами» и от всяких антиреволюционных и реакционных влияний [2].

Три разобранные выше документа касались внутренней организации «Общества» и инструктирования его членов и, в силу правил конспирации, могли быть известны только членам «Общества», обязанным хранить их в глубочайшей тайне. Но в 1877—78 гг. «Общество» выпустило и несколько изданий, рассчитанных, наоборот, на самое широкое распространение. В № 3-м заграничного «Былого», вышедшем в 1903 г., была напечатана «Прокламация» «Общества Народного Освобождения», доставленная, по словам редакции, из польского музея в Раперсвиле (Швейцария), куда она могла попасть благодаря польским связям Турского [3]. Дата ее определяется, как конец 1877 г., упоминанием о «шести месяцах битв», т-е. войны с Турцией, которая была объявлена в апреле 1877 г. Самый текст прокламации не содержит ссылок на ее связь с

[1] Моск. Архив Рев. и Вн. Пол., III делопр. Д. П. 1881 г., № 126.
[2] Жертвы дезорганизации революционных сил. Набат, 1878, (брошюра).
[3] Загран. «Былое», 1903, № 3, стр. 173—75.

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ВЫБОРГСКАЯ

«Обществом Народного Освобождения», но у нас нет оснований не доверять данному редакцией заголовку, тем более, что, по словам Николаевского, Бурцев пользовался указаниями Кропоткинского в своих сообщениях о русских якобинцах. К тому же содержание прокламации не противоречит ее заголовку. Прокламация, начинавшаяся обращением «Народ русский! Граждане!» и кончавшаяся призывом «К оружию! К оружию!», рисовала тягостные последствия для страны двухсотлетнего царствования дома Романовых — царей иноземцев — деспотизм, невежественный и развратный произвол, падение юстиции, рабствующей перед властью, беспримерную нищету народа, богатство кучки царских любимцев-иноземцев, финансовый кризис, позорные военные поражения — и призывала к политическому перевороту, к завоеванию вольностей, национальному воскресению и к «спасению отчизны, находящейся в опасности». Особенностью этой прокламации являются резко подчеркнутые национальные мотивы. В последние месяцы 1877 г. появилась и вторая прокламация «Общества»— «Воззвание от Общества Народного Освобождения ко всем честным людям России», которая печатается в приложении под № 4 [1]. О появлении этого воззвания («Appel aux hommes honnêtes de la Russie») в Москве, Петербурге и других больших городах сообщал русский корреспондент газеты «L'Egalite» в письме от 19 декабря ст. ст. 1877 г., приводя из нее обширные цитаты [2]. По своему содержанию «Воззвание» близко предыдущей прокламации: оно указывает на признаки «окончательного разложения российского самодержавия», на приближение «часа открытого восстания» и призывает всех честных людей соединиться под знаменем «Народного Освобождения» для низвержения самодержавной тирании, уничтожения эксплоатации народа, завоевания политических свобод — свободы мысли, слова и свободы самому народу управлять своими делами — и для установления новой эры русской истории, проникнутой «духом свободы, братства и равенства».

Цель и настроения обоих прокламаций одни и те же — уверенность в близости революции и призыв к борьбе с самодержавием, при чем использованы мотивы, которые могут об'единить широкие круги: в первой — мотив борьбы против царей-иноземцев за национальное возрождение, во второй — мотив завоевания политической свободы, как самых

[1] Не надо смешивать эту прокламацию «Общества Народного Освобождения» с прокламацией «Ко всем честным людям», отпечатанной в Вольной русской типографии после оправдания Веры Засулич. Ее текст см в «Былом», 1906 г., № 7, стр. 178—182.

[2] „L'Egalité", 20 I—1878, No. 5, Russie (Correspondance spéciale d'e L'Egalité)

элементарных человеческих прав. Мотивы социальной революции оттенены, наоборот, очень слабо и даны лишь в общих выражениях. Повторяю, что все то, что известно об отношении основателей «Общества» к конституции, политическим свободам и к социальной революции, заставляет видеть в этом замалчивании тактический прием, направленный к об'единению широких кругов для совершения политического переворота, который признавался первым необходимым этапом революции.

По сообщению редакции «Былого», основанному, скорее всего, на указании Турского, «Общество Народного Освобождения» выпустило в 1877—78 гг. несколько прокламаций — о русско-турецкой войне, воззвания к военным и др. Последнее очень вероятно, судя по той крупной роли, которую якобинцы предназначали в грядущей русской революции войску. Очевидно, две известные нам прокламации не исчерпывают этой стороны издательской деятельности «Общества Народного Освобождения».

Выстрел Веры Засулич 24.I—1878 г. и вооруженное сопротивление в Одессе 30.I того же года дали «Обществу» повод выступить с новым печатным изданием — брошюрой «Революционная Расправа», появившейся в марте 1878 г. и напоминавшей своим заглавием название нечаевского общества [1]. Брошюра, имевшая эпиграфами выдержки из речи Робеспьера: «Усмирите врагов народа террором, и вам будет принадлежать честь основания республики» и из стихотворения Некрасова «Поэт и гражданин» — «...Дело прочно, когда под ним струится кровь!», приветствовала вступление русского революционного движения на путь, завещанный Каракозовым и Нечаевым, и явилась первой в серии брошюр, оправдывавших террор (брошюры П. Морозова «Террористическая борьба» и Тарновского «Терроризм и рутина» появились в начале 80-х гг.; впрочем, «Революционная Расправа» не может претендовать на теоретическое обоснование террора подобно двум вышеназванным — ее задачи чисто агитационные).

[1] Революционная Расправа. Издание Общества Народного Освобождения, 1878 (Спб., тип. Печати). Брош. 12°, 30 стр. 16, в обложке. Напечатана на газетной бумаге без титульного листа. Экземпляр Моск. Архива Революции и Быта. Политики имеет печать прокурора Варшавск. Судебн. Палаты. По сообщению «Набата» (1879 г., № 1—2, статья «Несколько слов о террористах»), «Революционная Расправа» появилась в марте 1878 г. Корреспондент газеты «L'Egalité» сообщает об ее появлении [illegible] 21.III.1878 г. («L'Egalité», 28.IV.78 г., № 22). О «Революционной Расправе» упоминает П. Лазарев в своей книге «[illegible]» (Пг., 1923 г., стр. 155, ошибочно [illegible]. Напечатана» (стр. 40 правильно «Революционная Расправа»).

Резко протестуя против «эгоистических задач «саморазвития» и щепетильно-внешней чистоты пропагандистов», против «беспорядочных и безумных анархических бредней и утопий», против «квинт-эссенций буржуазных теорий индивидуальной свободы», она призывала заменить книжку револьвером, употребить свинец типографских литер на пули и начинать революцию уничтожением тиранов и угнетателей народа, вступив в ряды «Общества Народного Освобождения». Обращенная к русским революционерам, брошюра определеннее, чем прокламации «Общества», говорила о социальной революции, заявляя, что «смерть врагов человечества — уже дело решенное в груди всего пролетариата», и призывая к уничтожению «царя, бар, попов, бюрократов и буржуа». По своему содержанию «Революционная Расправа» близка напечатанным в «Набате» за 1877—79 гг. статьям Турского «Революционная пропаганда», целью которых была пропаганда систематического террора [1]. Участие Турского в составлении «Революционной Расправы» очень вероятно — так выдержка из речи Робеспьера, взятая эпиграфом брошюры, приводится и в книжечке Турского «Идеализм и материализм в политике», которая появилась в 1877 г. под псевдонимом А. Амари [2].

Место печатания «Революционной Расправы» не указано, но виньетки брошюры, повторяющие виньетки «Набата», показывают, что она вышла из его женевской типографии. Прокламации «Общества Народного Освобождения» печатались, вероятно, там же. К заграничным изданиям отнес их и автор составленной в департаменте полиции в начале 80-х гг. «Исторической записки о ходе тайного печатания в России», так как он не включил ни одного издания «Общества» в свой обзор [3]. Полагаю, что годичный перерыв в выпуске очередных номеров «Набата» второй половины 1877 и первой 1878 годов надо об'яснять отчасти тем, что литературные и технические силы редакции были заняты работой по «Обществу Народного Освобождения» [4].

---

[1] „Набат", 1877 г., № 1—6; 1878 г., брошюра и № 5—6; 1879 г. № 1—2.

[2] А. Амари Идеализм и материализм в политике Ч. I, Женева, тип. журн «Набат», 1877 г., стр. 34—35. «Укротите террором врагов свободы и вам будет принадлежать честь основания республики.»

[3] Загран. «Былое», № 11 — 12.

[4] Справочник Бурцева «За сто лет» называет (надо думать, со слов Турского) еще одно издание группы «Набата» 1877 78 г. — газету «Россия в опасности», издававшуюся во время русско-турецкой войны, В. Бурцев За сто лет, II, Лондон, 1897 г., стр. 92 О той же газете упоминает заграничное «Былое» несколько иначе передавая ее название, — «Отечество в опасности» загран «Былое», 1903 г., стр. 217 Последнее правдоподобнее, так как дает параллель названию газеты

Перечисленные издания «Общества» были рассчитаны на русских читателей. Одновременно с выпуском их были приняты меры к тому, чтобы информировать заграничные революционные круги в благоприятном для «Общества» смысле. Я уже упоминала о восьми обширных корреспонденциях о русском революционном движении, помещенных во французской газете «L'Egalite», за 1877—78 гг. Первая из них датирована 3/15 декабря 1877 г., последняя — 28/V—8/VI 1878 г., местом написания обозначена Тула. В одном из писем автор, говоря о крестьянской общине в России, останавливается подробно на положении крестьян Орловской и Тульской губернии, ссылаясь на то, что он там находится [1]. Это заставляет предполагать в нем лицо, причастное к орловскому кружку Заичневского. Во всяком случае, его близость к «Обществу Народного Освобождения» и связанные с этим цели его корреспонденции в заграничную газету несомненны. Я уже приводила выше выдержку из корреспонденции от 19/XII 1877 г., написанную в чрезвычайно лестных для «Общества» тонах. Появление «Воззвания ко всем честным людям России» вызвало, по сообщению той же корреспонденции, сильное беспокойство правительства [2].

Другое письмо извещало о появлении «Революционной Расправы», как «манифеста» «национального правительства», образованного группой якобинцев и распространенного невидимыми руками по городам и селам [3].

В письмах приводятся обширные выдержки из «Воззвания» и «Революцион. Расправы», которые цитируются, впрочем, довольно свободно и не без некоторого приспособления к заграничному читателю [4]. Наконец, письмо от 15/27 марта 1878 г., приветствуя «новую фазу деятельности русских революционеров, начавшуюся покушением на жизнь Трепова и

«La Tribune du Peuple», которую издавал в 1871 г. в Париже Бланки. Но мне не удалось найти заграничного издания с подобным названием.

[1] „...Les paysans des gouvernements d'Orel et de Toula (où je suis)..." „L'Egalite", 29/I 1878, No. 8. Russie (Correspondance spéciale de l'Égalité).

[2] „Le gouvernement se montre très inquiet de la publicité donnée au manifeste de la Société de la délivrance..." Ibid. 20/II 1878, No. 8.

[3] „Le groupe des jacobins... vient de constituer un „gouvernement national" et de lancer une proclamation au peuple russe. Dans toutes les villes et dans les villages les plus reculés des mains invisibles ont répandu une quantité innombrable d'exemplaires de ce manifeste".

[4] Здесь приводятся эпиграфы из речи Робеспьера и стихотворения Некрасова, убеждающие в том, что здесь идет речь о «Революционной Расправе». — Ibid., 28/IV—78, No. 22.

[5] Напр., приведенной ею в качестве цитаты фразы: „L'Europe qui nous jugera aujourd'hui devra nous considérer comme un peuple libre" нет в „Революционной Расправе".

продолжающуюся рядом энергичных протестов», весьма недвусмысленно приписывало террористические выступления русских революционеров деятельности «Общества Народного Освобождения».

«Действия и попытки «Общества Народного Освобождения» принимают день ото дня все более угрожающий характер по отношению к правительству. 30 января группа молодых людей, желая спасти некоторые важные бумаги, героически защищалась против отряда пехоты. 18 января был убит шпион в Ростове-на-Дону. На его трупе нашли бумагу, заключавшую следующую лаконическую фразу: «убит за донос на социалистов». 22 февраля сделали 3 выстрела в прокурора, бывшего обвинителем во время киевского социалистического процесса. 11 марта в Николаеве было арестовано лицо, у которого, к несчастью, захвачены важные бумаги. Одесский прокурор Желеховский, не чувствуя себя в безопасности, уехал за границу, в то время как правительство, совершенно запуганное (absolument terrifié), не знает, какому святому молиться...[1]».

Любопытно, что приведенный отрывок с его перечнем террористических актов, в которые включили и выстрел Засулич, был перепечатан «Набатом» в качестве доказательства того, «как упорно следят наши заграничные братья-социалисты за нашим революционным движением и с какой симпатией они к нему относятся», без какого-либо указания на его происхождение из письма русского корреспондента[2]. Это известие «Набата», на ряду с другими, вызвало особое возмущение русских революционных кругов и заставило их выступить в «Общине» с «Необходимым раз'яснением». Авторы его писали, что они печатают свое заявление не для русских социалистов, которым хорошо известны убеждения лиц, совершавших террористические акты, но «главным образом для наших заграничных товарищей по убеждениям, для польских, русинских, французских социалистов-федералистов»[3]. Стефанович сообщает, что «Необходимое раз'яснение», исходившее «от лиц, пользовавшихся авторитетом», имело успех, и после его появления «некоторые эмигранты, группировавшиеся около Ткачева и Турского, порвали с ними всякие отно-

[1] „...Les agissements et les tentatives de la „Société de délivrance nationale" prennent de jour en jour un caractere de plus en plus menaçant pour le gouvernement.

Le 30 janvier un groupe de jeunes gens désireux de sauver quelques papiers importants se défendait heroiquement contre une compagnie d'infanterie..." Ibid., 7/IV 1878, No. 19.

[2] «Набат», 1878, брош.), стр. 118—19.

[3] «Община», 1878, №№ 8—9, стр. 1.

шения»[1]. Но еще до этого официального заявления, напечатанного в последние месяцы 1878 г., были приняты меры к тому, чтобы заставить редактора газеты «L'Egalité», отказаться от связей с корреспондентом якобинских симпатий. Тульские корреспонденции обрываются внезапно письмом от 28/V—8/VI 1878 г., помещенном в номере газеты от 23/VI 1878 г.[2]. Со следующего же номера начинаются письма нового русского корреспондента, на этот раз петербургского, который совершенно иначе, чем его предшественник, оценивает якобинский образ действий. По его словам, неудача заговора Нечаева показала несостоятельность якобинской тактики и способствовала крушению всякого проекта революции сверху. О современных ему русских якобинцах корреспондент говорит, что «в России их, можно сказать, не существует», и лишь в эмиграции есть небольшая группа, но столь незначительная, что о ней «достаточно лишь упомянуть»[3]. Так французская газета, сменой своих русских корреспондентов, отразила борьбу, которую вели с якобинской организацией русские революционеры-народники, считавшие, что «освобождение народа должно быть делом самого народа» (слова «Необходимого раз'яснения»).

Довольно обильные документальные следы деятельности «Общества Народного Освобождения» обнаруживают прежде всего его тесную идейную и материальную связь с редакцией «Набата». Вопрос о том, какая реальная организация стояла за этими документами, особенно труден. Принципы организации «Общества» были таковы, что все сведения об его составе и числе членов должны были сосредоточиваться в центре — в Комитете. Там должны были храниться расписки членов в принятии «Устава» и «Правил», а также письменные обязательства хранить тайну «Общества», которые давали лица, исключенные из «Общества». Но архив «Общества Народного Освобождения», по сообщению Б. Николаевского, не сохранился. Лица, не состоявшие в «Обществе», не могли

[1] Я. В. Стефанович. Русская революционная эмиграция. Сбор. «Группа Освобождение Труда», № 3, М.-Л., 1925 стр. 284 и след.

[2] В этой же газете за 1880 г., т.-е., через 2 года, вновь появилась корреспонденция из Тулы за подписью «М. Г.» Затрудняюсь определить, тождественен ли ее автор с тульским корреспондентом 77—1878 г. L'Egalité, 25/VIII 1880, No. 32.

[3] „...La conjuration de Netchaeff qui devait échouer en 1869, a largement contribué à démontrer l'insuffisance des procédés jacobins ou dictatoriaux et à ruiner tout projet de révolution accomplie par en haut..." „Pour ce qui est des jacobins, on peut dire qu'il n'en existe pas en Russie quoique dans l'émigration il paraisse en subsister un certain nombre. Mais ce petit groupe est si peu important qu'il suffit de le mentionner pour mémoire". Ibid, 30/VI 1878, No. 31 et 7/VII 1878, No. 32.

много знать, а, следовательно, и рассказать о нем, благодаря его строгой замкнутости. Но и члены «Общества» не знали его состава благодаря тем же правилам конспирации. Вот почему М. А. Тимофеев, рассказывая об «Обществе» в своей статье 1929 г., назвал всего две фамилии — П. Д. Хвицкого, принявшего его в «Общество» и, следовательно, носившего звание агента Комитета, и А. Федорова. Очевидно, Тимофеев знал из состава «Общества» лишь очень незначительный круг. На одном ярком примере можно показать, какова была тактика организации кружков и пропаганды целей «Общества» и как строго соблюдались ими предписания «Инструкций».

2 августа 1878 г. был расстрелян в Одессе Иван Мартынович Ковальский. Его смерть была отмечена в «Набате» особенно торжественным образом. Известие о расстреле появилось в траурной рамке на первой странице № 5-6 «Набата» за 1878 г. Там же было обещано напечатание в следующем номере его биографии (обещание это осталось, однако, невыполненным). В отделе об'явлений от редакции появилось сообщение, что «в скором времени» в редакции «можно будет получать фотографическую карточку Ковальского». В № 1-2 «Набата» за 1879 г. среди изданий «Набата», находящихся в печати, помечены «Процесс Ковальского с предисловием Редакции» и «Рационализм на юге России, соч. Ковальского с предисловием одного из его друзей» (ни то, ни другое издание, сколько знаю, не появились в печати) [1]. В ближайшие месяцы вслед за оказанным кружком Ковальского вооруженным сопротивлением вышла брошюра «Революционная расправа», прославлявшая Ковальского и его друзей, как героев. Наконец, примечание редакции к одной из статей Ткачева в «Набате», говорившей о «нашем дорогом товарище и нашем славном мученике» Ковальском, прямо указывало, что «Ковальский был членом Общества Народного Освобождения» [2]. Этому заявлению «Набата» можно верить. Кроме подкрепляющих его доводов, приведенных в статье Б. Николаевского,— показания свидетеля Фихтенгольца во время суда по делу Геллиса, говорившего со слов последнего о принадлежности Ковальского к централистической организации, факта обнаружения большого количества номеров «Набата» в квартире Ковальского и формулировки обвинительного акта, называвшего Ковальского членом русской социально-революционной

[1] Статья Ковальского под таким названием, но под псевдонимом «Емельянов» напечатана Н. Емельяновым в №№ 8 и 5 «Отечественных Записок» за 1878 г.

[2] «Набат», 1878 г., №№ 5 и 6, стр. 2.

партии, находящейся за границей, — можно назвать еще целый ряд подтверждающих слова «Набата» фактов. Сличение текста одной из корреспонденций «Набата» с черновыми заметками Ковальского, найденными у него при обыске и опубликованными в статье Ц. Мартыновской, показывает, что Ковальским была написана для «Набата» корреспонденция из Одессы от 1 XII 1877 г. о казни уголовного преступника Лукьянова [1], в приложении к которой была помещена и прокламация об этой казни, отпечатанная и распространенная в Одессе кружком Ковальского и заканчивавшаяся призывом:

«На виселицу воров и убийц народа русского, на виселицу!» совсем в духе статей «Набата» или изданий «Общества Народного Освобождения». Дошедшие до нас пересказы показывают, что подобного же содержания была и другая прокламация кружка — «Голос честных людей», написанная по поводу выстрела Веры Засулич и оставшаяся не напечатанной из-за ареста членов кружка и его типографии. Эта прокламация, составленная самим Ковальским и направленная «к возбуждению революционных движений и убийств в государстве», содержала ссылку на Каракозова и Березовского, столь обычную для «Набата» [2], приветствовала наступление «фактической борьбы» революционной партии «с этим подлым правительством русских башибузуков» [3] и, судя по ее заглавию — «Голос честных людей» — и по времени соста-

[1] Заметки Ковальского:

«Вчера в 6 верстах от Одессы на Сказковом поле в 7 часов утра, надо полагать в виде опыта, был повешен уголовный преступник, участвовавший волонтером в восстании славян против турок, а также **бывший в гарибальдийском отряде.**

Я пишу эти строки под впечатлением свежей казни этого человека. Удивляюсь только одному: как он при всей своей жизучести **и страшном желании жить умер так, что даже не дрогнул».**

Ц. Мартыновская. И. М. Ковальский и первое вооруженное сопротивление в Одессе. «Каторга и Ссылка» 1928, № 6 (9), стр. 94.

Корреспонденция «Набата»:

«Одесса. 1 декабря 1877 г. в шести верстах от Одессы, на Сказковом поле, в семь часов утра, надо полагать, в виде опыта, был повешен уголовный преступник из бегных, приписавшихся в турецкие подданные и участвовавший волонтером в восстании славян против турок, **а также бывший в гарибальдийском отряде...**

Я пишу эти строки под свежим впечатлением казни человека и удивляюсь только одному: как мог Лукьянов так спокойно умирать, при том страшном желании жить, которое он обнаруживал во всем.»

«Набат», 1878 (брошюра), стр. 39—42.

Вероятно Ковальский посылал в «Набат» и другие корреспонденции, которые надо искать среди многочисленных одесских корреспонденций **«Набата».**

[2] **«Голос», 1878 г., № 202. Судебная хроника.**

[3] Н. Виленский. Первое вооруженное сопротивление, — **первый военный суд. «Былое», 1906, № 2, стр. 228.**

зления — январь 1878 г., едва ли не была прямым ответом на появившееся в конце 1877 г. «Воззвание от Общества Народного Освобождения ко всем честным людям России». Уже после ареста Ковальского, в Петербург приехал с юга Н. Н. Емельянов с поручением напечатать от своего имени в «Отечественных Записках» статью Ковальского о штунде. Поручение удалось исполнить [1], но Емельянов не избежал обыска и ареста, причем, по рассказу присутствовавшего при этом Н. С. Русанова, у него нашли «прокламацию группы южно-русских якобинцев» [2]. Наконец, можно напомнить эпизод с попыткой освобождения Ковальского из одесской тюрьмы, предпринятой при участии Эдмунда Студзинского. Найденная при аресте Студзинского шифрованная переписка с Ковальским и его друзьями показала жандармам, что Студзинский снабжал заключенных деньгами, «в которых требовал отчета». Это дало повод предполагать, «что деньги эти не были собственностью Касихина (Студзинского), а составляли достояние революционного кружка, по уполномочию которого Касихин действовал» [3]. Догадка жандармских властей представляется очень вероятной — попытка освобождения Ковальского из тюрьмы могла быть предпринята на средства того «Общества вспомогательного фонда для политических преступников», устав которого напечатан в первом программном номере «Набата» 1875 г. [4], кассиром которого состоял первое время Ткачев, секретарем — другой набатчик Френк и администрация которого, по сообщению «Набата», была перенесена в 1878 г. в Россию [5].

Все изложенное убеждает, что Ковальский действительно был членом «Общества Народного Освобождения». В таком случае очень показательна его тактика, совершенно согласная с духом разобранной выше «Инструкции». Входивший в кружок Ковальского Н. Виташевский был якобинцем и, по всем данным, — членом «Общества Народного Освобождения». Между тем, из его мемуаров ясно, что он не знал о принадлежности к «Обществу» Ковальского, считал его «чистейшим типом убежденнейшего бунтаря» и писал, что входившие в кружок Ковальского или близкие к нему якобинцы — Чернявская, Южакова и он сам — «устраивали иногда à part'ные

[1] Емельянов. Рационализм на юге России. «Отечествен. Записки». 1878, №№ 3, 5.

[2] Н. С. Русанов. Из моих воспоминаний. Кн. 1, Берлин, 1923, стр. 195—97.

[3] Г. М. Кофф. К делу о первом вооруженном сопротивлении в Одессе в 1878 г. «Каторга и Ссылка», 1928 г., №№ 8—9, стр. 195.

[4] По просьбе Ткачева и Элпидина устав был перепечатан затем в № 17 «Вперед» от 15/3 сент. 1875 г., стр. 532—33.

[5] «Набат» 1878 (брошюра), стр. VIII.

совещания» [1]. Очевидно, директивы Комитета были таковы, что Ковальский не открывал своей принадлежности к «Обществу» входившему в его кружок якобинцу Виташевскому. Другой, оставивший воспоминания, член кружка Ковальского — Свитыч — был пропагандистом. Повидимому, Ковальский, привлекая в свой кружок лиц различных направлений, был очень гибок, так как Свитыч опровергает мнение Виташевского и находит его характеристику Ковальского, как чистого бунтаря, преувеличенной: настолько внимательно отнесся Ковальский к планам Свитыча вести пропаганду в народе. В то же время «взгляд Ковальского на теорию якобинства и на ткачевский журнал «Набат» казался Свитычу «насмешливо отрицательным» [2]. А между тем Ковальский корреспондировал в «Набат», и при обыске у него было найдено 130 номеров этого журнала! Если Ковальскому так хорошо удавалось сохранить тайну своей принадлежности к «Обществу Народного Освобождения» от членов его собственного кружка, то понятно, что лица, не входившие в кружок, также совершенно не подозревали его причастности к якобинству. Авторы сообщения о Ковальском в «Листке Громады» и биографии Ковальского в «Громаде» считали его близким к бунтарству [3], а одесский корреспондент «Общины» прямо опровергал слухи о принадлежности Ковальского и членов его кружка к якобинцам (вызванные, очевидно, сообщением «Набата») и называл их «пропагандистами-агитаторами» [4]. Очень скептически отнесся к сообщению «Набата» об якобинстве Ковальского и М. П. Драгоманов [5]. Можно сказать, что правила конспирации, предписанные «Инструкцией», были выполнены Ковальским очень удачно.

Сведения об Одесском кружке Ковальского 1877 и начала 1878 гг. показывают, что главной задачей Ковальского была проповедь необходимости перейти от разговоров о революции к революционным действиям, что он и постарался осуществить на деле своим вооруженным сопротивлением, а главной сферой деятельности — революционная интеллигентная молодежь. Особо надо отметить описанную учеником Ковальского Крафтом попытку Ковальского приобрести связи среди военных и привлечь офицеров к революционной

[1] Н. Виташевский, op. cit., стр. 226.

[2] В. Иллич-Свитыч. Мое знакомство с Н. М. Ковальским. «Былое», 1906, № 8, стр. 149—51.

[3] Листок Громади (Женева), 1878, № 1, стр. 18. Громада, т. IV, Женева, 1879, стр. 231—234.

[4] «Община», Женева, 1878, №№ 8—9, стр. 4—5.

[5] М. Драгоманов. Мы и Набат. Громада, IV, Женева, 1879, стр. 374—82.

деятельности [1]. Среди южных революционных кружков, тронутых влиянием якобинцев, можно указать кружок Чубарова, судившийся по делу 28-ми и обвинявшийся в подготовке покушения на Александра II, которое должно было встретить полное одобрение со стороны якобинцев. Есть известия о близости к кружку Чубарова члена «Общества Народного Освобождения» Южаковой, о том, что И. Давиденко примкнул к кружку ткачевцев, «не признавая открыто своей принадлежности к ним», что Юрковский [2] и Россикова приезжали в Николаев в 1878 г., пытаясь устроить побег Виттенберга из николаевского морского замка. По словам свидетеля по делу 28-ми, Суворова, заставляющим вспомнить о бланках «Общества Народного Освобождения», «Андрей Баламез передавал, что у «капитана» (революционное прозвище Чубарова) было свидетельство от революционного Комитета, с которым он приехал в Одессу», а находившемуся в сношениях с «обществом «капитана» чиновнику киевской контрольной палаты Веледницкому «однажды был послан из Одессы какой-то документ с печатью революционного Комитета». Тот же Суворов показал, что вооруженная демонстрация во время суда над Ковальским была решена на сходке в квартире Чубарова [3].

Воспоминания одной из участниц подкопа под Херсонское казначейство — А. Алексеевой-Дуброво [4] — не оставляют сомнения в том, что это крупное предприятие, задуманное якобинцами Россиковой и Юрковским при участии

---

[1] Крафт. Из воспоминаний о И. М. Ковальском. «Каторга и Ссылка», 1928, № 1 (30).

[2] По сообщению Тульского, Юрковский состоял членом «О-ва Народного Освобождения», но был исключен из него за несоблюдение тайн.

[3] В. Чер. Краткие биографические сведения о казненном И. Я. Давиденко. На заре борьбы с царизмом. Сб. 3, Киев, 1925. А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Филиер. Народоволец А. Д. Михайлов. Л.—М., 1925, стр. 96—97. Ал-ндр Дм. Михайлов. «Былое», 1906, № 2. М. Морачевич. С. Я. Виттенберг и процесс 28-ми. «Каторга и Ссылка», 1929, № 7 (56), стр. 57—58. «Голос», 1879, №№ 217, 274. Судебная Хроника.

[4] Мученики идеи. Воспоминания А. Алексеевой-Дуброво. Одесса, 1926, стр. 8, 10—12. Автор пишет, что Россикова «задумала громадное дело посредством подкопа достать много, много денег и освободить из тюрем тех, которых ждала неминуемая казнь...». То же настроение было, по словам автора, и у Юрковского, который увлекался мечтою «об освобождении из тюрем заключенных друзей». «... Россикова и Юрковский решили не откладывать облюбованного ими дела в виду надвигавшихся виселиц. Надо было спасать дорогих друзей, надо было освободить из тюрем мучеников идеи...» Летом 1879 г., когда шла работа по подкопу, ждали суда привлеченные по делу 28-ми. В начале июня была совершена кража из херсонского казначейства, столь неудачная по своим конечным результатам. Последняя часть денег, зарытых Юрковским в Алешках, была обнаружена в первых числах августа, а 10—11 августа казнили осужденных по делу 28-ми.

якобинки Южаковой, имело ближайшею целью приобретение средств на освобождение заключенных по делу 28-ми. Если сопоставить эти якобинские связи чубаровского кружка с тем, что в «Набате» после наказания Боголюбова появилась статья, предсказывавшая Трепову близкую смерть («смерть мошеннику Трепову, смерть негодяю, смерть скоро!») [1], что зимой 1877 г. Чубаров приехал с юга в Петербург с специальной миссией организовать покушение на Трепова и горячо поддерживал Засулич в ее намерении [2], и что после покушения «Набат» упрекали в намерении приписать выстрел Засулич деятельности членов «Общества Народного Освобождения», то приходится сказать, что нет уверенности в полной правоте брошенных «Набату» упреков в «нахальном посягательстве на чужую собственность» [3].

Пример кружка Ковальского заставляет предполагать возможность интересных и неожиданных разоблачений. Но изучение состава «Общества» требует кропотливых изысканий, основанных на широком привлечении архивных материалов, и не входит в задачи настоящей статьи. Сейчас, пользуясь отрывочными указаниями, можно лишь наметить несколько якобинских кружков, которые были или могли быть связаны с «Обществом Народного Освобождения».

Среди корреспонденции «Набата» очень обильны корреспонденции с юга России — из Киева, Харькова, Чернигова, Полтавы, Одессы, Ростова-на-Дону, Елизаветграда, Каменец-Подольска. Это показывает, что у «Набата» были связи с южными кружками и что в перечисленных городах можно искать ячеек «Общества Народного Освобождения». Об Одессе я уже говорила. Есть отрывочные сведения и об якобинцах в Киеве. Предатель Трудницкий, раскрывая в 1874 г. деятельность революционных кружков, говорил между прочим о приехавшем в конце 1873 г. из Цюриха в Киев Яницком. «Принадлежа к централистской или робеспьеровской партии», он составил в Киеве «кружок революционеров, которые, имея центральную организацию, думали действовать не только в среде простого народа, но и в интеллигентских слоях общества для произведения революции и потом предполагали составить правительство из своих приверженцев и посредством его регулировать

По словам Алексеевой-Дубровой, «Россия очень страдала от того, что как только были найдены деньги, казни свершались». Эти сопоставления показывают, что дело шло об освобождении Чубарова и его сопроцессников.

[1] «Набат», 1877, № 3—6.

[2] В. Н. Засулич накануне покушения. Странички из воспоминаний Евг. Карпова. «Вестник литературы», 1919, № 6.

[3] Я. В. Стефанович. Русская революционная эмиграция. «Группа Освоб. Труда», сб. III, М.-Л., 1925, стр. 284—86.

общественное развитие народа». Здесь, очевидно, идет речь об якобинском кружке, организованном Карлом Яницким, поляком, другом Турского и автором выпущенных якобинцами в Швейцарии в начале 70-х гг. карикатур на Лаврова и бакунистов [1]. По словам другого разоблачителя — Александра Николаевича Молчанова, — проникшего в 1876 г. в редакцию «Набата» и тут же предложившего письмом в III отделение свои услуги правительству, Яницкий был одним из самых активных членов партии «Набата» и в 1876 г. снова поехал из Швейцарии в Россию, где сделал «объезд многих южных губерний» [2]. В том же 1876 г. с киевскими якобинцами столкнулся в своих поисках сильной дисциплинированной организации будущий знаменитый народоволец Александр Михайлов. Вместе с Нос. Давиденко и одним якобинцем он составил маленький кружок, в котором обсуждались планы создания общерусской революционной организации. Впрочем, в якобинцах Михайлов скоро разочаровался, увидя, что «теория и практика этой группы не представляют ничего солидного» [3]. Из киевских якобинцев по фамилии могу назвать студента-медика Карпенко, которому в 1877 г. Галина Черняевская привезла из Женевы, из редакции «Набата», номера этого журнала и передала какие-то «организационные указания», и Льва Ланачини, арестованного в Киеве в 1876 г. с тюками изданий «Набата» [4].

В Петербурге намечается несколько якобинских групп разных оттенков. Н. С. Русанов, рассказывая в своих воспоминаниях о петербургской зиме 1877—78 гг., говорит о «тройке Болдырева, Бандуры и Балалайки», трех набатчиках, которые ходили таинственно всегда вместе и старались уверить, что «они присланы из Женевы «самим» Ткачевым для производства в наискорейшем времени политического переворота». Очевидно, того же Болдырева встречал в 1876 г. в редакции «Набата» Молчанов, называя его в своем письме в III отделение губернским секретарем и б. студентом Медико-Хирургической Академии Варфоломеем Болдыревым, из донских казаков, приехавшим в 1876 г. в Женеву из Петербурга «в качестве представителя кружка». Неудачным выступлениям этого Болдырева и его товарищей Русанов противопоставляет дея-

[1] Моск. Архив Рев. и Вн. Пол. фонд III Отд. Справка № 100. Яницкий. Б. Николаевский, цитиров. статья.

[2] Моск. Архив Рев. и Вн. Пол. III Отд., II секрети. архив, № 218.

[3] А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. Народоволец А. Д. Михайлов. Лгр. 1925, стр. 96—97. Ал-др Дм. Михайлов, «Былое», 1908, № 2.

[4] Г. Ф. Черняевская-Бохановская. Автобиография. Каторга и Ссылка», 1928, 5 (42).

тельность якобинцев школы Заичневского М. Н. Ошаниной и В. П. Арцыбушева, приехавшего в 1877 г. в Петербург, «с целым выводком юных якобинок из Орла» (очевидно, с их от'ездом из Орла и высылкой Заичневского деятельность якобинского орловского кружка замерла). Очень интересна описанная Русановым сцена свидания Ошаниной с Валерианом Осинским, которому М. Н. внушала якобинские идеи. Надо напомнить, что Осинский один из первых среди землевольцев начал проповедь необходимости политической борьбы. О том, что землевольцы «частенько-таки бывали у этой умной, сильной Ошаниной», говорит и Аптекман [1]. Мих. Аким. Тимофеев описывает свою деятельность в качестве члена «Общества Народного Освобождения» во время студенческих беспорядков в Петербургском университете в 1879 г., когда ячейка «Общества» старалась вывести студенческие волнения из круга чисто студенческих вопросов, настаивая на введении политических требований [2]. Агентом «Общества», передававшим Тимофееву директивы Комитета, был П. Д. Хвицкий, связи которого с набатовцами начались еще с середины 70-х гг. Тот же Молчанов в своих донесениях 1876 г. говорит об одном из наиболее деятельных членов партии «Набата» — молодом человеке, «в высшей степени фанатическом», бежавшим из России год тому назад и жившем в Женеве по фальшивому турецкому паспорту на имя Роданко. По рассказу Молчанова этому Роданко предназначалась роль начальника отряда фанатиков-революционеров, вооруженных ручными гранатами и особыми стреляющими часами, который должен был сделать нападение во время высочайшего смотра или парада и тем начать революционный переворот. Очевидно, о том же лице говорят донесения иностранной агентуры 1878 г., называющие его Людовиком Родаки, лицом, близким к Григорьеву, Турскому и Ткачеву и участвующим вместе с ними в редактировании «Набата». Настоящей фамилии этого Родайко или Родаки Молчанов не смог сообщить, но разузнал, что он воспитывался в Гатчинском ин-те и был студентом Медико-Хирургической Академии. По официальным сведениям, собранным уже после ареста Хвицкого в 1880 г., он воспитывался в Гатчинском сиротском институте, а затем в Медико-Хирургической Академии, откуда в 1876 г. исключен за неявку к экзаменам и долгое отсутствие. Эти совпадения не оставляют сомнения в том, что фамилию Ро-

[1] Н. С. Русанов. Из моих воспоминаний. Кн. I. Берлин, 1923, стр. 145 и след. О. В. Аптекман. «Земля и Воля» 70-х г.г., II. 1924, стр. 305.

[2] М. А. Тимофеев, op. cit.

данко носил за границей Хвицкий. Его видная роль в партии «Набата» подтверждается последним из данных ему поручений, на котором и окончилась его революционная карьера. В 1880 г. он ездил за границу и в декабре 80 г. был арестован в Петербурге, получив посылку со шрифтами «Набата», типография которого пересылалась в Россию [1].

С именем упомянутого выше Арцыбушева и Марии Васильевны Лавровой связана попытка организации провинциального кружка. В 1877 г. Лаврова, переодетая, очевидно, в целях нарочитой конспирации в мужское платье, отправилась из Петербурга в Курск, где действовала под фамилиями Зотова и Краснова и где организовала кружок молодежи «Саморазвитие», состоявший из 13 человек. Впрочем, кружок провалился осенью того же года [2].

Специального обследования заслуживает указание корреспондента «L'Egalité» на связи «Общества Народного Освобождения» с «революционными обществами Польши». Но здесь, повидимому, речь идет не о польских революционных кружках в России, а о связи русских якобинцев с польскими эмигрантами, которые поддерживались через поляков Турского и Яницкого. Так, Молчанов говорит о связях Турского с Милковским (очевидно, Сигизмундом) и Врублевским, с помощью которого он будто бы вошел в сношения с турецким правительством, а Драгоманов, разбирая в «Громаде» политические статьи Сигизмунда Милковского [3], протестовал против переоценки им значения якобинского течения в русском революционном движении.

Таковы отрывочные сведения о деятельности якобинцев в России и отчасти за границей. Нельзя, однако, думать, что «Общество Народного Освобождения» было крепкой организацией, получившей в России широкое распространение, — конкуренция с «Народной Волей» оказалась для него совершенно непосильной. В письме Ткачева о русском революционном движении, помещенном в ноябрьском номере бланкистской газеты «Ni dieu, ni maître» за 1880 г., ясно звучит признание руководящего значения «Народной Воли» в русском революционном движении [4]. К тому же времени относятся

---

[1] С. Вальк. Г. Г. Романенко «Каторга и Ссылка», 1928, № 11 (48).

[2] Воспоминания М. А. Тимофеева показывают, что представление о другом курском кружке — Лавренциуса, как о кружке якобинцев, не соответствует действительности. Якобинцем в нем был лишь один Тимофеев.

[3] Громада, т. IV, Женева, 1879, стр. 345 и след.

[4] «Ni dieu ni maître», 27/XI 80, № 8. Б. Горев. К вопросу о бланкизме вообще и о русском бланкизме в частности, «Воинствующий Материалист», IV, М. 1925, стр. 109—110.

попытки «Общества Народного Освобождения» вступить в соглашение с «Народной Волей» через Н. Морозова и Г. Романенко, изложенные в статье С. Валка и не давшие осязательных результатов. В январе 1881 г. в той же самой бланкистской газете была напечатана речь Турского, которую он должен был говорить над гробом Бланки от имени «Общества Народного Освобождения» и редакции «Набата», но которая осталась не произнесенной за полицейским вмешательством. Эта речь едва ли не одно из последних проявлений существования «Общества»: по словам Б. Николаевского, оно прекратило свою деятельность вскоре после 1881 года.

Задачей дальнейшего изучения «Общества Народного Освобождения» является уяснение его состава и степени его вдвойне подпольного влияния на не принадлежавшие к «Обществу» революционные кружки и, в первую очередь, на организационные и тактические приемы двух наиболее крупных революционных организаций 70-х гг. и начала 80-х гг. — «Земли и Воли» и «Народной Воли».

Приложение 1.

Печатное 1 стр. 20½×17.2 столбца.

УСТАВ ОБЩЕСТВА НАРОДНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ.

Устав.

1) Принимая во внимание, что существующий в России порядок как политический, так и экономический основывается на произволе и самовластии, на беспощадной эксплоатации народа привилегированным меньшинством,

2) Что наши правительства, называющиеся правительствами, и наши эксплоататоры, находясь все в тесном союзе, в заговоре против народа, никогда не откажутся добровольно от своих узурпированных прав,

3) Что вся народ, опутанный сетями деспотии тирании, шпионства, необходимых для борьбы с его врагами, не в силах сбросить с себя давящий его гнет, если дружья народа не помогут ему в этом деле — **народного освобождения**,

4) Что эта тирания, эта эксплоатация народа поддерживается и охраняется только с помощью грубой, организованной силы,

5) Что сколько бы ни было нас, недовольных существующим порядком, мы никогда не достигнем победы над нашими врагами, пока организованной силе их не противопоставим нашу силу, тоже организованную.

6) Что такого рода силу может создать только дисциплинированный и хорошо организованный заговор, который обеспечит за нами победу,—

Мы, дружья народа, составляем тайное общество **народного освобождения**, с целью скорейшего низвержения монархии, полного уничтожения всякой эксплоатации народа и провозглашения его естественных прав, основанных на политическом и экономическом равенстве.

Правила.

В члены тайного общества **народного освобождения** принимаются лишь с согласия Комитета.

УСТАВЪ ОБЩЕСТВА

Народнаго Освобожденія.

УСТАВЪ

1. Признавая за каждою [illegible] отъ Россіи
[illegible] полную свободу [illegible]
[illegible] отказываясь [illegible]

2. Что всякая [illegible] признающая [illegible]
[illegible] долженъ [illegible]

3. Что цѣлью [illegible] общества [illegible]
[illegible] не [illegible] [illegible]
[illegible] Общества [illegible]

4. Что [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

Что сколько бы [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

5. Что [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

Мы другъ [illegible] составляемъ тайное общество ДЛЯ НАРОДНАГО ОСВОБОЖДЕНІЯ съ [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]

ПРАВИЛА

1. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

2. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

3. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

4. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

5. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

6. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

7. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

8. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

9. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

10. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

11. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

12. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

13. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

14. [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible]

2) Член Общества обязан хранить в тайне как существование этого общества, так и принадлежность к нему известных ему лиц.

3) Сделавшийся членом этого общества не может из него выбыть без разрешения Комитета.

4) Все распоряжения Комитета должны точно исполняться членами. Если же, по чему бы то ни было, исполнение того или другого из этих распоряжений окажется невозможным, то получивший это распоряжение должен немедленно известить Комитет, через своего агента.

5) Комитет сообщается с обществом через своих агентов.

6) Не имеющие полных 18 лет не могут быть приняты в члены Общества.

7) Каждый член, действующий против Общества словом или делом, немедленно исключается Комитетом и судится по следующим правилам Общества.

8) Строго воспрещается стараться какими бы то ни было путями разузнавать о месте нахождения Комитета и о лицах, его составляющих.

9) Строго воспрещается принадлежать к другим тайным или явным обществам без разрешения на то Комитета.

10) Члены Общества могут быть исключаемы Комитетом, который берет письменную клятву с них хранить тайну существования Общества и всего, что ему известно было касательно его. Нарушивший эту клятву — подвергается смертной казни.

11) Все проекты и предложения, касающиеся цели Общества или его организации, возникшие у его членов, сообщаются (им) немедленно Комитету, который, по рассмотрении, принимает или отвергает их.

12) Для преуспевания Общества народного освобождения и достижения его великих целей, — все средства считаются хорошими.

13) Члены общества принимаются без различия пола.

14) Каждый член Общества народного освобождения безусловно обязан явиться по первому призыву, где бы он ни находился и куда бы его ни требовали.

С целями Общества, равно как и с его уставом вполне согласен.

Добровольно подписал . . . . . .

Круглая печать «Общество Народного Освобождения».

Комитет.

Приложение 2.

Печатная 81 ½ · 5 брошюра Стр. XV (без титула, в обложке без надписи)

ИНСТРУКЦИИ

ЧЛЕНАМ ОБЩЕСТВА НАРОДНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ.

Независимо от беспрекословного исполнения предписаний и поручений, даваемых агентами Комитета «Общества Народного Освобождения» в круг деятельности членов Общества входят нижеследующие обязанности:

А. Обязанности по отношению к административным, судебным и полицейским властям той местности, где живет член Общества Народного Освобождения.

Член Общества Народного Освобождения обязан собирать и сообщать агенту Комитета Общества, с которым он находится в непосредственном сношении точные сведения.

1. Об имени, месте жительства и знакомствах главнейших властей административных, судебных и полицейских той местности, где он живет. 2. Об их отношении к высшей центральной власти, об их местном влиянии и об отношении к ним местного населения. 3. О лицах, через которых можно иметь на них влияние. 4. В случае надобности снимать и сообщать агенту Комитета план занимаемых ими помещений.

Б. Обязанности по отношению к войскам, квартирующим в месте жительстве члена Общества.

1. Член Общества обязан собирать и сообщать агенту Комитета сведения: а) о количестве войск (с точным указанием имен полков и числа орудий), квартирующих в той местности, где он живет; б) имена, места жительства, знакомства и умственное настроение обер и штаб офицеров; в) расположение казарм, настроение солдат и их отношение к непосредственному начальству.

Кроме того, член Общества обязан употребить все усилия для сближения с солдатами и офицерами и в их среде распространять те книги, брошюры и журналы, которые будут ему указаны агентом Комитета. 2. Член особенно должен сходиться с теми из солдат или офицеров, которые по своему влиянию, развитию и умственному настроению выдаются из общей среды, их имена, местожительство и знакомых он обязан немедленно сообщать агенту. 3. Он должен стараться проникнуть в общество офицеров и собрать точные сведения как о средствах существования тех из офицеров, которые могут быть полезны, так и тех, которые могут быть вредны при осуществлении целей Общества Народного Освобождения. 4. Член, сближаясь с офицерами и солдатами, должен стараться восстановить их против существующего порядка вещей, и указать на возможность изменения этого порядка путем насильственного переворота, успех которого много зависит от их активного или пассивного в нем участия. 5. Если не может член войти в непосредственные с ними сношения, он должен стараться действовать на них помощью знакомых и тех лиц, которые по тем или другим причинам могут иметь на них влияние.

В. Обязанности по отношению к крестьянам и рабочим той местности, где живет член Общества.

1. Член Общества обязан все усилия употребить для сближения с рабочими и распространения среди них книг, брошюр и журналов, которые ему будут указаны агентом. 2. Для достижения упомянутой цели член обязан посещать места сборищ рабочих (кабаки, трактиры и пр.). 3. С тем из рабочих, которые по своему влиянию на товарищей, по своему развитию и умственному настроению выдаются (sic) из общей среды, он должен вступить в возможно близкие сношения и стараться приобрести их доверие и любовь; их имена, местожительство и знакомых он немедленно должен сообщить агенту Комитета. 4. Член обязан тщательно следить за настроением рабочих той местности, где живет и сообщать агенту о всех тех фактах, которые могут влиять на возбуждение среди них чувства недовольства существующим порядком, равно как и о всех тех лицах (их имена, местожительство, знакомства и средства к существованию), которые в силу тех или других обстоятельств давят и эксплоатируют крестьян и рабочих и об отношениях этих к первым. 5. Член должен подробно сообщать агенту как о лицах принадлежащих, так и непринадлежащих к Обществу Народного Освобождения, кои ведут среди рабочих революционную или антиправительственную пропаганду, о результатах этой пропаганды и о ее влиянии на местное население.

Г. Обязанности по отношению к земским деятелям.

1. Член Общества обязан собирать и сообщать агенту Комитета сведения о всех выдающихся земских деятелях: членах управы, ми-

ных судьях, посредниках и др. той местности, где он живет. 2. Он должен войти с ними в прямые или посредственные сношения и влиять на них в том смысле, каком ему будет указано агентом Комитета. 3. Он должен собирать и сообщать агенту все сведения, касающиеся отношений административной власти к земцам и населения (sic).

Д. Обязанности по отношению к интеллигенции и учащейся молодежи.

1. Член Общества обязан следить и сообщать агенту Комитета настроение умов учащейся молодежи и интеллигентного общества по отношению к правительству, революционной партии и местным властям. 2. Он должен составлять и сообщать агенту подробные списки всех лиц из учащейся молодежи и интеллигенции, которые по своему развитию и настроению могут быть полезны или вредны в деле осуществления целей общества. 3. Член обязан входить в возможно тесные сношения с местными влиятельными либералами, сближаться с учащеюся молодежью, при чем должен употребить все усилия, чтобы склонить ее к усвоению идей и программы Общества. 4. Он должен среди них распространять книги, журналы и брошюры, на которые ему будет указано агентом, и пользоваться каждым случаем для возбуждения среди молодежи недовольства существующим порядком. 5. Он должен внимательно следить за молодежью и сообщать агенту о лицах, как принадлежащих к Обществу, так и непринадлежащих, кои ведут среди ее революционную или антиправительственную пропаганду и о результате ее. 6. Он должен сообщать агенту о всех фактах, могущих влиять на настроение молодежи, и пользоваться этими фактами сообразно указаниям агента. 7. Он должен сообщать агенту о всех средствах, помощию которых по его мнению Общество может приобрести себе сторонников среди молодежи, но приступать к осуществлению этих средств он не может без разрешения агента Комитета. 8. Кроме влиятельных либералов и учащейся молодежи член Общества должен обращать особенное внимание на народных учителей, на фельдшеров, акушерок и проч. лиц, находящихся в непосредственном сношении с народом. 9. Он обязан сообщать агенту точные сведения о всех этих лицах и об отношении к ним населения. 10. Он должен стараться приобрести между ними сторонников и через них влиять на сельское население.

Е. По отношению к населению местных тюрем и острогов.

1. Член должен сообщать агенту Комитета точные сведения о тюрьмах и иных местах заключения, находящихся в местности, где он живет и, если возможно, доставлять агенту подробные планы означенных мест заключения. 2. Входить в сношения с арестантами и особенно с теми из них, которые содержатся по обвинению в политических преступлениях, сопротивлении властям, разбое шайками и др. преступлениях, указывающих на враждебные отношения к правительству. 3. Сообщать агенту имена и сроки заключения арестантов, отличающихся враждебным настроением к правительству, их влияние на товарищей, сведения о совершенных ими преступлениях и их внетюремных знакомствах; если член найдет должным, он может способствовать побегу арестанта, ему оказывать всякую помощь и поддержку — но все это не иначе, как с разрешения Комитета. 4. Он должен стараться входить в сношения с тюремными сторожами и заводить знакомство среди тюремного начальства. 5. Он должен иметь и сообщать агенту точные сведения о лицах, составляющих персонал тюремного начальства, их знакомствах, лицах имеющих на них влияние, об их средствах к существованию, отношении к арестантам и отношении последних к ним.

Ж. По отношению к революционным кружкам, не принадлежащим к организации, но находящимся в одной и той же местности

1 Член Общества обязан собирать и сообщать агенту Комитета точные сведения о всех революционных кружках, находящихся в местности, где он живет, о лицах, их составляющих, их связях среди местного населения и их отношении к Обществу Народного Освобождения. 2 Он должен войти в тот или иной кружок, или же приобрести в нем знакомства. 3 Член не может однако содействовать кружку, не принимать участия в его деятельности иначе, как с разрешения агента. 4 Свою принадлежность к Обществу Н О член должен тщательно скрывать от упомянутых кружков, если только не получает противного предписания от агента Комитета. 5 Он должен стараться распространять (sic) между ними книги, брошюры и журналы, которые ему будут указаны агентом Комитета и употребить все усилия к приобретению среди их сторонников. 6 Он должен немедленно сообщать агенту о всяком революционном покушении кружка (демонстрации, восстании и пр.) или же другого правительственного акта и плана. 7 Он может принять участие в означенных покушениях не иначе, как с разрешения агента Комитета.

3 По отношению членов к обществу, Комитету, агентам и прочим членам.

1 Каждый член должен хранить свою принадлежность к Обществу во всех тех случаях, когда он не будет иметь разрешения от агента говорить о том или кружке. 2 Он должен сообщать агенту всех местных, которые он успеет в пользу Общества и давать подробные сведения как о лицах относящихся к нему сочувственно к кружку, так и о враждебных, с указанием их имен, жительства, знакомств и связей. 3 Он должен употребить все усилия, чтобы убедить во всех лицах, с которыми находится в отношении сочувствие к идеям и деятельности Общества Народного Освобождения и склонить их вступить в ряды его членов. 4 Он должен всегда и везде не только не получая особого предписания от агента, но даже защищать честь и пользу Общества и рассекретить и уничтожить все клеветы и небылицы, распространяемые врагами его. Подозрение к лицам, к нему принадлежащих.

По отношению к Комитету «Общества Народного Освобождения» член обязан **безусловным** подчинением при чем ему воспрещается разузнавать имена лиц, составляющих Комитет. Если же до сведения его дойдет, что кто либо из лиц, принадлежащих или не принадлежащих к Обществу, пытается проникнуть тайны Комитета, - он обязан о всех подобных попытках немедленно сообщать агенту Комитета.

По отношению к прочим членам каждый член Общества обязан сохранять тайну своей принадлежности к Обществу, равно как и строго воспрещается ему разузнавать о принадлежности к нему того или другого из его знакомых или посторонних лиц. Член Общества может лишь знать о принадлежности к Обществу тех лиц, которые ему будут указаны агентом Комитета. С разрешения или по предписанию агента он может вступить с ними в сношения и действовать совместно, по чем форма и характер этих сношений и общей деятельности указывается в каждом частном случае агентом Комитета. Член строго воспрещается жить с известными ему членами Общества в одной квартире, составлять съезды или кружки без разрешения на то агента. Во всех случаях он должен защищать известных ему членов и поддерживать их. В то же время он обязан следить за их деятельностью и сообщать все сведения, касающиеся агенту. Все предписания письма и пр. от, касающиеся деятельности членов Общества член обязан уничтожать, или же получать с ними сообразно указаниям. Член [illegible] имеющиеся хранить у себя или

своих знакомых, без особого на то разрешения агента, какие бы то ни были шифрованные буквы и адресы, могущие компрометировать кого-нибудь из членов Общества или навести правительство на его след. Член Общества сообщается с другими членами и с агентом только теми способами, которые будут указаны сим последним. Член Общества обязан сообщать агенту о всех лицах, которые по его мнению могли бы быть приняты в Общество Народного Освобождения, но сам их принимать в организацию не может. Все предписания, даваемые членам Общества, должны быть скреплены печатью Комитета Общества Народного Освобождения.

В случае нарушения или уклонения от исполнения предписаний, изложенных в означенных инструкциях, член Общества Народного Освобождения, по заявлению агента Комитета, немедленно исключается Комитетом и судится по специальным правилам Общества Народного Освобождения.

Круглая печать «Общество Народного Освобождения».

Комитет.

Приложение 3.

Бланк «Общества Народного Освобождения» с печатью Комитета «Общества» (весь текст на бланке внизу справа).

§ I Каждый указ и распоряжение от Комитета скрепляется печатью Комитета на бланке.

§ II По прочтении указа или распоряжения бланк немедленно уничтожается.

§ III Распоряжения Комитета должны немедленно и с безусловной точностью быть выполняемы.

§ IV Все указы и распоряжения Комитета должны храниться втайне.

§ V В случае невозможности привести в исполнение распоряжения Комитета — немедленно изложить причины таковой невозможности и

§ VI За неисполнение распоряжений Комитета виновный подвергается всей строгости Устава.

Печатное 1 стр. 28½×20. ***Приложение 4.***

ВОЗЗВАНИЕ ОТ ОБЩЕСТВА НАРОДНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ, КО ВСЕМ ЧЕСТНЫМ ЛЮДЯМ РОССИИ

Час народного воскресения, час открытого восстания, час гибели гнетущего нас порядка вещей — приближается.

Вековые цепи рабства настолько уже износились и поржавели, что достаточно одного мужественного, дружного усилия — и они сами собой спадут с нас.

Последние события разогнали последние иллюзии запуганных и забитых людей: до сих пор они могли еще верить в силу и крепость давящего нас государственного строя — теперь эта вера исчезла безвозвратно, его внутренняя несостоятельность, его полнейшее бессилие — очевидны для каждого. Самодержавная тирания оказывается абсолютно бессильною спасти Россию от той поголовной нищеты и разорения, в которую она ее ввергла, бессильною спасти государство от неминуемо-грозящего ему финансового и политического банкротства, бессильною освободить несчастный народ от сосущих его кровь эксплуататоров вампиров, бессильною даже сдержать и подавить, со всех сторон рвущееся наружу чувство всеобщего протеста и недовольства.

Неужели же в виду этого бессилия, в виду всех этих несомненных признаков окончательного разложения российского самодержавия, в виду всех грозящих нам экономических и политических опасно-

стей, неужели в виду всего этого мы попрежнему с слепым терпением станем сносить ярмо рабства, и с бараньею покорностью подставлять свои шеи под палки наших неумелых и бессмысленных истязателей?

Довольно позора и унижения! Пора, наконец, показать нашим тиранам, что мы — не бессловесное стадо безмозглых скотов, что мы — люди, люди сознающие свои права и твердо решившиеся воспользоваться ими.

«Общество Народного Освобождения», поставивши своею целью освобождение родины от гнета разъедающей ее политической и экономической эксплоатации, давно уже работает во тьме и тиши для осуществления своей великой задачи; давно уже старается оно организовать все протестующие и недовольные силы России и направить их к одной цели — к нанесению решительного удара российскому самодержавию. Теперь оно находит, что пора действия наступила. Час деспотизма пробил. Не сегодня, завтра все будущее русского народа будет поставлено на карту. В эту роковую и торжественную минуту оно обращается к вам, все честные люди России, оно приглашает вас соединиться с ним и дружным усилием ниспровергнуть гнетущую нас гидру.

Да здравствует русская свобода!

Вы не можете отказать ему в своем содействии, ведь его цель, цель каждого честного человека: **спасти свою родину от позора и нищеты, в которую вверг ее деспотизм, завоевать себе человеческие права, предоставить народу самому управлять своими делами, самому быть решителем своих судеб.**

Разве есть хоть один честный человек, который открыто решится заявить, что он считает положение раба — законным и вполне нормальным положением, что он не хочет свободы ни для себя, ни для своей родины? Разве есть хоть один честный человек, который открыто решится заявить, что один человек, одна семья, потому только, что она носит фамилию Романовых, имеет право бесконтрольно и самовластно распоряжаться судьбою миллионов людей, что народ — стадо баранов, предназначенных питать своим мясом и кровью, несколько десятков выскочек и эксплоататоров?

Разве есть хоть один честный человек, который решится открыто утверждать, что он не чувствует потребности пользоваться самыми элементарными человеческими правами — правами свободы мысли, свободы слова, свободы самому обсуждать свои собственные дела, и что лишение этих прав не возбуждает в нем ни малейшего чувства недовольства, чувства озлобления и протеста?

Нет, честные люди глубоко сознают весь позор, всю унизительность своего положения, они искренно желают свободы своему народу и потому они станут в ряды «Общества Народного Освобождения».

Соединенные одним общим знаменем, знаменем «Народного Освобождения», они завоюют свободу своей родине и возвратят миллионам людей, отнятые у них права, и положат начало новой эре русской истории — эре, в которой деспотизм и эксплоатация не будут играть никакой роли, эре, которая проникнута будет духом свободы, братства, и равенства.

Да здравствует же русская свобода.

Печать круглая: Общество Народного Освобождения.

Комитет [1]).

---

[1]) Документы печатаются по подлинникам, хранящимся в Л. О. Ц. И. А. в Фонде Министерства Юстиции.

Г. И. Лурье

К биографии В. В. Маяковского

(По архивным материалам [1])

С царской тюрьмой В. В. Маяковский познакомился весьма рано, когда ему было всего 14 лет.

29 марта 1908 г., в городе Москве, в доме Коноплина, по Ново-Чухнинскому переулку, в квартире портного-крестьянина Федора Иванова Лебедева, в комнате, которую занимали Лев Яковлевич Жигитов [2] и несовершеннолетний рабочий Сергей Иванов «без фамилии» (как говорит делопроизводство о нем) была обнаружена «на полном ходу» типография Московского Комитета РСДРП [3].

---

[1] Для составления очерка использованы Дела Отделения по охранению обществ. безопасности и порядка в Москве, 1908 г. № 563, 1909 г. №№ 463, 709, 1915, № 76; Дело Моск. Суд. Палаты, 1909 г., № 11/1, Переписка прокурора Моск. Суд. Палаты, 1908 г., № 545; Производство Моск.-Окр. Суда, 1909 г. № 545 и предварит. следствие под тем же номером.

[2] Под этой фамилией скрывался „романовец" Тимофей Трифонович Трифонов. Он до того многократно привлекался: в 1898 г. при Петербургском охр. отделении; в 1902 г.—при Смоленском губ. жанд. управлении; в 1904 г.—по делу о вооруженном сопротивлении в Якутске („Романовское дело"); в 1906 г. — при прокуроре моск. суд. палаты; в 1907 г. арестован в типографии Саблина в связи с забастовкой-протестом против суда над с.-д. депутатами II Гос. Думы; сверх того, разыскивался Иркутским окр. судом по делу о подкопе в Александровской пересыльной тюрьме; наконец, о нем еще производилось дело у уездного члена моск. окр. суда по Верейскому уезду (1909 г.)

[3] В типографии найдены заготовленные гранки прокламаций „Новое наступление капитала" и листовки о необходимости устроить в марте на всех фабриках и заводах собрания по поводу 25-летия со дня кончины К. Маркса и пр. Найдены также записи и заметки, сделанные рукой Трифонова, нелегальная литература, денежный отчет Московского Комитета, подложные паспорта и патроны. Обыск произведен „в виду полученных агентурных сведений", что в этом доме только что поставлена тайная типография. На допросе Трифонов заявил, что все найденное при

При обыске были арестованы кроме хозяев квартиры (впоследствии освобожденных), оказавшийся налицо Сергей Иванов и отсутствовавший во время обыска Л. Я. Жигилов (Трифонов). Последний был задержан околоточным надзирателем, которому поручено было, во время производства обыска, находиться около дома и задержать Трифонова, в случае его появления, по приметам, сообщенным квартирным хозяином. Трифонов, заметив надзирателя, прошел мимо по направлению к полю, но надзиратель успел его задержать. Трифонов, по словам надзирателя, высказал сожаление, что он поздно увидел его на улице: иначе, сказал он, ему бы удалось избежать ареста, если б он был от него хотя бы в десяти шагах.

По окончании обыска, в кухне квартиры были оставлены временно городовые Соловьев и Рябко для наблюдения, не явится ли кто-либо в комнату арестованных. Часа в два дня явился молодой человек со свертком; задержавшим его городовым он об'явил, что пришел к портному, но находившийся тут же подмастерье портного заявил, что он уже не раз приходил сюда, но не к портному, а к тем жильцам, которые теперь арестованы. (На допросе у следователя «жившим в мальчиках» у портного 15-летний парень добавил одну подробность: за неделю до ареста молодой человек, задержанный теперь со свертком, пришел к Трифонову в отсутствие последнего. Трифонов же предупредил свидетеля, что к нему может прийти человек; пусть он ему скажет, чтобы тот прочитал оставленную на столе записку. Свидетель поручение исполнил).

Молодой человек со свертком был отправлен в участок. Здесь он назвал себя дворянином Владимиром Владимировым Маяковским. При осмотре свертка, в нем оказались:

обыске в его комнате принадлежит лично ему, а по существу дела он никаких об'яснений давать не желает.

Вот текст упомянутой листовки.

„РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

1-го марта исполнится 25-тилетие со дня кончины основателя научного социализма и идейного вождя международного пролетарского движения — Карла Маркса. Московский Комитет РСДРП призывает товарищей рабочих отметить этот день устройством собраний на фабриках и заводах, посвященных его памяти.

МК РСДРП

Типография МК.

76 экземпляров подпольной газеты «Рабочее Знамя» (Орган Областного бюро Центрального Промышленного района РСДРП, март 1908 года, № 1), 70 экземпляров упомянутой выше прокламации «Новое наступление капитала»[1], 4 экземпляра «Солдатской Газеты» (Орган Моск. Военной Организации при Моск. Комитете РСДРП, февраль 1908 г. № 1).[2].

Согласно показанию околоточного надзирателя 2 участка Пресненской части, допрашивавшего Маяковского, последний об'яснил, что «издания он принес неизвестному мужчине, который с ним раньше встречался у памятника Пушкина». Надзиратель дальше продолжает:[3])

Маяковский давал такие сбивчивые об'яснения, что я не мог хорошенько понять, жил ли этот мущина в доме Коноплина, или же только поручил доставить издания туда, сам же проживал в другом месте. При перераспросе Маяковский заявил, что он больше мне отвечать ничего не будет. Когда Маяковский был доставлен в участок, то здесь же находились задержанные раньше в доме Коноплина жильцы портного Лебедева. Маяковский сейчас же вступил в разговоры со старшим из них и стал шептаться. На мое замечание: „Должно быть, знакомы с ним?" Маяковский ответил: „Дело не ваше". Пред'явленная мне фотографическая карточка (пред'явлена карточка Жигитова) изображает то лицо, с которым шептался Маяковский. При опросе о возрасте Маяковский показал, что ему 17 лет."

Маяковский был оставлен под стражей в 1 участке Сущевской части. 8 апреля он был допрошен следователем. Копию протокола допроса даем здесь:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

1908 года, апреля 8 дня, судебный следователь по особо важным делам Вольтановский, в камере своей допрашивал по настоящему делу в качестве обвиняемого нижепоименованного, и он на предложенные первоначальные расспросы, по 403 ст. Уст. Уг. Суд., показал

---

[1] Прокламация, указывая на действия владельцев типографий и на организацию ими боевого союза против рабочих, предупреждает о надвигающемся локауте и призывает к отчислению в локаутовый фонд при Московском Комитете. Под прокламацией пометка: „Типография М К."

[2] В конце газеты пометка: „Типография Московского Окружного Комитета Р С-Д Р Партии". Заметим, что в комнате Трифонова обнаружены два корректурных листа прокламации „Новое наступление капитала", исправленная рукопись-оригинал той же прокламации и один экземпляр той же газеты „Рабочее Знамя" (№ 1).

[3] На дополнительном допросе 27 мая Маяковский отрицал приведенное ниже показание надзирателя, утверждая, что, в действительности он после настойчивых вопросов сказал надзирателю: „Все, что я знал, я показал вам, больше же я ничего не знаю". „С Трифоновым,—сказал Маяковский, я не шептался, а просто по вводе в камеру спросил у него „за что он попал в полицию".

Вопросы:	Ответы:
1. Имя, отчество и фамилия.	Владимир Владимирович Маяковский.
2. Возраст.	14.
3. Место рождения.	Селение Багдади Кутаисской губернии.
4. Место крещения. Имя, отчество и фамилия родителей и восприемников.	В с. Багдади. Владимир Константинович Маяковский (умер), Александра Алексеевна.
5. Место приписки.	К дворянам какой губернии не помню.
6. Постоянное местожительство.	Москва. 4-я Тверская Ямская, д. Безобразова кв. № 52.
7. Рождение.	Брачное.
8. Звание.	Дворянин.
9. Народность и племя.	Русский.
10. Религия.	Православная.
11. Степень образования и грамотность.	Вышел из 5-го класса Московской 5-ой классической гимназии по болезни.
12. Семейное положение.	Холостой; мать и две сестры Ольга и Людмила живут по вышеуказанному адресу.
13. Занятие или ремесло.	Учился, а в наст. время по болезни отдыхаю.
14. Степень имущественного обеспечения.	Ничего не имею, жил на средства матери, получающей пенсию.
15. Прежняя судимость.	Никогда не судился и к дознаниям не привлекался.

По существу пред'явленного обвинения обвиняемый об'яснил.

Обвинение мне пред'явлено.

Я не признаю себя виновным в участии в Московской организации российской социал-демократической рабочей партии поставившей своей целью насильственное путем вооруженного восстания[1]) существующего государственного и общественного строя, так как никакого отношения к каким бы то ни было революционным организациям, а в частности и к означенной организации я не имел и не имею. По поводу отобранных при моем задержании газет и прокламаций об'яснение следующее: в мае месяце прошлого года, во время прогулки с товарищами с кем именно не помню я познакомился, при каких обстоятельствах я сейчас не помню, с молодым человеком, которого я знаю только по имени Александр Своей

[1]) Нехватает повидимому, слова „свержение". Протокол писан собственноручно Маяковским и мы сохраняем знаки препинания по подлиннику. Г. Л.

фамилии он мне не называл и я этим не интересовался. После первого своего знакомства с этим Александром встречался 7 8 раз в театре, на улице, в пивной ни в какой квартире я с ним не встречался в конце марта приблизительно 20-го числа я встретился с ним у памятника Пушкина и пошел с ним вместе по направлению к Трубной площади. По дороге я остановился у ветрины[1]) книжного магазина: здесь он мне сказал, что торопиться куда то и передал мне два свертка обернутые в газетную бумагу и связанные вместе веревкой, попросив меня отнести эти свертки по следующему адресу Ново-Чухнинский переулок, дом Коноплина кв. № 7 и передать их там от имени Александра, Льву Николаевичу Жигитову. По указанному адресу я приносил эти свертки днем в четверг 27 числа и не застав Жигитова дома принес эти свертки в субботу 29 марта и здесь был арестован. Кто такой Лев Яковлевич Жигитов я совершенно не знаю и никогда до этого случая о нем не слыхал. Об Александре передавшем мне эти свертки могу указать только его приметы: он был высокого роста, с небольшою черною бородою, носил папаху, которую в последнее время сменил на шляпу, носил также черное пальто и серый полосатый костюм. Как-то он мне говорил, что он бывший студент и дает уроки; других сведений о нем не имею.

Жил ли Жигитов один или с кем нибудь я совершенно не знаю.

Владимир Владимирович Маяковский

Исп. об. Судебного Следователя (подпись).

Следователь 8-го же апреля сделал следующее постановление:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ[2]

1908 года апреля 8 дня Судебный Следователь Московского Окружного Суда по особо важным делам Вольтановский, допросив дворянина Владимира Владимирова Маяковского в качестве обвиняемого в участии в Московской организации „российской социал-демократической рабочей партии" (1 ч. 102 ст. Угол. Улож.) и приняв во внимание состояние здоровья обвиняемого, а также, что ему в настоящее время 14 лет и что показание его заслуживает доверия, признал возможным ограничиться в отношении его одной из менее строгих мер пресечения способов уклоняться от следствия и суда, а потому на основании 2 п. 416 и 421 ст. Уст. Угол. Суд. п о с т а н о в и л: означенного Маяковского отдать под особый надзор полиции по месту его жительства.

Судебный следователь *Вольтановский*

9 апреля сестра В. В. Маяковского, Людмила Владимировна Маяковская приняла своего брата на жительство в д. по 3 и 4 Тверской-Ямской № 28, кв. 52 (в этой квартире жила мать Маяковского вместе с детьми), причем В. Маяковский дал подписку, что без ведома полиции никуда отлучаться не будет.

Сам Маяковский, спустя чуть ли не 15 лет, писал об этом периоде:

---

[1]) Так написано в подлиннике. Знаки препинания тоже сохранены. Г. Л.

[2]) Такое же приблизительно постановление сделано о др. несовершеннолетнем обвиняемом С. Иванове 5 июня 1908 г

Партия

1908 год. Вступил в партию Р С-Д Р П (большевиков). Держал экзамен в торгово-промышленном районе. Выдержал. Пропагандист. Пошел к булочникам, потом к сапожникам и наконец типографщикам. На общегородской конференции выбрали в М К. Были Ломов, Поволжец, Смидович и др. Звался „тов. Константином".

Арест

Нарвался на засаду в Грузинах. Наша нелегальная типография. Ее блок-нот. С адресами и в переплете. Пресненская часть. Охранка. Сущевская часть. Следователь Вольтановский (очевидно, считал себя хитрым) заставил писать под диктовку: меня обвиняли в писании прокламации. Я безнадежно перевирал диктант. Писал „социяльдимокритическая". Провел. Выпустили на поруки. В части с недоумением прочел „Санина". Он почему-то в каждой части имелся. Очевидно, душеспасителен.

Вышел. С год-партийная работа.

(„Я сам").

18 апреля 1908 г. все дело о тайной типографии было почему-то передано для дальнейшего производства другому следователю Т. Д. Рудневу.

В отношении В. В. Маяковского производство было направлено, главным образом, на выяснение его положения и, в особенности, его возраста, который мог иметь (и, как увидим, имел) большое значение для приговора, тем более, что в отношении возраста Маяковского существовали расхождения.

Мы видели выше, что в участке на дознании Маяковский будто бы показал, что ему 17 лет, у следователя же он определил свой возраст в 14 лет.[1]).

В официальной выписке из копии формулярного списка отца Маяковского, представленной матерью последнего следователю, В. В. Маяковский значится родившимся 7 июля 1894 г.

Запрошенный о Маяковском директор 5-й Московской гимназии ответил, что Маяковский учился в этой гимназии

---

[1] Организации невольно приходилось пользоваться для ответственных поручений такими несовершеннолетними. Найденное при обыске в тайной типографии начало письма „к членам партии" (по заключению экспертизы, писанное рукой Трифонова) так, между прочим, рисует положение организации: „Товарищи, положение организации становится с каждым днем все хуже и хуже. Интеллигентные работники из партии уходят, мы остаемся одни, без организационного опыта; кроме этого в недалеком будущем наступают каникулы, и та незначительная группа, которая еще продолжает работать, скоро уйдет". Рукой же Трифонова написано найденное при том же обыске воззвание к товарищам по поводу измены радикалов и либералов, в котором, между прочим, имеется фраза: „бывшие товарищи усиленно покидают в столь трудные времена".

с августа 1906 года и уволен из нее, по постановлению педагогического совета, с 1-го марта 1908 года «за невзнос платы за 1-ю половину 1908 года» [1]). Независимо от сего матерью ученика подано было прошение о выдаче документов и свидетельства об его успехах, так как он «по болезни не может продолжать учиться в гимназии». «По выписке из его метрики, — пишет в заключение директор, — он родился 7-го июля 1893 года».

«Шалости» ли это машинистки или что-нибудь другое, но следователь был, повидимому, сбит с толку, пока, наконец, грузино-имеретинская синодская контора не уведомила, что по метрической книге В. В. Маяковский числится родившимся 7-го июля *1893 года*.

Так было установлено, что в момент совершения «преступления» Маяковскому было полных 14 лет [2]).

Оставалось выяснить, «нормально ли идет рост физических и умственных сил» Маяковского, можно ли утверждать, что он отвечает уже за свои действия. 27 мая 1908 г. следо-

---

[1] О материальном положении семьи Маяковского в эти годы, после смерти отца, мы находим следующие штрихи в произведении Маяковского „Я сам“:

Московское.

С обедами плохо. Пенсия — 10 р. в месяц. Я и две сестры учимся. Маме пришлось давать комнаты и обеды. Комнаты дрянные. Студенты жили бедные. Социалисты. Помню — первый передо мной „большевик“ Вася Канделаки.

Работа.

Денег в семье нет. Пришлось выжигать и рисовать. Особенно запомнились пасхальные яйца. Круглые, вертятся и скрипят, как двери. Яйца продавал в кустарный магазин на Неглинной. Штука 10—15 к. С тех пор бесконечно ненавижу Бемов, русский стиль и кустарщину“.

Тут же находим несколько слов о пятой гимназии:

„Перевелся в 4 класс пятой гимназии. Единицы, слабо разноображиваемые двойками. Под партой „Антидюринг“.

[2] „В Малой Советской Энциклопедии“ В. В. значится родившимся в 1894 г. Сам Маяковский пишет: „Родился 7-го июля 1894 г. (или 93 мнения мамы и послужного списка отца расходятся. Во всяком случае не раньше)“ (Я сам). А в „Облаке в штанах“ он пишет о себе:

„Мир огромив мощью голоса,
иду—красивый
***двадцатидвухлетний*“.**

(Курсив наш: „Облако в штанах“ относится к 1914 году).

Е. Усевич же, в предисловии к „Избранным произведениям“ Маяковского, пишет: Маяковский с четырнадцати лет начал принимать участие в революционном движении и шестнадцатилетним мальчиком попал в царскую тюрьму, где просидел около года“. Как видно из нашего сообщения, это место нуждается в уточнении: в первый раз он был арестован, когда ему было 14 лет, в 1908; во второй и в третий раз—в 1909 г. Первый и второй раз он сидел сравнительно недолго; дольше продолжалось его заключение в третий раз.

ватель освидетельствовал его через врача Городской части г. Москвы Степана Степановича Хорошевского, который в отношении Маяковского установил следующее:

„Владимир Владимиров Маяковский крепкого сложения и питания, старше на вид своего возраста, ни на что особенное не жалуется, об'яснив, что год тому назад был болен каким то легочным заболеванием. При об'ективчом исследовании легкие оказались нормальными; сердце несколько увеличено в поперечном размере, что можно об'яснить усиленным ростом Маяковского. Пульс 108 ударов в минуту, правильного и хорошего наполнения. Зрачки нормальны, коленные рефлексы ослабленны, в особенности в правом колене. Координация движения при закрытых глазах незначительно расстроена, что можно об'яснить нервозностью. Половые органы развиты вполне, как у 17-ти летнего юноши. В психическом отношении Маяковский представляется вполне нормальным".

Наконец, 11 октября 1908 г. московский окружной суд, на основании произведенного им освидетельствования Маяковского, признал его «действовавшим при совершении преступления с разумением» и он на этом основании, в числе других, был предан суду Московской Судебной Палаты с участием сословных представителей. (Обвинительный акт составлен 23 декабря 1908 года).

А затем началось любопытное недоразумение. 20 января 1909 г. пристав 1-го участка Сущевской части сообщает судебному следователю, что «состоящий под надзором полиции Владимир Маяковский из-под такового скрылся и о розыске его распоряжение последовало». Следов Маяковского ищут безрезультатно в Самаре, а 10 февраля сестра его пишет судебной палате следующее заявление:

„В 3-й Уголовный Департамент
Московской Судебной Палаты.
Людмилы Владимировны Маяковской

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В виду того, что моего брата Владимира Владимировича Маяковского считают скрывающимся в городе Самаре, я—его сестра, заявляю, что он все время жил с семьей в гор. Москве, а летом в Соломен Сторожке Петровско-Раз участка В данное время он находится в Сущевской части под стражей.

Л. Маяковская

10-го февраля
Москва. Долгоруковская ул.
д. № 47, кв. 38.

На заявлении имеется надпись:

СПРАВКА

Определением Палаты от 19 февраля 1909 года постановлено: затребовать сведения от Смотрителя Сущевского Дома, по какому распоряжению Владимир Маяковский содержится под стражей.

Секретарь (подпись).

Ключ к этой истории со вторым арестом Маяковского дает нам следующее сообщение московского охранного отделения директору департамента полиции от 5 апреля 1909 г. за № 3842:

При разработке группы грабителей, ликвидированной в связи с делом в дачной местности Лосиный-Остров в декабре минувшего года наблюдался также имеющий тесную связь с группой неизвестный, кличка наблюдения „Шар", оказавшийся Николаем Исаевым, который исключительно по агентурным соображениям оставлен на свободе.

Наблюдением за „Шаром" установлена связь его с целым рядом лиц, составивших, как установлено агентурой, отдельные грабительские шайки, с целью производства экспроприации. В январе текущего года часть этих лиц была ликвидирована, причем обыску и задержанию подверглись: дворянин Владимир Владимирович Маяковский, крестьянин Рязанской губернии Сапожковского уезда Василий Прокофьев Долгов, крестьянин Рязанской губернии Егорьевского уезда Иван Иванов Баранов, цеховые города Москвы: Григорий и Александр Алексеевы Петровы и именующий себя крестьянином Сувалкской губернии, Владиславовского уезда Иваном Матеушевым Герулайтис.

В виду безрезультатности обысков и отсутствия достаточных улик все упомянутые лица, по выяснению их легальности, были из под стражи освобождены, кроме именующего себя крестьянином Герулайтис, который оказался нелегальным и назвать себя отказался".

Надо прибавить, что хотя обыски, по признанию охранки, были безрезультатны, а достаточные улики отсутствовали, арестованных, в том числе и Маяковского, пытались держать в заключении подольше, что видно из следующей телеграфной переписки:

ПЕТЕРБУРГ

Директору департамента полиции.

Прошу ходатайства продлении срока ареста Владимиру Маяковскому, Ивану Герулайтис, Григорию Петрову, Василию Долгову, Александру Петрову арестованным 18 января партии грабителей № 134 Генерал-Майор: *Адрианов*. 13 февраля 1909 г."

„Москва Градоначальнику.

Принято 13/II—1909 г.

138 продление срока ареста министром разрешено 378 за директора *Виссарионов*."

Вернемся однако к делу о тайной типографии.

9 сентября 1909 г. Московская судебная палата слушала дело Трифонова, Маяковского и Иванова. Председательствовал председатель департамента А. М. Ранг. Кроме 3-х членов палаты, участвовали еще сословные представители: серпуховский уездный предводитель дворянства П. А. Янов, член моск. управы Л. Г. Урусов и старшина Мытищенской волости С. Д. Мурыгин. Защитниками подсудимых были М. Б. Ганнушкин, И. Б. Левинсон и П. П. Лидов; последний защищал В. В. Маяковского. Подсудимые, в том числе Мая-

ковский, виновными себя не признали. Тов. прокурора палаты А. М. Лопатин поддерживал обвинение против всех подсудимых по 1 ч. 102 ст. Угол. Уложения.

В отношении Маяковского суд следующим образом формулировал вопросы и ответы на них:

Вопросы:	Ответы:
IV. Виновен ли подсудимый дворянин Владимир Владимиров Маяковский, 14 лет, в том, что проживая в марте месяце 1908 г. в г. Москве, принимал участие в преступном сообществе Московской организации российской социал-демократической партии, заведомо для него, подсудимого, поставившей ближайшею целью своей деятельности насильственное посягательство на изменение в России установленного основными законами образа правления путем организации вооруженного восстания, созыва учредительного собрания и учреждения демократической республики, причем для осуществления задач этого сообщества и в качестве члена его поддерживал деятельные сношения с другими членами того же сообщества, посещал тайную типографию сообщества, исполнял партийные поручения другого члена сообщества, причем будучи задержан во время прихода в означенную типографию 29 марта 1908 года, имел у себя с целью распространения партийные издания, а именно 76 экземпляров № 1 от марта 1908 года газеты „Рабочее знамя", издания Московского Комитета российской социал-демократической рабочей партии, 70 экземпляров упомянутой выше отпечатанной в той же типографии прокламации „Новое наступление капитала" и 4 экземпляра № 1 от февраля 1908 года „Солдатской газеты", органа Московской военной организации при Московском Комитете Российской социал-демократической рабочей партии, отпечатанной в типографии того же комитета, зная, что по содержанию своему эти издания, являются возбуждающим и к учинению бунтовщическо-	Да, виновен, но участия в преступном сообществе не принимал, сношения с членами сообщества не поддерживал и поручений членов сообщества не исполнял. (по большинству голосов).

го деяния, к ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя, к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы и заключающими в себе выражения дерзостного неуважения верховной власти.

V. Если подсудимый Владимир Владимиров Маяковский виновен в преступлении, описанном в четвертом вопросе, то совершил ли он таковое с разумением, т. е. мог ли он понимать свойство и значение им совершаемого или руководить своими поступками?

Совершил без разумения (по большинству голосов).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ

На основании этих ответов суд постановил В. В. Маяковского «отдать под ответственный надзор родителям»[1].

Однако, мытарства Маяковского на этом не кончились, о чем свидетельствует следующее сообщение:

М. Ю.
Прокурор Московской Судебной Палаты.
Ноября 20 дня 1909 г.
№ 4915.

СПРАВКА:[2]

Определением Судебной Палаты от 26-го ноября 1909 года постановлено: принять к сведению.

Секретарь (подпись).

В Московскую Судебную Палату (по уголовному департаменту).

Вследствие отношения от 28 октября сего года за № 23352, имею честь уведомить Судебную Палату, что приговор Палаты от 9 сентября 1909 года, коим Владимир Владимиров Маяковский присужден к отдаче под ответственный надзор родителей, не может быть приведен в исполнение в виду того, что названный Маяковский, по сообщению начальника Московской Пересыльной тюрьмы, содержится под стражею по постановлению Московского Охранного Отделения от 26 июля 1909 года, в порядке примечания к ст. 33 Положения о государственной охране и подлежит высылке под гласный надзор полиции в Нарымский Край на три года.

И. д. Прокурора Судебной Палаты (подпись).
Помощник Секретаря (подпись).

Только в 1910 г. дело приняло другой оборот, о чем свидетельствуют следующие 2 «Представления»:

Господину прокурору московской судебной палаты
прокурора московского окружного Суда.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

В дополнение к представлению, от 15-го ноября минувшего года, за № 1581—09, доношу вашему превосходительству, что по сообщению

[1] Такой же приговор вынесен и С. Иванову; Трифонов же приговорен к шести годам каторги.

[2] Справка сделана секретарем на сообщении прокурора.

начальника московской центральной пересыльной тюрьмы, Владимир Маяковский вследствие отношения охранного отделения от 8-го сего января, за № 247171, освобожден из под стражи, в виду чего мною 18-го сего января предложено приставу 3 уч. Сущевской части привести в исполнение над помянутым Маяковским приговор московской судебной палаты от 9-го сентября 1909 г.

За прокурора окружного суда (подпись).

Секретарь *Попов*.

Января 20 дня 1910 г. № п. 1581—09.

Господину прокурору московской судебной палаты
прокурора московского окружного суда.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

Вследствие предписания, от 29-го октября минувшего года, № 4602 доношу вашему превосходительству, что приговор московской судебной палаты, от 9-го сентября 1909 года над Владимиром Владимировым Маяковским в исполнение приведен. Маяковский отдан под ответственный надзор матери его Александры Алексеевой Маяковской.

За прокурора окружного суда (подпись).

Секретарь *Попов*.

Февраля 9 дня 1910 года № п. 1581—09.

Предполагавшаяся ссылка Маяковского стояла в связи с его новым, третьим арестом, вследствие побега тринадцати «каторжных женщин» из Московской женской тюрьмы в ночь с 30 июня на 1 июля 1909 года. Обстоятельства, приведшие к аресту Маяковского, следующие:

29 мая 1909 года Моск. охранным отделением были получены негласные сведения, что кому-то из подсудимых по разбиравшемуся в то время в московской судебной палате делу о железнодорожной организации партии социалистов-революционеров (дело Буханова, Веденяпина и др.) подготовляется побег из здания судебных установлений. В виду сего отделением о готовящемся побеге было по телефону сообщено помощнику начальника конвойной команды, а в здание судебных установлений командирован отряд наблюдательных агентов. Означенным наблюдением было обращено внимание на трех лиц, двух мужчин и женщину, которые слонялись по зданию без определенной, повидимому, цели и изредка обменивались едва заметными знаками, делая в то же время вид, что они друг с другом не знакомы. Двое мужчин по установке оказались сыном ученого мастера Сергеем Николаевым Усовым [1]) и вольнослушателем сельскохозяйственного института, дворянином Львом Николаевым Яковлевым. Женщину же установить не

[1] Усов впоследствии оказался провокатором и расстрелян советской властью. *Г. Л.*

удалось. Для выяснения круга сношений и деятельности названных лиц за ними было учреждено наблюдение, причем Усов получил кличку «Валовый», а Яковлев — «Босяк».

Ровно через месяц, 29 июня, наблюдение установило какие-то подозрительные передвижения «Валового» и «Босяка» и вместе с тем включило в сеть об'ектов своего выслеживания трех новых неизвестных: наблюдение установило сношения этих лиц с «Валовым». Оно дало им клички: «Длинный», «Короткий» и «Образцовый». Последним оказался впоследствии «дворянин Сергей Семенов Коридзе» (на самом деле Исидор Иванович Морчадзе).

Вечером[1] 30 июня охранное отделение получило «негласные указания», что группа «Валового» и «Босяка» готовит кому-то побег.

Сопоставляя эти указания с результатами наружного наблюдения, определившимся к первому часу ночи, охранное отделение сделало вывод, что побег готовится из женской тюрьмы, в виду чего «туда немедленно был направлен сильный отряд филеров и наряд городовых из ближайшего

[1] Так сообщает охранное отделение прокурору московской судебной палаты 8-го июля; 1-го же июля оно сообщило директору департамента полиции, что агентурные сведения о готовящемся побеге были получены „днем".

Позднейшая замена дня вечером понадобилась, повидимому, для сокрытия своей неповоротливости. Правда, агентура будто направила сначала внимание начальника охранного отделения на центральную пересыльную тюрьму, как место предположенного побега. („Валовой"—Усов был, действительно, связан с этой тюрьмой. Оставленной в его квартире засадой задержан явившийся туда надзиратель пересыльной тюрьмы Василий Андреев Андреев, у которого отобраны записная книжка с адресом Усова и 8 записок от арестованных в пересыльной тюрьме на волю и в женскую тюрьму, в том числе две записки на имя бежавшей Прасковьи Ивановой). Однако, уже часов в 7 вечера наблюдение установило связь „Валового" с надзирателем женской тюрьмы Федоровым, а „меры приняты" только в час ночи. Просто ли „прохлопали" или это была провокация „с намерением"?

Интересно привести следующую оценку деятельности охранного отделения:

Зато власти проявили впоследствии усердие не по разуму: в Рязани так переусердствовали обысками, связанными с розыском бежавшей Наталии Климовой, что об этом заговорила печать, и даже центральное районное охранное отделение в Москве сочло необходимым запросить рязанское жандарм. управление, по чьему распоряжению это делается. (Получился конфуз: „по распоряжению чинов москв. охр. отделения" получился ответ). Но совсем анекдотом звучит след. переписка следователя о той же Климовой:

„На прилагаемой открытке со снимком картины „Ройэ" изображена женщина в белом платье с распущенными волосами, по об'яснению начальницы тюрьмы, очень похожая на Климову, в то время как имеющаяся карточка Климовой в охранном отделении мало схожа с оригиналом".

участка». Как известно и как это ни странно, все эти меры оказались ни к чему: из тюрьмы беспрепятственно убежало в ту же ночь 13 каторжанок и надзирательница Тарасова.

Пришлось выместить гнев за свою собственную нераспорядительность на пособниках: 1-го и 2-го июля произведена их «ликвидация»; обыскано 86 человек, причем были, в частности, арестованы «Босяк», «Валовой» и «Образцовый».

За испол. обяз. Вице-Директора
Департамента полиции.
По 2 отделению.

Лично.
Секретно.
Его высокоблагородию М. Ф.
фон — КОТЕНУ.

Милостивый государь,

Михаил Фридрихович.

По рассмотрении представления Вашего от 19 сего сентября за № 176, господин товарищ Министра Внутренних Дел в должности Шталмейстера генерал-майор Курлов изволил признать, что если бы изложенные в том представлении агентурные сведения поступили к Вам и были разработаны более своевременно, то несомненно, побег каторжанок из Московской женской тюрьмы был бы предупрежден.

Сообщая о сем, прошу принять уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности.

М. Брюцкий

№ 136681. „30" сентября 1909 г.

У последнего (Морчадзе — Коридзе) на квартире был задержан оставленной там засадою В. В. Маяковский, по обыску у которых как лично, так и на квартире «ничего предосудительного не обнаружено», но во время производства обыска в квартире Маяковского, туда явился и был арестован «Босяк», у которого, правда, также «ничего преступного не обнаружено».

Все это дало властям основание считать Маяковского причастным к побегу, и он был арестован в числе других девяти лиц «в порядке Положения об охране». (Кроме Усова, Коридзе и Яковлева, арестованы еще Калашников, Львова[1], два надзирателя — Андреев и Федоров, и надзирательница Федотова). В «Описи» арестованных значится: «5. Воспитан. Строгановск. училища Владимир Владимиров Маяковский, содержащийся в Басман. Пол. доме». (Главные обвиняемые направлены в Моск губ. тюрьму)[2].

[1] Нелегальная, в действительности—Р. С. Ландберг

[2] Впоследствии и Маяковский переведен в ту же тюрьму; с 11 сентября он зачислен «дальнейшим содержанием под стражей за суд. следователем моск. окружного суда по особо важным делам Рудневым"

1 июля Маяковский был арестован. 25 июля мы опять встречаемся со знакомым уже нам трафаретом: генерал-майор Адрианов испрашивает телеграммой в департамент полиции разрешение продлить срок ареста шести обвиняемым, в том числе — Маяковскому, и в тот же день следует ответ: «Продление срока министром разрешено».

В сентябре московские власти пытаются уже установить роль отдельных лиц, в частности, Маяковского, в организации побега. В «деле» находится черновик, который делит обвиняемых на: 1) подготовивших побег и принимавших непосредственное участие в его устройстве и 2) на лиц, знавших о готовящемся побеге, помогавших ему деньгами и т. д. К числу последних в этом документе относят Маяковского, который «по сведениям тоже принимал деятельное участие в развозе бежавших».

В официальном же документе, посланным 29 сентября 1909 г. министру внутренних дел за подписью моск. градоначальника, обвиняемые разделены на следующие 2 группы: «1) лица, принимавшие то или иное участие в организации побега и 2) лица, взявшие на себя дальнейшие заботы об укрытии в безопасные места бежавших каторжанок и скрывшейся с ними надзирательницы Тарасовой». К первой группе документ относит и Маяковского, который «знал заранее о готовившемся побеге и обещал свою помощь по дальнейшему устройству беглянок, но на другой же день после побега был арестован».

В этом же документе сделано представление о высылке Маяковского в административном порядке в числе других десяти лиц, заподозренных в организации побега и способствования его успеху [1].

---

[1] Как всегда, делили арестованных на овец и козлищ. В отношении Коридзе, Василия Калашникова, Усова и Федорова градоначальник писал еще 27 июля министру внутренних дел:

„Принимая во внимание, что настоящий побег совершенный в местности, находящейся в состоянии усиленной охраны, по дерзости исполнения, участию лиц, принадлежащих к составу тюремного надзора, и особенно по личностям бежавшим (террористки) обращает на себя особое внимание, как имеющий исключительное политическое значение, ходатайствую пред Вашим высокопроисходительством о передачи этого дела, согласно п. 1 ст. 17, Положения об усиленной охране, на рассмотрение военно-окружного суда для суждения виновных по законам военного времени".

Генерал-майор

7-го августа городоначальнику послан телеграфный ответ: „Распоряжение передаче военному суду состоялось". 10-го ноября дело, действительно, передано московскому военно-окружному суду. Дело несколько раз откладывалось и, наконец, только 31-го марта 1910 года суд вынес резолюцию, по которой Василий Калашников приговорен к ссылке на поселение, Коридзе и Усов - к заключению в крепости, первый—на 1 год.

Особое совещание при министре внутренних дел, рассмотрев представление градоначальника, назначило пяти из заподозренных в способствовании побегу ссылку в Якутскую область, Нарымский край и Архангельскую губернию и высылку за границу; в отношении трех лиц оно прекратило дело, а о Маяковском и еще одном затребовало дополнительные сведения.

Дополнительные сведения, повидимому, не удовлетворили департамента полиции, и Маяковского, как мы видели выше, пришлось освободить.

Сам Маяковский, в своей упомянутой выше автобиографии, пишет об этом периоде следующее:

ВТОРОЙ АРЕСТ.

Живущие у нас ведут подкоп под Таганку Освобождать женщин-каторжан. Удалось устроить побег из Новинской тюрьмы. Меня забрали. Дома нашли револьвер и нелегальщину Сидеть не хотел. Скандалил. Переводили из части в часть—Басманная, Мещанская, Мясницкая и т. д.—и наконец—Бутырки. Одиночка № 103.

11 БУТЫРСКИХ МЕСЯЦЕВ.

Важнейшее для меня время. После трех лет теории и практики—бросился на беллетристику.

Перечел все новейшее. Символисты—Белый, Бальмонт. Разобрала формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Попробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось т а к же п р о д р у г о е—нельзя. Вышло ходульно и ревплаксиво. Что-то вроде,

В золото, в пурпур леса одевались,
Солнце играло на главах церквей.
Ждал я: но в месяцах дни потерялись,
Сотни томительных дней.

Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям—при выходе отобрали. А то-б еще напечатал!

Отчитав современность, обрушился на классиков. Байрон, Шекспир, Толстой. Последняя книга—„Анна Каренина". Не дочитал. Ночью вызвали „с вещами по городу". Так и не зн ю, чем у них там, у Карениных, история кончилась.

6 месяцев, а второй на 1 год. Федоров оправдан. Это не помешало охранному отделению задержать последнего в тюрьме с тем, чтобы возбудить ходотайство о высылке его в одну из северных губерний. Только 7-го апреля Федоров освобожден по распоряжению градоначальника.

Меня выпустили. Должен был (охранка постановила) итти на 3 года в Туруханск. Друг отца Махмудбеков заявил, что револьвер его и отхлопал меня у Курлова.

Во время сидки судили по первому делу—виновен, но летами не вышел. Отдать под надзор полиции и под родительскую ответственность.

В приведенной цитате имеются неточности: раньше всего это был, как мы видели выше, не второй, а третий арест; второй арест произошел в январе 1909 года, а третий - в начале июля того же года. Сидение Маяковского в Бутырской тюрьме продолжалось менее 11 месяцев. По официальным сообщениям, при обыске у Маяковского ничего «предосудительного», кроме револьвера, не было найдено. Эти неточности надо, повидимому, отнести за счет того, что автобиография написана через много лет после этих событий [1].

Дополним, наконец, историю с третьим арестом, по сообщениям, отчасти напечатанным в «Каторге и Ссылке» (в статье Н. Н. Морчадзе, в 1929 г., № 7) и отчасти дополненным устно тем же Н. Н. Морчадзе в беседе с пишущим эти строки.

Морчадзе-Коридзе был одним из главных организоторов побега. Принадлежа сам к партии с.-р., к ее оппозиции, он решил, однако, организовать этот побег исключительно частным образом, не соприкасаясь ни в каком случае с партийными организациями, так как в то время последние сплошь и рядом проваливались благодаря провокации. Было решено, что, если нужны будут люди, то будут привлекать сочувствующих беспартийных товарищей. В качестве таковых организаторы побега использовали семью Владимира Маяковского, его мать и сестру, которые спешно шили платья для побега и днем, и ночью; эти платья переправлялись затем в тюрьму для каторжанок. Таким образом сам Маяковский непосредственного участия в организации побега не принимал, но знал о приготовлениях к нему. 1-го июля он направился на квартиру Морчадзе, желая, повидимому, узнать, не нужна ли какая-нибудь помощь по устройству беглянок. По словам Морчадзе, у Маяковского не было основания серьезно опасаться засады на его квартире, так

[1] Сам Маяковский в той же автобиографии пишет о своей памяти следующее: „Бурлюк говорил:—у Маяковского память, что дорога в Полтаве,—каждый галошу оставит. Но лица и даты не запоминаю. Помню только, что в 1100 году куда-то переселялись какие-то „доряне". Подробностей этого дела не помню, но должно быть дело серьезное. Запоминать же „сие написано 2 мая. Павловск. Фонтаны"—дело вовсе мелкое. Поэтому свободно плаваю по своей хронологии".

как Морчадзе поселился в этой квартире только за несколько дней до побега именно с целью замести следы и не был даже, кажется, прописан в этой квартире: тем не менее Маяковский принял меры предосторожности: он захватил с собою инструменты для рисования, чтобы таким образом на всякий случай оправдать свой приход в эту квартиру. Шпионы, однако, выследили Морчадзе, явились на эту квартиру с обыском, и здесь в засаду попал и Маяковский. Морчадзе, между прочим, рассказывает:

«Во время составления протокола, когда Владимиру Маяковскому пристав задал вопрос, кто он такой и почему пришел сюда, Маяковский ответил ему каламбуром:

— Я, Владимир Маяковский, пришел сюда по рисовальной части, отчего я, пристав Мещанской части, нахожу, что Владимир Маяковский виноват отчасти, а посему надо разорвать его на части.

Общий хохот...»[1].

С освобождением Маяковского из Бутырской тюрьмы кончаются вообще его тюремные мытарства и вместе с тем его партийная работа. Сам Маяковский рассказывает об этом переломе следующее:

„Вышел взбудораженный. Те кого я прочел,—т. н. великие. Но до чего же нетрудно писать лучше их. У меня уже и сейчас правильнее отношение к миру. Только нужен опыт в искусстве. Где взять? Я неуч. Я должен пройти серьезную школу. А я вышиблен даже из гимназии, даже и из Строгановского. Если остаться работать в партии—надо стать нелегальным. Нелегальным не научишься. Перспектива всю жизнь писать летучки, выкладывать мысли взятые из правильных, но не мной придуманных книг. Если из меня вытряхнуть прочитанное, что останется? Марксистский метод. Но не в детские ли руки попало это оружие? Легко орудовать им, если имеешь дело только с мыслью своих. А что при встрече с врагами? Ведь вот лучше Белого я все-таки не могу написать. Он про свое весело—„в небеса запустил ананасом", а я про свое пою „сотни томительных дней". Хорошо другим партийцам. У них еще и университет. (А высшую школу—я еще не знал, что это такое—я тогда уважал.).

---

[1] Тот же тов. Морчадзе сообщил нам некоторые подробности о втором аресте Маяковского по делу о „грабительских шайках" Речь идет о ликвидации группы с.-р. из оппозиции. Один из них, Сцепуро, был тем Герулайтисом, фамилия которого упоминалась нами выше в связи со вторым арестом Маяковского. Сцепуро, как и Морчадзе, жили в свое время в квартире Маяковских. К ним именно относится приведенная выше фраза Маяковского: „Живущие у нас ведут подкоп под Таганку". Так как квартира Маяковских находилась далеко от места подкопа, то Морчадзе и Сцепуро переселились на другую квартиру, но продолжали поддерживать сношения с семьей Маяковских В один из приходов Сцепуро в их квартиру он был задержан, а вместе с ним арестован и Маяковский, хотя последний, по сообщению тов. Морчадзе, не имел отношения к группе Сцепуро.

Что я могу противопоставить навалившейся на меня эстетике старья? Разве революция не потребует от меня серьевной школы? Я зашел к тогда еще товарищу по партии—Медведеву: хочу делать социалистическое искусство. Сережа долго смеялся: кишка тонка.

Думаю все-таки, что он недооценил мои кишки.
Я прервал партийную работу. Я сел учиться.

Маяковский отошел от партинной работы, он учился, рисовал, писал [1]). В начале 1914 года Маяковскии ставит вопрос, как он пишет в своеи автобиографии, о революционной теме: «Думаю над «Облаком в штанах». Наступает война, у Маяковского крепнет сознание близкой революции, зреет его «Облако». Наконец, оно появляется в печати.

«Облако» вышло перистое, — вспоминает спустя много лет Маяковскии. — Цензура в него дула. Страниц 6 сплошных точек.

С тех пор у меня ненависть к точкам. К запятым тоже».

Вот это «Облако» и послужило поводом к новой, — правда, между прочим, — переписке охранки о Маяковском. Точнее, поводом послужило не само «Облако», а письмо Иванова-Разумника, в котором имелась следующая фраза о Маяковском и о его произведении: «Я считаю несомненно талантливым хулигана Маяковского и его «Облако в штанах», по-моему, сильная вещь, особенно после холодной эротики последних лет Брюсова и старческого слюнотечения Сологуба о том, как он раздевал учительницу Алкину» [2]).

---

[1] Маяковский начал писать еще в 1909 году. Уже в самых его ранних произведениях мы слышим смертельную ненависть к „мещанству", которое всех и все завоевало. В относящемся к 1909 году стихотворении „Из улицы в улицу" поэт восклицает:

„Мы завоеваны"!
„Ванны",
„Души",
„Лифты".

[2] Цитируемое письмо представляет большой интерес с точки зрения настроений того времени. Позволяем себе привести его здесь целиком:

„Петроград, 10 марта 1914 года, Москва, Долгоруковская 29, кв. 7>, Илье Николаевичу Игнатову.

Вы знаете, что прекращение „Заветов" было для меня скорее „литературным" кризисом, чем „финансовым", совсем наоборот, прекращение „Сирина", редакторство которого давало мне за последние два года возможность существования. Теперь мне надо „искать работы", и притом не случайной, а постоянной, и конечно, прежде всего, я подумал о „Русских Ведомостях". Конечно, вы правы, трудностей много, даже больше, чем вы перечисляете. Цензурное Кавдинское ущелье—раз, полное расхождение с „Русскими Ведомостями" по ряду основных, специально политических вопросов—два (т. е. значит, опять-таки цензура, на этот раз редакторская). Но все-таки я думаю, что выход есть до-

Упомянутое письмо попало в руки департамента полиции и обратило на себя внимание своей «неблагонадежностью». Департамент переслал это письмо начальнику московского охранного отделения для собирания справок об адресате и о лицах, упоминавшихся в письме. Московская охранка поручила полиции «выяснить негласно и донести подробно выписку по Б. Гнездниковскому, д. 4, кв. 317, на Владимира Маяковского, выяснив его занятия».

14-го апреля 1915 года помощник надзирателя в ответ на упомянутое требование сообщает:

„Маяковский Владимир Владимиров, 20 л., сын потомственного дворянина, холост, по суду и следствию не обвинялся, из Петрограда прибыл 13 марта с. г. и проживает в д. № 317-й кв. художника Машкова, пишет картины и продает, выписан по удостоверению пристава 3 уч. Пресненской части до 15-го августа 1915 года.

Более подробных сведений никаких не имеется".

На основании этого ответа и других собранных справок московская охранка, со своей стороны, посылает в департамент полиции следующий документ:

вольно просто не писать ничего, что может быть зачеркнуто любой из двух цензур. Это сильно сокращает „объем" тем, но все-таки их еще не мало количество. Конечно, я не могу ничего написать в „Р. В." о том, как возмущают меня (отнюдь не неожиданные) познания господ к.-д. по вопросу об „амнистии", или их попытка устроить выгодную аферу на крови несчастного Колюбакина, или статьи кн. Е. Трубецкого о войне и „босфорской радикально-двойной линии" (помните статью Пришвина в „Заветах"), — все это, конечно, не пройдет ни через какую цензуру. С другой стороны, именно в „Р. В." я не могу ничего написать, что я думаю о господах социалистах, продающих социализм за похлебку радикального национализма (Штутгард и Гед, и Гейзе, и Вандервельде, и Плеханов), ибо об этом я могу сказать только тогда, когда кроме отрицательного смогу сказать и положительное: что думаю о социализме и социалистах. Точно также в области литературной и критической я не смогу, конечно, сказать об очень многом, например, хотя бы о вышедшем недавно альманахе „Стрелец", о помеси „символизма" с „футуризмом". Я считаю несомненно талантливым хулигана Маяковского, и его „Облако в штанах", по-моему, сильная вещь, особенно после холодной эротики последних лет Брюсова и старческого слюнотечения Сологуба о том, как он раздевал учительницу Анкину. Кстати, надо иметь в виду одно затруднение. Я так устал от всех „переживаний" этой зимы, от почти всеобщего озверения, от эпидемии национализма, от всех торжествующих Петров Струве, что уеду как можно раньше весной в деревню до сентября. Иначе теперь, четыре месяца я смогу исполнять свои обещания перед „Р. В." лишь в половинном размере. Если бы редакция в виду этого пожелала отложить переговоры со мною, то черкните мне. Я бы тогда стал соображать, что делать. Планы есть всякие, да времена-то теперь такие, что загадывать надолго вперед не приходится. Ибо из двух невозможных половин теперь самое время составить третью „человек предполагает, а свинья съест".

М. В. Д.
Начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве.

23 апреля 1915 года.
№ 291588.
гор. Москва.
по 2 отделению.

Совершенно секретно.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

По 6-му делопроизводству.

Во исполнение предложения от 27 марта сего года за № 167683, доношу Департаменту Полиции, что лицами, упоминаемыми в приложении к означенному номеру, являются известные Департаменту Полиции общественные деятели и литераторы:

„Ильей Николаевичем Игнатовым"—потомственный почетный гражданин Илья Николаевич Игнатов;

„Кн. Е. Трубецким"—профессор императорского Московского Университета, статский советник, князь Евгений Николаевич Трубецкой;

„Брюсом"—Валерий Яковлевич Брюсов, окончивший курс императорского Московского Университета по историческому факультету;

„Петром Струве"—Петр Бернгардович Струве;

„Сологубом"—Федор Сологуб.

Упоминаемым в том же приложении Колюбакин,—ныне умерший, дворянин Алексей Михайлович Колюбакин, а „Маяковский"—сын коллежского асессора Владимир Владимирович Маяковский, художник-футурист, бывший соц.-дем.

«Бывший социал-демократ», — вот и все, что могла сообщить невежественная охранка о Владимире Маяковском, который в это время писал в своем «Облаке»:

„Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный,
скабрезный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.
Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год"

Об авторе подозрительного письма департамент полиции получил следующее сообщение:

Начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде.

5 мая 1915 г.
№ 967.

На № 167682.
по 6 делопроизводству
2-е отделение.

Совершенно секретно.

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

Во исполнение предложения Департамента Полиции от 27 марта за № 167682 и в дополнение к представлению начальника Московского Охранного Отделения от 23 апреля 1915 года за № 291588 доношу, что как выяснено упомянутым в секретном документе, приложенном к означенному выше пред-

ложению, „К. Ивановым" является дворянин Разумник Васильевич ИВАНОВ, 36 лет, по профессии литератор, проживающий с 1909 года в г. Царском Селе в доме № 20, кв. 2, по Колпинской улице, вместе с семьей по паспортной книжке Симферопольского Городского Полицейского Управления от 4 декабря 1912 года за № 196.

Иванов сотрудничал в местном легальном с.-р. журнале „Заветы", издание коего по ходатайству приостановлено 5 сентября 1914 года донесение от 30 августа 1914 года за № 19684) и кроме того около 3 лет состоял заведывающим книгоиздательства „Сирин", принадлежавшего сахарозаводчику ТЕРЕЩЕНКО, помещавшегося в доме № 10, по Пушкинской улице. 28 января сего года издательство это передано книжному складу СТАСЮЛЕВИЧА, помещающемуся в доме № 28, по 5 линии В. О.

Об Иванове имеются в Отделении следующие сведения: состоя студентом Петроградского Университета, он 5 февраля 1902 года принимал участие в неразрешенном сходке, за что подвергся увольнению из Университета и удалению из Петрограда."

Сергей Шкроб

Жертва польского освобождения

(Андрей Потебня)

„Придет время—мы скажем: в летописях пропуска не останется..."

Н. Огарев [1]

15/27 июня 1862 г. в Варшаве случилось небывалое происшествие.

Около 8-ми часов утра, в Саксонском саду, к гулявшему наместнику царства Польского, генерал-ад'юданту, графу Лидерсу, спокойно подошел неизвестный человек и выстрелил ему в голову. Затем, на глазах оторопевшей от неожиданности многочисленной публики и охранявшей сад полиции, неизвестный хладнокровно спрятал револьвер в карман и смешался с толпой.

Немедленно наряженное по поводу этого события следствие не открыло ничего. Неизвестный точно канул в воду...

Комментируя из ряда вон выходящее по своей дерзости покушение на Лидерса, петербургский корреспондент газеты «L'indépendans Belge» сообщал о нем между прочим следующее

«В городе знали о приговоре к смерти двух офицеров и одного унтер-офицера, уличенных в преступной революционной пропаганде в казармах,—самое тяжкое преступление против военной дисциплины. Эти несчастные молодые люди, сбитые с толку чтением революционных сочинений и выданные самими солдатами, были расстреляны в крепости Модлин в присутствии пяти батальонов пехоты. В преступлении 27 июня видели месть со стороны одного из товарищей этих офицеров. Я не верю в основательность этого предположения и точно опровергаю корреспонденцию бреславской газеты, говорящей в своем № 292 [2] об анонимном письме, полученном графом Лидерсом с угрозой смертью в случае, если он утвердит приговор указанным офицерам [3]». «Пружины преступления мне кажется не должно искать в желании отомстить за расстрел офицеров»... [4].

---

[1] «Колокол» 1863 г. № 162 от 1 мая ст. Н. Огарева «Надгробное слово» (по поводу получения известия о смерти А. Потебни).

[2] К сожалению, этой газеты нет в Публичной Биб-ке им. Ленина.

[3] «L'Indépendans Belge» № 187 от 6 июля 1862 г. Nouvelles de Russie. Correspondance particulière de L'Independans Belge. St Petersbourg 17/29, juin.

[4] «L'Indépendans Belge» № 188 от 7 июля 1862 г.

А «Journal des Debats» перепечатал корреспонденцию из Варшавы в «Берлинскую газету» [1], в которой предположение о возможности покушения на наместника со стороны русского офицера также подвергалось сомнению [2].

Безликая молва приписала покушение на Лидерса русскому офицеру, выступившему в качестве мстителя за расстрелянных в Модлине молодых офицеров 4-го стрелкового батальона: поручика Ивана Аригольда и подпоручика Петра Сливицкого 2-го и унтер-офицера того же батальона Франца Ростковского.

Откуда пошел этот слух?..

Хорошо знавший настроения современного ему варшавского общества известный Н. Н. Павлищев записал в своих «Седмицах польского мятежа» [3] следующее:

«В публике польской тотчас разнесся слух, что будто бы убийца не поляк, а русский: хотели видеть в убийстве какие-то признаки мести за расстрелянных в Новогеоргиевске (русское название крепости Модлин) офицеров по конфирмации графа Лидерса, что и было выдано тотчас краковским «Часом» 17/29 числа за несомненный факт»... [4].

Основанием же к возникновению этого слуха послужил сравнительно редкий в то время случай побега офицера из военной службы...

Почти одновременно с покушением на Лидерса, из квартировавшего в Варшаве 15-го пехотного Шлиссельбургского полка бежал до того времени незаметный и ничем никому неизвестный подпоручик Андрей Афанасьевич Потебня.

Несмотря на тяжесть последствий, коими обычно сопровождалось столь тяжкое нарушение обязанностей военной службы, — незначительное само по себе это событие в другое время не произвело бы особенного впечатления. На фоне же двух экстраординарных событий, — покушения на Лидерса и расстрела двух молодых офицеров за то, «что они читали «Великорусс» и «Исторический Сборник», и что-то говорили

---

[1] Этой газеты также не оказалось в Публичной Библиотеке им. Ленина.

[2] «Говорят, генерал Берг получил угрожающие анонимные письма. Уверяют, что они были написаны офицерами и что совершивший покушение был офицер. Предполагают, что действительно генерал получал на этих днях много арестов среди русских офицеров, замешанных в каком-то заговоре. Два офицера должны были быть расстреляны в цитадели, а четыре сосланы в Сибирь. Все возмущены здесь этим покушением...» «Journal des Débats» № от 4 июля 1862 г.

[3] Н. Н. Павлищев тт. IV и V «Седьмицы польского мятежа» 1861 — 1864 гг. СПБ. Изд. 1887 г.

[4] «Седьмицы Польского Мятежа», стр. 101, т. IV.

о священной особе государя»[1], — на фоне этих двух событий побег подпоручика Потебни произвел сильное впечатление на военное начальство. Оно поставило этот побег в связь с покушением на Лидерса тем увереннее, что группа молодых офицеров Шлиссельбургского пехотного полка сразу же после покушения на Лидерса попала в орбиту внимания следственных властей.

В связи с этим интересно привести здесь переписку дежурного генерала штаба I армии, генерал-адъютанта Крыжановского, с военным министром Д. А. Милютиным. Но предварительно следует указать, что имя Потебни как участника в покушении на Лидерса промелькнуло впоследствии в воспоминаниях и записках ряда авторов, не имевших, без сомнения, возможности ознакомиться с указанной перепиской.

Так, С. А. Хрулев[2], командовавший 2-м корпусом, в состав войск коего входили и 15-й пехотный Шлиссельбургский полк Потебни и 4-й стрелковый батальон, в котором служили расстрелянные Арнгольд, Сливицкий и Ростковский, отметим в своих «Записках»[3], следующее:

[1] «Колокол» 1862 г. № 140 от 1 августа. Ст. Искандера «Арнгольд, Сливицкий и Ростковский».

[2] Хрулев Степан Александрович, генерал-лейтенант, род. в 1807 г., умер в 1870 г. Участник обороны Севастополя в 1854-55 гг. Один из лучших генералов Николая I. В 1861 г. был назначен командиром 2 армейского корпуса в г. Варшаве. В 1862 г., в связи с произнесенной перед 4 и 5 стрелковым батальонами речью солдатам, направленной против молодых офицеров, попал в немилость и был при расформировании I армии отчислен в запасные войска. После 1862 г. жил в С.-Петербурге, где хлопотал о возвращении себе расположения императора, а также и о назначении майората в Польше. О нем см. «Русский биографический словарь» т. «Фабер-Цявловский», изд. 1961 г., стр. 438—441 и № 97 «Колокола» от 1 мая 1861 г. Оставил после себя не напечатанные записки в 9 главах, относящиеся ко времени пребывания его в Польше.

[3] Записки С. А. Хрулева «Царство Польское».

Содержание Глава I. Общая характеристика польской нации во время царствования: Екатерины II, Павла, Александра I и Николая.

Глава II Первые 5 лет наместничества кн. Горчакова до 1 IV 1861 г.

Глава III. Мое назначение. Приезд в Варшаву 2 апреля 1861 г.

Глава IV Представление наместнику. Интимный с ним разговор Революционные движения в Польше продолжаются. Смерть князя Горчакова 18/30 мая.

Глава V. Кратковременное исправление должности наместника Мерхлевичем с 17/29 мая. Наместничество Сухозанета.

Глава VI. Наместничество графа Ламберта.

Глава VII. Второе кратковременное исправление должности наместника Мерхлевичем. Кратковременное наместничество Сухозанета

Глава VIII. Наместничество графа Лидерса.

Глава IX Наместничество великого князя Константина Николаевича с 22 июня (3 июля) до 1 августа 1862 г.

Глава X. Возвращение мое в Петербург.

«Кто был орудием этого злодеяния — не открыто». В тот же день поляки распустили слух, будто злодей, покушавшийся на жизнь графа Лидерса, был русский[1], решившийся на это в отмщение за смерть своих товарищей, расстрелянных, как утверждали, в ночь перед тем в Модлине, тогда как на самом деле они были расстреляны лишь через три дня после этого происшествия.

После побега Потебни многие русские стали подозревать его в намерении убить главнокомандующего. Потебня был дружен с расстрелянными преступниками, хотя это и до сих пор неизвестно»[2].

И другой знаток польских дел 60-ых годов, Н. В. Берг[3], также останавливался на участии Потебни в покушении на Лидерса как на непроверенном слухе.

«Были также слухи, — писал он, — что это Потебня, офицер Шлиссельбургского полка»...[4].

Оставляя в стороне патриотические выступления некоторых других авторов, вроде П. П. Липранди, не допускавшего мысли, что покушение на Лидерса не дело польских рук, следует указать, что автор труда «История двух лет» со слов Варасского сообщил[5], что на жизнь Лидерса покушался Потебня, совершивший это преступление по соглашению с Хмеленским[6] и Домбровским[7].

---

[1] Записки Хрулева. Глава VIII. Лист 19, об.

[2] Там же, лист 20.

[3] Берг Николай Васильевич, род. 1823 г., умер 1884 г. В самом начале 1863 г., как только вспыхнуло восстание поляков, отправился в Варшаву, потом в Краков и Львов. Там он вел записки о движении поляков во всех этих местах и печатал их в «С.-Петербургских Ведомостях» и в «Библиотеке для чтения» (1864 г.). В конце 1864 г. получил приглашение наместника в Царстве Польском графа Ф. Ф. Берга собрать материал для истории польского восстания. Любопытнейшие материалы, собранные им, были только отчасти в «Русском архиве» (с 1870 г.) и затем вышли в 1873 г. отдельным изданием, под заглавием «Записки о польских заговорах и восстаниях 1831—1862 гг.». Вторая и обширнейшая часть труда Н. В. Берга о польском восстании в 1863—1864 г. напечатана в «Русской Старине» 1879, тт. XXIV—XXVI. Все труды Н. В. Берга написаны в русификаторском направлении. О нем см. «Русский биографический словарь», т. II (Алексинский — Бестужев-Рюмин), стр. 722—724.

[4] «Библиотека для чтения» 31 февраль 1864 г., стр. 40. См. его «Мысли по поводу события 25 мая 1867 г.». — «Чтения в обществе истории и древности российских при Московском университете» 1869 г., т. IV, стр. 104 и 116—117.

[5] См. А. А. Сидоров «Польское восстание 1863 г.», СПБ. 1903 г., стр. 158.

[6] Хмеленский Игнатий — сын польского помещика, член центрального комитета «красных» в Варшаве. Организатор террористических актов.

[7] Домбровский Ярослав Викторович (1838 - 1871). Уроженец Волынской губ., сын помещика. Воспитывался в Константиновском кадетском корпусе (там же, где и Потебня), откуда в июне 1855 г. выпущен в прапорщики в 19 артил. бригаду. В 1861 г. окончил академию ген. штаба по первому разряду с награждением чином штабс-капитана и причислен к

С другой стороны, В. Д. Спасович [1] полностью реабилитировал Потебню и, рассказывая о промотавшемся польском помещике Игнатии Хмеленском, — «наряжавшем и подстрекавшем убийц с июня 1862 года по самый конец повстанья»,— сообщил следующие интересные подробности:

«Собственным делом Хмеленского был выстрел в Лидерса и три покушения, за которые в короткие промежутки поплатились жизнью Ярошиский, Рыль и Ржонца» [2]... И далее о покушавшемся на Лидерса: «мелькнувшее предположение, что он мог быть русским, явившимся в роли мстителя за расстрелянных накануне в Новогеоргиевске русских офицеров... не выдерживает критики» [3].

Утверждение В. Д. Спасовича [4], хорошо ознакомившегося с материалами, относящимися к жизни и деятельности маркиза Велепольского, является весьма авторитетным. Особенно, если сопоставить его с той перепиской генерала Крыжановского с военным министром Д. А. Милютиным, о которой было упомянуто выше.

Едва ли не по поручению самого раненого Лидерса, а может быть в угоду ему, «хитрый иезуит» [5] Крыжановский 22 июня написал Д. А. Милютину письмо, в котором просил

генеральному штабу с назначением в штаб 5 пехотной дивизии. В 1862 г. по конфирмации главнокомандующего войсками Варшавского округа «за учреждение, в бытность в СПБ, тайного общества, с целью способствовать подготовлению восстания в Западном крае в России, преступные сношения с членами мятежнической партии в Царстве Польском и участие в приготовительных действиях этой партии» — лишен чинов, дворянского достоинства, всех прав состояния и сослан в каторжную работу в рудниках на 15 лет. 2 декабря 1864 г., во время пересылки в Сибирь, бежал в Москве из казарм Колымажного двора. Впоследствии был вождем польских социалистов, эмигрировавших после подавления восстания в 1863 г. за границу; сформировал польский легион и принял участие в борьбе Гарибальди за об'единение Италии. В 1871 г. генерал Парижской Коммуны и последний ее главнокомандующий. Смертельно ранен 23 V 1871 г. во время боя с версальскими войсками на баррикадах бульвара Орнано.

О нем см. «Красный Архив», 1927 г., т. 22, стр. 236—241, и дело Инспект. департ. воен. министерства (по секретной части) 1862 г., № 60, «Об учреждении особой следственной комиссии для розыскания цели литературных вечеров делаемых в С.-Петербурге штабс-капитан. Домбровским и поручиком Вравским». Московск. Военно-Историч. Архив.

[1] В. Д. Спасович. «Жизнь и политика маркиза Велепольского». Очерк из истории русско-польского конфликта и истории СПБ университета 1862 г.

[2] Там же, стр. 278.

[3] Там же.

[4] Спасович Владимир Данилович (1829—1906), с 1855 по 1861 профессор СПБ университета. С 1864 г. посвятил себя адвокатуре.

[5] Отзыв С. А. Хрулева о Н. А. Крыжановском. Прилож. к запискам Хрулева.

исходатайствовать для Лидерса «от щедрот его величества в единовременное пособие на лечение за границей 10 тысяч рублей серебром»[1].

В этом же письме Крыжановский счел нужным осведомить Милютина о варшавских событиях и настроениях. Вопреки официальным сообщениям, последние представлялись ему далеко не в блестящем виде.

Крыжановский писал:

«Относительно здешних дел успокоиться [illegible] не говорю только о поляках, но и о наших молодых офицерах. [illegible]

Четыре офицера Шлиссельбургского полка, а именно: подпоручики Закревский и [illegible] прапорщики Вышемирский и Лиховский оказались как-то замешанными по делу Ковальского[2], подозреваемого в покушательстве на жизнь графа Лидерса. Из них Потебня скрылся, остальные трое арестованы. В чем именно они обвиняются мне неизвестно, потому что [illegible], касающийся дела Ковальского, от меня скрыт и моего ведома и занятия своих дознаний в секрете Легко догадаться, что офицеры [illegible] еще не виновны»[3].

Добавив затем несколько сведений о покушавшемся на великого князя Константина Николаевича подмастерье Ярошинском, Крыжановский заключил свое письмо фразой, также идущей в разрез с официальными сообщениями:

«Всего сожалительно только то, что общая масса варшавского населения показала при этом случае (покушение на великого князя) непостижимое равнодушие».

Через неделю после первого письма, 30 июня, Крыжановский отправил Милютину второе[4], в котором сообщил, что комиссия, учрежденная для производства следствия над Ковальским, подозреваемом в покушении на жизнь генерал-адъютанта Лидерса, признала вовсе непричастными этому делу офицеров Шлиссельбургского полка, что «из них подпоручик Закревский, прапорщики Лиховский и Мухин уволены из-под ареста как совершенно невинные, а прапорщик Вышемирский оставлен под арестом как не вполне оправдавшийся», и, наконец, что «подпоручик Потебня, бежавший, еще не найден».

Письма Крыжановского заинтересовали Милютина. Он доложил их царю[5], и согласно полученному от последнего приказанию положил на втором письме резолюцию:

[1] Военно-исторический архив в Москве. Дело инспект. департамента министерства 1862 г., № 7, по секретной части, на 27-ми листах. Лист. дела 1.

[2] Там же, лист. дела 2 об.

[3] Там же.

[4] То же дело, лист. 6.

[5] На письме резолюция Милютина чернилами: «Доложено его величеству 4 июня». Вторая резолюция «Просить г.-а.д. Крыжановского и т. д.», написана карандашом.

«Просить г.-ад. Крыжановского, чтобы в свое время, по раскрытии всего дела, было сообщено мне, в какой мере названные офицеры могли быть причастны подобному делу; почему прапорщик Вышемирский н е с о в с е м (подчеркнуто Милютиным) еще оправдан, а Потебня даже скрылся. Стало быть были же какие-нибудь поводы к подозрению. 4 июля»[1]

Но до получения этого запроса, Крыжановский еще раз, уже официально[2] донес Милютину известные уже ему сведения о четырех офицерах Шлиссельбургского полка, добавив к ним и кое-что новое:

«Вышемирский, оказывающийся отчасти прикосновенным к делу о продаже трех офицерских револьверов[3], считается еще арестованным. Что же касается подпоручика Потебни, то он, как вашему превосходительству уже известно, из полка отлучился и до сего времени не отыскан».

По содержанию последнего донесения, Милютин приказал сообщить командующему войсками в Царстве Польском генерал-адъютанту барону Рамзаю[4], что он будет ожидать результата расследования дела о Вышемирском, что за Зобкревским и Дмоховским, «хоть и оправданными», следует иметь наблюдение со стороны ближайшего начальства и что Потебню «высочайше повелено, если он отыщется, предать военному суду».

Однако Потебня «не отыскался», и заведенное о нем 30 июня 1862 г. дело под названием «О скрывшемся подпоручике Потебне» пролежало без всякого движения вплоть до 1915 года, когда и было, наконец, предано уничтожению[5].

В 1862 же году последовал и высочайший приказ об исключении Потебни из военной службы[6].

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

---

[1] То же дело, лист 6 и 8.

[2] То же дело, лист 9. Донесение главн. штаба I армии по части дежурн. генерала военному министру от 5 июля 1862 г., № 3013.

[3] То же дело, лист 14. Донесение штаба войск в Царстве Польском от 17 декабря 1862 г. за № 2488 дежурному ген. главн. штаба о переводе прапорщ. Вышемирского в войска внутри империи, расположенные по конфирмации великого князя Константина Николаевича «по следственному делу о штабс-капитане 19 артиллер. бригады Домбровском». Из указанного донесения видно, что Вышемирский «продал Домбровскому два револьвера».

[4] То же дело, лист 9, резолюция Милютина карандашом на донесении главн. штаба I армии от 5 июля 1862 г. за № 3013, лист дела 11 и Секретн. отношение инспект. департ. воен. министр. от 14 июля 1862 г № 683 на имя коман. войсками в Царстве Польском ген.-ад. барона Рамзая от 14 июля 1862 г. за № 683 по содержанию резолюции Милютина.

[5] По постановлению комиссии, учрежденной приказом нач. главн. штаба 1914 г. за № 605, под председ. ген.-лейт. Даровского.

[6] Высоч. приказ от 24 июля 1862 г. в г. Либаве.

Вслед за этим, Андреи Потебня был внесен в «Алфавит политических преступников»[1], где о нем была сделана следующая запись:

47	Потебня Подпоруч. Шлиссельб. пех. полка	По уведомл. ген. ад. Крыжановского, оказался замешанным в деле Ковальского, подозреваемого в посягательстве на жизнь графа Лидерса. Офицер этот скрылся и исключен из списков. Воспитывался в Константиновском кадетском корпусе.

Из приведенных документальных данных явствует:

1. Что Потебня оставил свои полк, состоя на действительной военной службе, т.-е. не был отставным в момент побега.

2. Что расследовавшая дело о покушении на Лидерса следственная комиссия признала офицеров Шлиссельбургского полка, — значит, в том числе и Потебню, — вовсе не причастными к указанному делу и

3. Что военное начальство было в недоумении относительно мотивов, побудивших Потебню скрыться, и хотя и не имело формальных оснований считать его прикосновенным к делу о покушении на Лидерса, тем не менее оставило его в подозрении в прикосновенности к этому делу.

Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что ни в высочайшем приказе об исключении Потебни из службы, ни в алфавите политических преступников никаких опорочивающих Потебню обстоятельств не указывается. Более того, из записи в «Алфавите» ясно, что единственным основанием к занесению в него Потебни послужило сообщение о прикосновенности последнего к делу Ковальского, сделанное тем самым Крыжановским, который сообщил Милютину о непричастности к делу офицеров Шлиссельбургского полка.

Такая несуразность объясняется тем, что таинственность исчезновения Потебни в обстановке происходивших в то время в Варшаве событий рождала разные предположения. Эти последние как нельзя лучше сочетались с необычным по смелости покушением на Лидерса, которое поднявшиеся в городе слухи объявили актом мести со стороны военной организации за утверждение Лидерсом приговора над Аригольдом, Сливицким и Ростковским.

Вот почему Крыжановский и счел необходимым сделать Потебню прикосновенным к нашумевшему покушению.

---

[1] Алфавит политических преступников за 1861, 1862 и 1863 гг. № 80. Воен.-историч. архив в г. Москве

Гораздо более серьезным являлось другое обвинение, о котором не упоминали ни Крыжановский в своей переписке с Милютиным, ни высочайший приказ об увольнении Потебни, ни, наконец, алфавит политических преступников. Это обвинение в растрате, якобы, совершенной Потебней...

Упоминание об этой растрате впервые появляется в записи Н. И. Павлищева от 27 июня (9 июля) 1862 года[1]. В этой записи отмечено:

«По делу Ковальского, обвиняемого в покушении на жизнь графа Лидерса, оказалось, что два офицера Шлиссельбургского пехотного полка, подпоручик Закревский и прапорщик Дмоховский, арестованные за знакомство с ним, совершенно не причастны к делу, а третий прапорщик Вышемирский, как собственник пистолета, содержится в Цитадели; четвертый же прапорщик Потебня, скомпрометировавший себя между прочим растратой казенных денег, успел скрыться»[2].

Если принять во внимание, что «Седьмицы польского мятежа», из которых процитирована приведенная выше запись, имели в своем основании «политические еженедельные обзоры Царства Польского», которые Н. И. Павлищев с 25 октября 1861 года, по поручению графа Ламберта и следовавших за ним наместников Царства Польского, составлял для царя[3], которому «для высших государственных соображений нужно было знать одну правду и ничего, кроме правды»[4], то вряд ли возможно сомневаться в том, что запись о растрате Потебни была неправильна.

Однако, беспристрастный исследователь не может удовлетвориться этим соображением. Тем более, что в записи

[1] Н. И. Павлищев «Седьмицы польского мятежа», т. IV, стр. 107.

[2] Павлищев Ник. Ив. (1802—1870). Тайный советник, муж родной сестры Пушкина Ольги Сергеевны. Окончил царскосельский Лицей в 1819 г. В 1833 г. назначен и. д. пом. статс-секретаря госуд. совета Царства Польского; в том же году определен на должн. профессора историч. наук Варшавск. гимназии. Убежденный русификатор Польши. В 1843 г. составил и напечатал на русском яз. для гимназии польскую историю. В 1851 г. обер-прокурор общего собрания варшавских департаментов сената. В 1861 г. назначен состоящим при главнокоманд. I армией и наместнике графе Ламберте, который поручил ему 25 октября того же года «составление для государя императора политических еженедельных обзоров Царства Польского». Эти обзоры Павлищев составлял и при следовавших за Ламбертом наместниках, за что в 1870 г. был награжден 12-летней арендой. «Седьмицы польского мятежа 1861—1864 г.» в 2-х томах появились в свет лишь через 8 лет после смерти автора и были изданы под наблюдением Е. М. Гаршина в 1887 г., но с сокращениями. О Н. И. Павлищеве см. русск. биограф. словарь т. «Павел преподобный — Петр Илейка», 1902 г., стр. 78—81.

[3] См. предыдущую выноску.

[4] «Седьмицы польского мятежа». «От издателя», стр. VIII, т. I.

И. И. Павлищева имеется и одна явная неточность. В ней Потебня назван прапорщиком, — в то время как он был, в действительности подпоручиком...

По своему служебному положению Н. И. Павлищев не мог быть более осведомленным, чем дежурный генерал штаба 1-й армии Крыжановский, находившийся в постоянных и близких служебных отношениях как с самим наместником Царства Польского, так и с высшими военными начальниками г. Варшавы. С другой стороны, как лицо гражданское, он имел большие связи с русской частью варшавского общества и мог легче поддаваться впечатлению, создаваемому ходившими среди нее слухами. Отсюда естественный вывод, что Н. И. Павлищев невольно мог приукрасить свою запись о Потебне элементом «поэтического вымысла».

Сообщение о растрате, совершенной Потебней, повторено было в 1867 же году Н. В. Гогелем. Во 2-м издании своей книги об Иосафате Огрызко [1], Гогель, критикуя сообщение Герцена о том, что Потебня, не желая быть прикованным к месту, оставил свой полк [2], иронически замечает, что «промотав несколько тысяч казенных денег»... [3].

Откуда Н. В. Гогель почерпнул это сведение—неизвестно. По всей вероятности, оно представляет дальнейшее развитие соответственной записи Н. И. Павлищева в «политических еженедельных обзорах Царства Польского». Но во всяком случае оно достаточно серьезно, чтобы пройти мимо него без надлежащей оценки. Известно, что Н. В. Гогель был членом Виленской следственной комиссии и по своей должности мог соприкасаться также и с военно-судными делами, возникавшими и в пределах Варшавского военного округа [4].

Но прежде всего следует подвергнуть сомнению, как следовательскую, так и научно-исследовательскую об'ективность Гогеля.

Что касается первой, то надо указать, что его клиенты Огрызко, Пантелеев и Коссовский [5] отказались на суде от тех показаний, которые были даны ими Гогелю в следствен-

[1] Иосафат Огрызко и Петербургский революционный Ржонд в деле последнего мятежа». Изд. II. Вильно, 1887 г.

[2] «Колокол», № 162, от 1 мая 1863 г.

[3] Примеч. 1, на стр. 126.

[4] Гогель Нико л. Валериан. (1836—1879) подполковник. С 1863 по 1867 г. был членом Виленской следственной комиссии по политическим делам. См. Русск. биограф. словарь (Герберский-Гогенлоэ), 1916 г., стр. 439—440.

[5] Иосафат Петрович Коссовский. Вице-директор Департамента земледельческих сборов. Представитель польского революционного комитета в Петербурге. В 1870 г. издавал в Петербурге польский журнал [illegible] издал полное собрание законов

ной комиссии [1]. А. Огрызко прямо заявил, что большая часть того, в чем он признался, возведена им на себя «исключительно по настоянию членов особой Виленской следственной комиссии» [2].

Не велика цена и научно-исследовательской об'ективности Гогеля. Тенденциозность составленной им книги настолько очевидна, что вряд ли вообще можно считать подобранный в ней обширный материал сколько-нибудь подходящим для об'ективных выводов.

Впрочем, и сам Гогель, по всей вероятности, не задавался целью дать своим читателям об'ективное исследование и, приступая к своей работе, имел вполне определенную точку зрения на идеологическую ее сторону.

Эта точка зрения весьма ярко отразилась в избранном им, в числе прочих эпиграфов книги, и следующего места из второй части «Мертвых душ» — «Дело это повело за собой открытие и других не менее бесчестных дел»...

Возможно, что начав открывать «бесчестные дела» польских патриотов, Н. В. Гогель перегнул палку и представил бесчестным и то, что не было таковым на самом деле. Во всяком случае, печальная судьба второго издания его книги, «значительно дополненного», но, несмотря на это, уничтоженного по распоряжению виленского генерал-губернатора графа Баранова, сразу же по выходе ее в свет, дает основание заключить, что своими «открытиями» книга значительно превзошла «виды правительства».

Поляки под названием «Добрина Гедеон» 16 ноября 1864 г. арестован по распоряж. Муравьева и доставлен в Вильно. В 1865 г. комиссией воен. суда, учрежденного при управлен. Виленского губ. воинского начальника приговорен к смертной казни, каковая по конфирмации командующ. войсками Виленского воен. округа ген.-ад. фон-Кауфмана заменена ссылкой на 20 лет в каторжные работы в рудниках Сибири.

Коссовский Владислав Гедеонович. Уроженец Киевск. губ., сын помещика. Воспитание получил в Михайловском артилл. училище, которое окончил в 1859 г., когда выпущен в офицеры лейб-гвард. конную артиллерию. Член Петербургского польского революционного комитета, — «Отдела заграничного Петербургского». В 1861 г. ездил за границу и по поручению центрального революционного комитета был у руководителя повстанческим движением в Познани помещика Гутри, а также и в Париже у Людовика Мерославского.

Плетнев Ловгин Федорович, — «чиновник 12 класса». О нем см. стр. 68—102, т. XVI, полн. собр. соч. А. И. Герцена, изд. 1920 г.

О всех трех см. дело аудиториатского департ. № 94, т. 32 (Ленингр. Отд. центрархива) Заключение вр. полевого аудиториата Виленск. воен. округа от 24 декабря 1865 г. по делу об уволенном от службы коллежском советнике Иосафате Огрызко и др. лицах. Также и указанную выше книгу Н. В. Гогеля.

[1] См. указанное в предыдущей выноске дело аудитор. департ. № 94, т. 32, лл. 124, 126 об. и 247—249.

[2] Там же, л. 124.

И какое, наконец, дело о Потебне могло попасться в руки Гогелю, если он действительно оперировал с документами?

Несомненно, что, в случае если бы Потебня действительно совершил растрату, о ней бы было заведено отдельное дело, если бы она не открылась одновременно с побегом Потебни. Об этом деле, в таком случае, были бы сведения в инспекторском департаменте военного министерства. И если в описи делам названного департамента за 1862 г. указано только одно дело «о скрывшемся подпоручике Потебне», заведенное 30 июня 1862 г., то из этого следует, что другого дела и не было.

Основанием к обвинению Потебни в позорящем его деянии для Гогеля, как отмечено, могла явиться запись Н. И. Павлищева.

В пору реакции, которая нависла над русской жизнью после «усмирения» польского восстания и особенно после выстрела Каракозова, это основание представлялось слишком заманчивым для того, чтобы его не использовать с возможным эффектом. Охранительные меры реакции 1866 г. выражались не только в том, что «брали чиновников и офицеров, учителей и учеников, студентов и юнкеров, брали женщин и девочек, нянюшек и мамушек, мировых посредников и мужиков, князей и мещан»[1]... Они выражались и в идеологической обработке общественного мнения.

К этому времени безвестный и незаметный подпоручик Потебня уже приобрел неожиданную известность. Его гибель в рядах польских повстанцев вызвала прочувственные статьи Герцена и Огарева. Таинственность его побега рассеялась...

Оказалось, что он был в прочной связи с русскими революционерами-эмигрантами, что он был «один из главных учредителей русского офицерского комитета в Польше, участник на первом плане в адресе офицеров Константину Николаевичу»...[2].

Это было уже слишком... Скромная фигура незаметного подпоручика вырастала в грозное знамение грядущих военных восстаний. Необходимо было скомпрометировать «жертву очищения России»[3]. Иначе она могла сделаться идеалом. Вот тут-то и вспомнилась запись Н. И. Павлищева о том, что Потебня скомпрометировал себя растратой казенных денег.

Несерьезность этого обвинения подтверждается еще и другими доказательствами.

[1] Ч[ерн]овский. Поэт и палач (Некрасов и Муравьев). СПБ. 1[8]22 г., стр. [1]2.

[2] [Кол]ол», 1863 г., л. 161, от 15 апреля.

[3] Там же

Командир корпуса, в который входил полк Потебни, генерал-лейтенант С. А. Хрулев, как сообщено выше, оставил после себя записки. Ясно, что такое выдающееся событие, как побег офицера с растратой им казенных денег, сделавшегося затем видным революционером, должно было найти отражение в записках Хрулева. Как прямой начальник Потебни, Хрулев мог иметь более точные, чем кто-либо другой, сведения о подчиненном ему офицере. Такое предположение подтверждается не только характерными особенностями личности Хрулева, живо интересовавшегося порученным ему делом и состоянием входивших в состав его корпуса воинских частей, — но и осмысленным отношением его как представителя царизма к опасности и значению нараставшего в армии среди молодого офицерства революционного настроения.

О Потебне в своих записках Хрулев записал три раза.

Первый раз, — говоря о малоуспешности революционеров Царства Польского в революционной агитации в армии:

«Все, чего могли добиться на этом пути революционеры Царства Польского при содействии своих сообщников в империи было то, что лишь несколько молодых офицеров увлеклось идеями, распространявшимися в то время пропагандистами, действовавшими в империи, и только один офицер, растратившый казенные деньги и вышедший в отставку, корнет-инспектор одного из квартировавших в Варшаве полков Потебня, пристал открыто к полякам»[1].

Далее, рассказывая об обстоятельствах покушения на Лидерса, Хрулев записал:

«Следствие, произведенное по этому поводу, не открыло ничего нового. Упомянутый Говорили после, что он уехал в Америку, были также слухи, что это Потебня, офицер III мушкетерского полка, перешедший к полякам и убитый под Пясковой Скалой»[2].

И наконец, третья в хронологическом порядке запись:

«Кто был орудием этого злодеяния — не открыто. В этот же день [illegible] сих, будто бы [illegible], покушавшихся на жизнь графа Лидерса, был русский, решившийся на это в отмщение за смерть своих товарищей[3], расстрелянных, как утверждали, в ночь перед этим в Модлине, тогда как на самом деле они были расстреляны лишь через три дня после этого происшествия.

После ранения Лидерса бежал за границу отставной прапорщик III мушкетерского полка, тот самый, который через год пал в поль-

[1] Записки. Глава VIII, стр. 7 об.

[2] Там же, стр. 14.

[3] Аргольда и Славицкого, [illegible] офицеров 4-го Стрелкового батальона. Оба воспитывались в Павловском кадетском корпусе, по окончании коего в июне 1859 г. выпущены офицерами в указанный батальон. Аргольд, Иван Николаевич, уроженец Финляндии. Славицкий Петр Михайлович, из потомственных дворян Харьковск. губ., родился в 1838 г. О них см. дело военного министерства департамента инспекторск., по части обер-аудитора 1862 г., № 320 «По отношению аудиторского департамента с конфирмацией о поручике Аргольде и других и о распределении из службу этих нижних 9 чинов в Оренбургские линейные батальоны», на 24 листах (Моск. Военно-Истор. Архив).

ских повстанцах и о котором распространялся в похвалах «Колоколу». После побега Потебни, многие русские стали подозревать его в намерении убить главнокомандующего, которого равил. Потебня был дружен с расстрелянными преступниками, хотя это и до сих пор не известно»[1].

Обращаясь к оценке этих записей, необходимо отметить следующее. Первая из них полностью и в точности воспроизведена и А. Подвысоцким в его «Записках очевидца»[2], изданных в 1869 г. в С.-Петербурге. Как известно[3] первые девять глав этих записок были сперва напечатаны в 1868 г. в «Русском Инвалиде». Имея в виду, что записки Подвысоцкого были напечатаны, а записки Хрулева остались в рукописи, можно предполагать, что Хрулев свои записки пополнял за счет материалов, появившихся в печати, и что его рукопись написана им уже после 1868 г., когда Хрулев отчаялся вернуть себе расположение императора, а за одно получить и майорат в Польше[4].

Другими словами, следует заключить, что первую свою запись о Потебне Хрулев попросту переписал из записок А. Подвысоцкого. Последний был в Варшаве одновременно с Хрулевым и занимал там должность помощника начальника тайной полиции[5].

---

[1] Записки Хрулева. Глава VIII, стр. 20.

[2] А. Подвысоцкий. Записки очевидца о событиях в Варшаве в 1861 и 1862 годах. СПБ. 1869 г., стр. 97.

[3] См. Русский Биографический Словарь т. «Плавильщиков Прямо», 1905 г., стр. 184—185.

[4] 15 мая 1866 года Хрулев подал Александру II прошение, в котором, объясняя мотивы и содержание своей речи солдатам 4 и 5-го Стрелковых батальонов в 1862 г., послужившей причиной его увольнения без просьбы от командования войсками в Варшаве, между прочим писал: «имею основание полагать, что об этом поступке моем доведено было до сведения вашего в неблагоприятном для меня свете — именно как о поступке, которым будто бы оскорбил я и восстановил против себя всех офицеров. Такое неверное с действительностью изложение быть может и было причиною, что я уволен без просьбы от командования войсками в Варшаве и числюсь по запасным войскам четыре года, обходимый младшими в производстве в чине и даже не удостоен награды майоратом, щедрою рукою излитой на состоявших на службе в Царстве Польском, тогда как более года на мне лежала вся тягость военно-полицейского управления в Варшаве. Если так не мне и не имевшему тогда, государь, на многое в то время смотреть иначе, чем теперь, даже люди самые благонамеренные, поручая, вследствие ошибочного взгляда на обстоятельства, то именно, что заслуживало признательности. Последствия не раз оправдывали подвергавшихся несправедливому осуждению. Дерзаю и себя причислить к этому числу и молить вас, Всемилостивейший Монарх, да обратите вы вновь оживляющий взор свой на преданного слугу — солдата, который никогда на службе царю и России, не искал ложной популярности и личных выгод в ущерб службе, в ущерб исполнению верноподданнических обязанностей».

[5] См. Указанную в выноске 5 на стр. 88 книгу А. Сидорова «Польское восстание 1863 г.», стр. 250.

По всей вероятности, именно по этому основанию Хрулев отнесся с полным доверием к записям А. Подвысоцкого и дословно воспроизвел ее в своих записках.

Между тем из приведенных записей видно, что помощник начальника тайной полиции не достаточно точно был осведомлен о Потебне, — называл его отставным и, видимо, в своей записи руководствовался больше городскими сплетнями, чем достоверными сведениями.

С другой стороны, Хрулев, будучи корпусным командиром Потебни, не мог не знать всех обстоятельств побега подведомственного ему офицера и точного места его службы. Поэтому о растрате Хрулев знал бы самостоятельно еще в 1862 г., а через него узнали бы о ней Крыжановский и другие, — в результате чего и высочайший приказ об исключении Потебни из службы, а равно и запись в «алфавите» политических преступников были бы редактированы иначе.

Что касается второй записи, то она имеется также и в статье Н. В. Берга «Первые два года последнего польского движения», напечатанной в 1864 г.[1]. Тут также нет сомнения в том, что Хрулев попросту переписал ее.

Остается третья запись. Она наиболее характерна для Хрулева. В ней он приводит все сделавшиеся ему в свое время известными сведения о покушении на Лидерса. В этой записи наибольший упор в воспоминании о Потебне относится к тому, что о последнем «распространялся в похвалах «Колокол». Необходимо отметить и противоречие мнений, приведенных в третьей записи о виновнике покушения на Лидерса. Здесь Хрулев сообщает сперва о том, что «поляки распустили слух», что покушавшийся на Лидерса был русский, а потом, что после побега Потебни и «многие русские стали подозревать его»[2].

Изложенного полагаем достаточно, чтобы полностью отвергнуть как причастность Потебни к покушению на Лидерса, так и факт растраты им казенных денег.

В заключение следует указать на то, что А. И. Герцен, умевший молчать, когда это было действительно нужно, после смерти Потебни вряд ли бы считал необходимым скрывать его роль в качестве мстителя за расстрелянных Арнольда и Сливицкого. Также, по всей вероятности, он проговорился бы и относительно факта приписываемой Потебне растраты. Однако, ни о том, ни о другом из указанных обстоятельств он не обмолвился ни словом...

(Продолжение следует).

---

[1] «Библиотека для чтения», февраль, 1864 г., стр. 40.

[2] А. И. Герцен также писал: «русский, хотевший отомстить за своих товарищей, пустил пулю Лидерсу»... «Колокол», 1862 г., л. 143.

А Левандовский

На заре жизни

К социалистическому движению я приобщился только в 1905 году, но общереволюционные еще, может быть, и неосознанные симпатии и ненависть к русскому царизму были мне близки уже в раннем детстве. Об'ясняется это, во-первых, тем, что местечко Коссово, Гродненской губернии, где я родился, было родиной знаменитого польского революционера Тадеуша Костюшко, дом которого сохранился до сих пор на окраине местечка в небольшом имении, а с ним сохранились и революционные традиции; а во-вторых, потому, что ближайшие родственники — со стороны моей матери принимали то или иное участие в восстании 1863 года, за что и поплатились ссылкой в Сибирь, изгнанием и т. д. Естественно, что революционно-патриотический дух, царивший в нашей семье, коснулся и меня.

Так как вследствие русификации края польских школ не существовало, я учился родному языку дома у старшего брата, а затем, окончив русское народное училище, поступил на 13-м году в Слонимское городское училище, где пробыл 4 года.

Насколько я могу припомнить, революционное брожение коснулось Слонимского училища лишь осенью 1905 года. До сих пор это было стоячее болото. Ни кружков развития и самообразования, ни подпольных революционных групп, ни других каких-либо форм организации не существовало, если не считать кружка учеников — поляков, организовавшегося осенью 1904 года и руководимого студентом Варшавского политехнического института Иосифом Кудревичем. Этот патриотический кружок, несмотря на всякое отсутствие в его программе элементов социализма, имел все же для нас большое революционизирующее значение...

Был канун октябрьских событий 1905 года. Веяние социально-революционного движения пробивалось из всех щелей и углов, и наш руководитель Кудревич, читая ту или

иную лекцию, разбирая тот или другой вопрос, не мог не затронуть злобы дня, и яд ненависти к царизму, капля за каплей, вливался в наши юные сердца. Мы читали нелегальную польскую литературу и на страницах почти каждого нелегального журнала, каждой брошюры мы сталкивались со славными традициями восстаний 1831 и 1863 годов.

... События назревали. В городе все чаще и чаще стали вспыхивать то тут, то там забастовки под влиянием Бунда и благодаря вмешательству полиции принимали демонстративный характер. Прокламации бундовские, эсеровские и анархистские — последние из Белостока — всевозможных видов и форматов ежедневно наводняли город. Попадали они, разумеется, и в наши руки. Лично на меня очень сильное впечатление произвела прокламация «Манифест анархистов-коммунистов-общинников», изданная в Белостоке. Прокламация эта проповедывала аграрный террор и давала подробные указания, как поджигать помещичьи стога сена, захватывать хлеб и скот и т. д.

Мы не были бедны также и более солидной нелегальной литературой. По рукам ходили преимущественно социал-демократические издания: «Искра», «Социал-демократ», «Вперед» и много брошюр: из эсеровских изданий — «Революционная Россия», биография Карповича, Балмашева, Сазонова и Гершуни и несколько мелких анархических брошюр. Были также в ходу и легальные книги: «Овод» Войнича, «Эмма» Швейцера, «История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана, «Борьба за право» Франсоза и др.

Слоним — город мелких ремесленников, подмастерьев, приказчиков, если не считать небольшого процента фабрично-заводских рабочих: кожевников, ткачей, рабочих спичечной фабрики, мельниц и т. д. Тем не менее рабочее социалистическое движение здесь было развито очень сильно, как и вообще в черте еврейской оседлости. В мое время в городе существовало несколько социалистических организаций: бундовцы, социалисты-сионисты и молодые эсеры (максималисты); анархисты появились, кажется, весной 1906 года. Самой сильной, влиятельной и популярной партией в Слониме были бундовцы; все рабочее движение находилось под их влиянием.

Соответственно этому и пропагандистская работа среди молодежи велась преимущественно социал-демократами (бундовцами). Первыми пионерами социализма в нашей школе были, разумеется, евреи. Живя тесной школьной жизнью, они привлекали к революции наиболее надежных и развитых учеников-христиан. Само собой разумеется, что наш польский кружок очень скоро сблизился с социалистами-евреями и

почти слился с ними. Социалистическая пропаганда среди нас нашла весьма плодотворную почву. От нашего революционно-патриотического кружка вскоре не осталось и следа. Лишь имена Костюшко, Конарского, Лукасинского и др., тесно связанные с героической борьбой против русского царизма — не потеряли своего значения.

Студент Кудревич, которого мы еще продолжали посещать скорее в силу привычки, сразу почувствовал перемену в нашем настроении. Он ясно видел, что мы становимся ему чужими и что какая-то мощная сила неумолимо тянет нас на другую, неприемлемую для него, дорогу. Он принимал все меры к тому, чтобы удержать нас от социализма, пускал в ход все свое красноречие, говорил подолгу убедительно, красиво, но теперь его слова уже не действовали на нас так зажигающе, как раньше. Теперь они были бледны и слабы по сравнению с тем вдохновенным огненным языком, который мы находили в прокламациях и листовках. Беседы направлялись нами в другую сторону. Уже не о независимой Польше, не о буржуазно-демократической республике, а о русском освободительном движении, о братстве народов спорили мы. Многие товарищи уже успели за этот короткий промежуток прочесть ряд мелких брошюр: Бебеля, Маркса, Каутского, Бакунина, Кропоткина, Плеханова, Рудина и др., не говоря уже об упомянутых «Искре», «Революционной России», и осаждали Кудревича такими неожиданными вопросами, что ставили его втупик.

Случилось то, что логически должно было случиться. Польский кружок раскололся и связь с Кудревичем прекратилась, хотя мы навсегда сохранили в душе теплое чувство к нему. Зато в школе усилилась деятельность революционно-социалистическая. Создался сам по себе нелегальный революционный кружок. Он не был связан определенным уставом, программой или кассой. Это была просто тесно спаянная революционным настроением группа товарищей, желавших искренне принять непосредственное участие в борьбе рабочего класса с самодержавием. Среди нас были и не вполне определившиеся, но революционно настроенные товарищи, и социал-демократы всех оттенков. Пропаганда велась преимущественно социал-демократами, но к концу ноября один из товарищей М. Орлинский, а за ним и я определились, как «молодые с.-р.», а в начале 1906 года появились среди нас и эсеры.

Как ни оберегало нас бдительное око училищного начальства от заразы, но уберечь не могло. Крамола стала проникать в стены училища и заражала учеников все больше и больше. Каким-то образом мы пронюхали, что в книжных

магазинах продаются издания «Донской Речи», «Молота», «Колокола» и др. и старшие классы буквально наводнялись дешевыми популярными брошюрами. Карманные деньги шли не на лакомства, а на покупку брошюр. Это был какой-то источник буйного опьянения. На уме были не уроки, не противная сухая арифметика, которую не любило большинство из нас, а брошюра и революция.

Когда нехватало денег, а карманы наши были весьма тощи, мы закладывали и продавали учебники или обменивали их на брошюры. Читали и опьянялись. Я, например, продал все свои учебники по математике и взамен их накупил брошюр.

Однажды, помню, я «загнал» букинисту последний учебник по алгебре и купил в книжном магазине брошюры: «Убийство трех министров», «Биографию Луизы Мишель» Русовой и «Парижскую Коммуну» Конкола, которые я уже давно мечтал приобрести.

Мечта осуществилась: брошюры у меня. Я успел купить их во время большой перемены. Когда мы с шумом уселись за парты, начался урок геометрии. Психическое состояние мое было подавлено: я, по обыкновению, не знал урока и боялся двойки или единицы. А тут на беду чувствовалось, что именно сегодня учитель меня может вызвать, так как уже давно не вызывал к классной доске для решения какой-либо теоремы. Правда, наш преподаватель Степан Матвеевич Лапа знал всегда заранее, что урока я не знаю, но тем не менее он вызывал меня чаще обыкновенного. Он, кажется, меня не долюбливал и считал плохим учеником. Ему нравилось мое смущение и он был не прочь помучить меня лишний разок уроком, которого я не знал. Он смеялся надо мной, ядовито шипел и, глядя в упор на меня, брался за перо, чтоб поставить двойку. Со своей стороны я совершенно стал игнорировать нелюбимый предмет и почти никогда к нему не готовился. Степан Матвеевич прозвал меня за это крылатым в то время словом «забастовщик».

Усевшись на парту, я развернул брошюру «Убийство трех министров», положил ее на колени и с бьющимся сердцем стал ждать вызова на урок. На душе было тоскливо, точно впереди предстояла пытка. Но чаша сия меня, как-будто, на этот раз миновала. Учитель вызвал другого ученика, находившегося в другом конце алфавитного списка, далеко от меня, а я принялся спокойно за чтение разжигавшей мое воображение брошюры. Я и не подозревал, какая гроза висит над моей головой!

С первых страниц я настолько увлекся, что забыл окружающую меня действительность. Исчезло все. И мучительная

геометрия, и сухая алгебра, и головоломная арифметика, и желчный Степан Матвеевич в своем чиновничьем сюртуке — все кануло в пропасть. Я был там, где совершались события, рвались бомбы, где умирали террористы, о которых я читал в брошюре, волновавшей меня. Под тихое перелистывание учебников моих соседей, под сдержанный шепот класса и резкие слова учителя, об'яснявшего теорему, я читал запоем это новое для меня откровение. Так вот где она настоящая неподдельная и суровая правда о том, что долгие годы было неясно, туманно, запутанно. Теперь уже не из слов обывателей, а из книги я знал, кто такие Карпович, Сазонов и Балмашев и зачем они убивали министров.

... Страницы мелькали за страницами; я не поднимал головы, не мог оторваться. Долго ли так продолжалось, не знаю, но наступившая внезапно мертвая тишина в классе и несколько десятков глаз, устремленных в мою сторону, заставили меня поднять голову и взглянуть на окружающую обстановку. Я буквально остолбенел — и, как загипнотизированный, остался неподвижным на месте.

Надо мной стоял злой и дрожащий от гнева учитель и хищным взглядом пожирал злополучную брошюру. Соседи глядели на меня с любопытством и тревогой. Не знаю, был ли я похож на кролика перед пастью удава, но холодный пот выступил у меня на лбу. Мысль о том, что меня исключат из училища, молнией сверкнула в мозгу и показалась мне чудовищно-мучительной... Мне стало страшно не потому, что я дорожил училищем и жалел расстаться с нелюбимой математикой, а от того, что исключение из училища накануне его окончания — было бы большим ударом для моей матери, которую я очень любил. Она мечтала сделать из меня образованного человека и тратила на это свои нищенские гроши...

— Повторите то, что я сейчас об'яснял, — прошипел учитель.

Я молчал.

— Хорошо же вы интересуетесь уроками! Покажите-ка, вот это, чем вы так увлеклись?

Он схватил из парты брошюру и, прочтя заглавие, позеленел от злости. Он не владел собой.

— Где вы это взяли? Кто вам дал? — и, засыпав меня градом вопросов, он стал рыться в моем ящике, откуда извлек еще две брошюры: «Луизу Мишель» и «Парижскую Коммуну» Кокюля. С этими трофеями он пошел к столу, бросая на меня многозначительные взгляды, не предвещавшие ничего хорошего. Я сидел, растерянный и придавленный, словно огромная тяжесть свалилась на меня. Что теперь будет со мной? Исключат, наверняка исключат, — думал я. Ведь мое

преступление — факт, до сих пор неслыханный и невиданный в стенах училища. Были шалости, буянства, драки, каверзы — они усмирялись уменьшением балла за поведение и все шло своим руслом, сглаживалось. А тут черным по белому:

«Убийство трех министров».

Остаток урока прошел очень вяло, и едва он кончился, учитель, схватив брошюры и взглянув в мою сторону, помчался в канцелярию училищного совета. В классе началось оживление. Ученики с шумом обсуждали происшедший инцидент и обменивались мнениями. Многие склонялись к тому, что меня исключат, другие же утверждали, что исключать не будут, а уменьшат отметку за поведение. Я ждал худшего, подготовился к допросу, но меня не вызывали. Наконец, прошел и последний урок и, когда мы одевались в коридоре, вышел инспектор училища Батурин, посмотрел на меня, покачал головой и ушел.

На другой день перед началом уроков меня вызвали в канцелярию училищного совета. За столом сидел инспектор, окруженный преподавателями, и глядел на меня каким-то безжизненным тупым взглядом. Меня стали спрашивать, откуда я взял страшные брошюры и знаю ли я, что мне грозит исключение и тюрьма? Этого я ожидал. Но что я мог сказать в свое оправдание? Запираться было бесполезно.

Я чистосердечно рассказал всю правду, указав, что брошюры купил легально в книжном магазине, заинтересовавшись их заглавием совершенно случайно. Несколько минут мое начальство о чем-то совещалось вполголоса; потом, подозвали меня, инспектор произнес свою излюбленную угрозу, когда был взволнован:

«Несчастное создание, одним взмахом пера я сделаю вас несчастным на всю жизнь!.. С волчьим билетом выгоню из училища!» Затем, передохнув, продолжал: Нехватает еще, чтобы вас арестовали, да в тюрьму. Ведь это же будет позор для всего училища!»...

«А? Подумайте!.. Ему революции захотелось!.. Чтоб больше этого не было! Слышите? Ступайте!..».

Я вышел из кабинета с маленькой надеждой, что все-таки меня не исключат. Только за поведение мне сбавили на единицу, да брошюр не возвратили. Вообще отделался легко. Этот факт устрашающего влияния на остальных товарищей не произвел. Наоборот, мы становились смелы до дерзости. В классе открыто читались прокламации, во время перемен пелись революционные песни. Учителя об этом знали, но никаких скорпионов против нас не пускали. Наш преподаватель Лапа был прекрасно осведомлен о нашей внутритоварищеской жизни. У меня до сих пор осталось убеждение, что в

самой нашей среде был товарищ, игравший роль доносчика, не говоря уже о множестве других мальчишек-фискалов. Лапа делал вид, что ничего не знает и не видит: в действительности он очень присматривался к нашей жизни, хотя кажется и не вредил нам. А присматриваться было к чему.

Вчерашние школьники, шалуны, ничем не интересовавшиеся, кроме ухаживания за гимназистками, сегодня рассуждают о свободе, о насилии, о борьбе с царизмом и его свержении. И это была не пустая юношеская болтовня. Некоторые товарищи, как Абрам Осоковский и Каменецкий удостоились даже ареста и суток по 7 провели в участке. Педагоги, кажется, об этом не знали.

О том, как отражалось революционное брожение на учениках, можно судить по одному маленькому, но характерному факту. Некоторые товарищи в задаваемые нам темы сочинений по русскому языку пытались вложить явно революционное содержание и откликнуться на современность. Вацлав Юшкевич, например, разрабатывая заданную нам тему «Утро старосветских помещиков» по Гоголю, высказал в своем сочинении целый ряд настолько оригинальных и смелых революционных мыслей, изобразив Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну типичными эксплоататорами, тунеядцами, живущими на счет труда своих крепостных, что трудно было бы поверить, что это пишет ученик городского училища. Сочинение Юшкевича было прочитано учителем и затем передано школьному совету. Совет тетрадь с сочинением задержал, предложив автору написать новое сочинение, не мудрствуя лукаво, — в духе министерской школы.

Чем сильнее революционное настроение охватывало нашу школу, тем больше развивалось фискальство и шпионство. На классных стенах и на училищных заборах очень часто можно было видеть надписи карандашом или мелом: «Юшкевич — социал-демократ», «Жуковский — эсеровец», «Каменецкий — сионист», «Батура — социалист», «Осоковский — бундовец» и т. д.

В описываемый период в городах и местечках Северо-Западного края огромную организующую и революционизирующую роль сыграли рабочие «биржи». Под биржей подразумевались какая-либо определенная улица, бульвар, городской сквер или набережная, где каждый день после трудов сходились рабочие, интеллигенты, члены профессиональных союзов и революционных партий. Здесь обсуждались и разрешались все наболевшие вопросы дня. Биржа представляла своего рода импровизированный уличный клуб. Тут встречались члены разных социалистических партий, здесь можно было назна-

чить любую конспиративную встречу, передать и получить литературу, прокламации и оружие.

На бирже велась агитация, читались газеты, обсуждались политические новости, происходили дискуссии и нередко, чуть ли не в глазах полиции, устраивались летучие митинги. Здесь же обсуждались и деловые вопросы: о забастовках, стачках, бойкотах, обструкциях и демонстрациях. Я не знаю ни одного провала или шпионской слежки на бирже. Биржа всегда кипуча, деловита и шумна, как пчелиный улей весной. Лица молодые, радостные, одухотворенные, полные боевой готовности и самопожертвования. Биржа хорошо знала «своих» в лицо, умела определять по одному взгляду «чужих», т.-е. посторонних лиц, чуждых революции. Появление нового человека становилось моментально известным, и через 10 минут уже знали «свой» вы или «чужой». Биржа была одновременно университетом, кузницей и художественной мастерской, где выковывались революционные батальоны, которым социалистические партии придавали тот или иной художественный оттенок и облик. Словом, биржа явочным порядком легализовалась и шаг за шагом завоевывала улицу, а с ней и права гражданства. И жители города смотрели на биржу и расценивали ее, как и всякое общественное учреждение. Только глубокая реакция в конце 1907 года загнала революционную биржу в подполье.

Была такая биржа и в Слониме. Летом она помещалась на набережной Огинского канала, а зимой и осенью на одной из центральных улиц города. На слонимской бирже почти у каждой группировки был свой киоск, торговавший сельтерской водой, папиросами и сластями; здесь можно было получить нужную справку, назначить свидание и т. д. Я помню, что такие киоски были у максималистов и бундовцев.

Весной, каждый день после уроков, мы, сменив свои ученические куртки на синие или красные косоворотки, которые мы носили с гордостью, спешили на биржу и толкались там до глубокой ночи. Нередко, собравшись огромной толпой, мы садились в лодки, отплывали подальше от берега и, причалив лодки одну к другой, устраивали настоящие митинги и массовки. В город возвращались с песнями, но ни один полицейский не показывался сюда; ведь это была для него запретная черта.

Наконец, пришла и революция, самая подлинная, живая, бунтующая, зовущая на улицу. Для нас, учащихся, она не была неожиданной и врасплох нас не захватила. Октябрьские события в Слониме прошли спокойно и бескровно в противовес другим городам. Слоним жил обычной жизнью: шумел базар, раз'езжали извозчики, по углам мирно дремали горо-

довые. В классе занятия прошли обычным порядком. Но вечером мирная идиллия нарушилась.

После уроков мы собрались на бирже. Оживление в этот вечер было почему-то слабое, народу было немного. Стало смеркаться. Улицы пустели. Но вот на другом конце началось какое-то оживление. Группы людей бежали в близлежащую городскую управу, выходили оттуда, размахивая руками, и горячо спорили. Что-то произошло, повидимому, серьезное — решили мы и бросились к управе. В этот миг все окна прилегающих к бирже магазинов осветились выставленными в окнах свечами, и биржа вдруг превратилась в иллюминованный уголок. Не успели мы подойти к управе, как из одного магазина выскочил приказчик и с криком: «Свобода» помчался по тротуару.

— Свобода! Свобода!

Этот крик заразил и нас. Мы со всех ног бросились к под'езду управы. Здесь мы узнали причину суматохи и оживления. Оказывается, «государь даровал всемилостивейший манифест о свободах».

— Не даровал, а сами взяли! — крикнул кто-то с сильным еврейским акцентом, и слова эти вызвали бурю восторгов. В одно мгновение над толпой взвился небольшой красный флаг и без слов, без пререканий шествие двинулось по Невскому проспекту[1], с пением революционных песен. Среди нас шныряла ватага детей и подростков — и все это сливалось в могучем порыве, в дружном хоре варшавянки.

В битве великой не сгинут бесследно,
Павшие с честью во имя идей...

Жутко и хорошо было среди этой массы людей, скованных одним общим порывом, одной могучей целью и стремлением... Мы двигались вперед, а вокруг нас уже трещали полицейские свистки и серые силуэты солдат и городовых спешили нам навстречу, стараясь охватить кольцом.

На перекрестке улиц патруль с исправником во главе остановил манифестантов, и песня боевой надежды оборвалась словами:

Время за дело приняться,
В бой поспешим мы скорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?

«Долой самодержавие!» — крикнул звонкий голос.

«Да здравствует свобода!» — ответил другой.

В воздухе прозвучал выстрел в виде салюта, и толпа, с криком «ура» стала расплываться в разные стороны. Полицейские бросились к знаменосцу, но знамя исчезло бес-

[1] «Невским проспектом» революционная молодежь называла одну из центральных улиц, где зимой находилась биржа.

следно, как исчезли и стрелявшие. Стали хватать первых попавшихся, кто был поближе. Взяли человек 10 рабочих и работниц, преимущественно будовцев, и отвели их в полицейский участок. Арестованные чувствовали себя героями и победителями и шли с высоко поднятыми головами, улыбаясь.

Улицы опустели, лишь кое-где оставались кучки рабочих, разгоняемых нарядами полиции и солдат. В душе у людей была огромная светлая радость, которая переплескивала через край. Поздно ночью я вернулся домой с тысячью мыслей и новых впечатлений в голове. Усталый, но счастливый я сегодня был во власти только одной силы, одной стихии — революции. Я знал и чувствовал, что принадлежу ей бесповоротно весь целиком.

В связи с революцией переродилась и вся жизнь. В училище мы ходили только по обязанности, так сказать, из приличия. Об уроках как-то не думалось. Они казались такими чуждыми, далекими и ненужными по сравнению с тем, что пришло.

В общих чертах наша школьная обстановка почти не изменилась. С грехом пополам мы отвечали уроки, выслушивали об'яснения учителей, но мысли были заняты другим, а в ящиках парт нелегальной литературы хоть отбавляй. Большинство учеников нашего городского училища не были захвачены революционными веяниями, тем ярче и рельефнее выделялись мы, революционное меньшинство, и это меньшинство не могло не обращать на себя внимания училищного начальства. Это было не потому, что мы были плохими конспираторами. Просто в нас было много непочатых сил, молодого задора, светлого энтузиазма, и мы бравировали нашей приобщенностью к революции.

Почти каждую перемену, лишь только учитель скрывался за дверью и часть школьников выбегала на улицу, стены старшего класса оглашались революционными песнями: «Марсельезой», «Варшавянкой», «Дубинушкой», «Смело, товарищи, в ногу», «Похоронным маршем». Скоро в моду вошла «Ученическая марсельеза», напечатанная в одной из легальных прогрессивных газет. К сожалению, в памяти сохранилось только два куплета:

На борьбу за свободную школу
Мы поднимемся в целой Руси.
Друг-товарищ, не падая духом,
Смело знамя свободы неси.
Циркулярным педантам заявим
Да известно пусть будет всем им,
Что мы ищем свободы и света,
Ненавидим их школьный режим...

После октябрьских дней по России прокатилась волна кровавых еврейских погромов. О подвигах черной сотни распространялись самые мрачные вести. Газет нельзя было читать без содрогания. Создалось погромное настроение и в Слониме и разлилось по всему уезду, особенно по таким местечкам, как Ружаны, Коссово, Бытень, Дятлово и др. В Слониме появился ряд подозрительных неизвестных лиц, усиленно муссировались слухи о погроме против евреев. Насколько погромная атмосфера была сильна, можно судить из того, что наш инспектор Батурин, монархист по убеждению, но повидимому не черносотенец, раза два обходил классы и отеческим тоном предупреждал учащихся, прося не шляться по городу в виду того, что в городе появились скверные люди, которые собираются произвести беспорядок, разгромить еврейские магазины и избить учащихся и евреев.

Если черносотенцы в Слониме готовились к погрому всерьез, то не дремали и рабочие организации. Немедленно создалась очень сильная еврейская самооборона, зорко следившая за всеми подозрительными людьми и местами. Нередко самооборона посылала отряды в местечки, где ожидался погром и предотвращала его. Единственная попытка устроить погром в местечке Коссове, во время призыва новобранцев, в октябре 1905 года потерпела неудачу. Коссовские бундовцы и максималисты с помощью слонимских товарищей направили бушующую толпу на казенные учреждения: волостное управление, почту и винные лавки, при этом последние были разгромлены до основания. Энергия, находчивость и организованность революционеров предотвратили погром...

Был поздний вечер, кажется, 1-го ноября. Слегка морозило. На бирже царило небывалое оживление и суета. Злобой момента было извещение Петербургского Совета Рабочих Депутатов о готовящейся второй всеобщей забастовке — протесте против предания военно-полевому суду севастопольских матросов-повстанцев, введения военного положения в Польше и еврейских погромов. Несметная толпа волновалась и бурлила. На всех углах разбрасывались и раздавались прокламации, устраивались летучие митинги, обсуждался текущий момент. Сбросив свои ученические значки, мы также слонялись по бирже и были заражены общим чувством.

На углу одной из улиц, упирающихся в биржу, к группе учеников городского училища подошло несколько рабочих. В кратких словах они изложили нам ход событий и призывали принять участие в готовящейся забастовке, организовав ее в в нашем училище. Если бы мы были осведомлены днем во время занятий, то организовать ее, пожалуй, было бы нетрудно. Но теперь, ночью, когда школьники разбросаны по своим

квартирам в разных концах города и ничего не знают о событиях, — это казалось почти невозможным.

Кто-то из товарищей подал мысль отправиться по ученическим квартирам, вызвать взрослых товарищей под благовидным предлогом на Невский, а малышам низших классов приказать от имени училищного инспектора не ходить завтра на занятия. Нас было человек 15—18. Разбившись по группам, мы направились по квартирам созвать учеников на биржу. В некоторых случаях мы действовали открыто, указывая цель созыва, но в большинстве пришлось хитрить и выдумывать, ссылаясь на распоряжение инспектора. И мы достигли цели. К одиннадцати часам ночи на биржу собралась огромная толпа учащейся молодежи. У большинства на лицах недоумение и любопытство. Столпились и ждут.

Через минуту к нам подошли представители социалистических партий, сообщили о положении дел в столице и приглашали принять участие в завтрашней политической забастовке. Для пущей убедительности пришлось пустить в ход и угрозу, что со штрейкбрехерами будет поступлено, как с предателями дела свободы. Говорили несколько ораторов — один за другим и, слушая их речи, хотелось не только бастовать, но и строить баррикады. Настроение среди школьников создалось боевое, повышенное. Против забастовки не раздалось ни одного слова. Но лично у меня и еще двух-трех учеников не было уверенности, что забастовка пройдет.

Как провели ночь мои товарищи — не знаю, но я не спал. Всевозможные мысли лезли в голову и гнали сон. Огромная радость бурлила в душе. И вместе с тем чувствовалось какое-то беспокойство. А вдруг забастовка, которую я считал актом первостепенной важности, не пройдет? Ведь завтра первый мой дебют. Завтра я первый раз активно и открыто выступаю и участвую в забастовке, следовательно, в борьбе с самодержавием. До сих пор все, что я делал, делал тайком, скрываясь и оглядываясь. А мне так хотелось подвига и жертвы, хотелось пострадать во имя свободы. Не даром же я, через некоторое время получив несколько нагаек от конного стражника, чувствовал себя героем и счастливцем!..

Ночь тянулась медленно, и, чтобы скоротать время, я раскрыл свой ученический сундучок, вынул из него пачку прокламаций разных партий и разных названий. Я перечитывал их, складывал и снова читал. Уснул я на рассвете. 2-го ноября, около 8-ми часов утра, я отправился на биржу. Учебников не взял, так как решил, несмотря ни на что, в училище не ходить. Будь, что будет... Улицы словно вымерли, прохожих почти нет, не видно извозчиков; магазины и мастерские

закрыты. Только на бирже большая толпа рабочих, а по углам улиц кое-где городовые. Тут же на бирже я встретил товарищей по классу. У них было такое же решение: сегодня не учиться... Мы стали разгуливать по тротуару в ожидании дальнейших событий.

Часов около 9-ти кое-где стали появляться одинокие фигуры учеников нашей школы. С учебниками под мышкой они направлялись к училищу. Опасаясь за исход нашей забастовки, мы стали их останавливать, пуская в ход все доступные нам средства и агитационные приемы, чтоб повлиять на малодушных. В большинстве случаев агитация имела успех. Через полчаса, когда уже собралась довольно внушительная группа учащихся, мы, переговорив с партийными рабочими, направились к воротам нашего училища, где уже толпились другие школьники, среди которых выделялась массивная фигура нашего инспектора Батурина.

Дрянь дело, — подумал я. — Занятия, вероятно, состоятся. Разве можно было надеяться на выдержку и стойкость моих однокашников, почти незатронутых революцией и в большинстве малолетних? Как были мы наивны, ожидая солидарности от малышей, а без них ничего не вышло бы...— «Напрасно мы показались на глаза инспектору, — говорит один товарищ, — он нас видит и теперь волей-неволей заставит итти в класс». Нужно бежать, решил я, ускользнуть незаметным образом из толпы и вернуться на биржу. Мы стали обсуждать создавшееся положение.

Нам, инициаторам забастовки, казалось позорным засесть в душном классе за учебники, когда вся революционная Россия сегодня бастует, выражая свой протест против зверств самодержавия. Лично я чувствовал себя очень скверно, другие товарищи не лучше.

Чем кончилась бы вся эта затея, трудно сказать, но нас выручили партийные товарищи, стоявшие тут же и наблюдавшие за учениками. Увидев, что дело может принять нежелательный оборот, и школяры по первому звонку хлынут в классы, рабочие быстро направились к инспектору и в вежливой, но категорической форме предложили училище закрыть в виду всеобщей политической забастовки и учеников распустить по домам. Инспектор, несколько взволнованный, но ожидавший этого, дал обещание занятий не производить. Когда рабочие отошли, Батурин, обращаясь к нам, сказал:

— «Господа! В виду происходящей смуты в стране и беспокойного состояния в городе, заниматься сегодня не будем, чтоб не раздражать бастующих рабочих... Прошу вас, не шляйтесь по улицам, идите спокойно по домам и благоразумно готовьтесь к завтрашним урокам... Ну, с богом»...

— «Хорошо, господин инспектор!» — прогудели радостные голоса, и толпа, предводительствуемая нами, двинулась на Невский проспект. Веселые, возбужденные, мы, казалось, летели на крыльях.

На углу Невского к нам присоединилась большая толпа рабочих и учеников еврейского городского училища. Какой-то оратор, взобравшись на плечи товарищей, произнес короткую, но зажигательную речь, призывая нас к дальнейшей борьбе с самодержавием. Тут же было решено обойти все учебные заведения города, сорвать там уроки, а затем устроить общеученический митинг. В этот момент к нам приблизился полицеймейстер с отрядом городовых и об'явил, что митинги на улице под открытым небом запрещены, и что для этого есть закрытые помещения. В ответ раздались крики негодования и толпа двинулась по Невскому. Впереди выбросили красный флаг, грянула «Варшавянка» и под ее напев мы направились к частной женской гимназии.

На балконе дома нас встретила радостная и улыбающаяся содержательница гимназии и, махая платком, сообщила, что гимназистки еще вчера об'явили ей, что заниматься сегодня не будут. Мы свернули к женскому пансиону Васениной и, прекратив занятия в классах, направились к первому церковно-приходскому училищу. Здесь занятия были в полном разгаре. Мотка Каменецкий и Вацлав Юшкевич с двумя учениками еврейского училища ворвались в класс и от имени всех учащихся потребовали прекращения занятий. Учитель вступил в пререкание и споры, но, увидев на улице манифестантов, уступил и ученики были распущены.

Во втором приходском дело обстояло почти также. Тут уж мы стали действовать настойчиво и быстро. Пока наши представители вели переговоры с учителем, часть товарищей рассыпалась по классам и стала выгонять учеников-малышей. Учитель об'явил, что, в виду требования учащихся и рабочих, он занятия прекращает, ученики могут итти по домам, но двое учеников старшего класса остаются в школе до вечера, как наказанные за шалости. Поднялся неописуемый шум и крик. Товарищ Крупеня, смеясь ему в лицо, об'явил, что его желание или распоряжение исполнено не будет, как нелепое и бессмысленное, что революционная молодежь сама освобождает их от наказания, как своих товарищей. Тем временем несколько товарищей с Каменецким во главе, ворвавшись к наказанным, распахнули дверь комнаты и с криком: «Товарищи, сегодня вы свободны, занятий не будет, идите вместе с нами», — освободили их. Освобожденные ученики присоединились к процессии.

Отсюда мы направились в народный дом. В громадном зале открылся митинг, на котором выступали преимущественно учащиеся. В речах было много революционного энтузиазма, молодого задора и глубокой веры в революционную борьбу, но больше было ненависти к царизму. Трудно передать через 20 лет то настроение, которое тогда владело нами. Помню только, что это были счастливейшие минуты в нашей жизни. Даже прокламации, лежавшие в моем кармане казались мне драгоценным кладом: я все время ощупывал их рукой, словно боясь их потерять.

По окончании митинга большинство учащихся и рабочих направилось в здание еврейской синагоги, где происходил грандиозный митинг по текущему моменту. Выступали бундовцы, эсеры, анархисты и кадет Якобсон, будущий член первой государственной думы.

В двадцатых числах декабря нас распустили на рождественские каникулы. С целой кипой нелегальщины я уехал к себе на родину в местечко Коссово, находившееся в 40 верстах от Слонима. Кажется, уже на другой день моего пребывания в Коссове, я попал на большой бундовский митинг. Мое появление среди коссовских партийцев было встречено с восторгом. Меня встретили как нежданного, но дорогого гостя. Ко мне подходили знакомые и незнакомые товарищи, жали руку, приветливо улыбались и засыпали вопросами о моей партийности. Многие были очень удивлены моим появлением. Об'ясняется все это очень просто.

В черте еврейской оседлости и в особенности в местечках Северо-Западного края социалистическое движение опиралось исключительно на еврейский пролетариат и интеллигенцию. Социалисты из христиан—поляков и русских были редкостью. Даже в Слониме русских социалистов едва ли было больше одного или двух десятков. Вот почему мое появление на митинге, с социалистической литературой в карманах не могло не быть замеченным. Большинство коссовских партийцев: бундовцев, сионистов, анархистов были моими сверстниками, знавшими меня еще с детства; еще не так давно мы вели войну на национальной почве, утопая друг друга тумаками. Теперь же облагораживающее веяние революции сделало нас братьями, разрушив кастовые и национальные рамки, делившие людей на эллина и иудея. Кроме всего, я был первым и почти единственным революционером из не еврейской среды в Коссове, если не считать 2—3 полуграмотных рабочих.

После митинга сапожник Яков Черномореч пригласил меня на заседание эсеровского кружка. В программах я разбирался очень слабо, но заметно тяготел к народничеству. Меня привлекал террор и аграрный вопрос, а имена Гершуни,

Созонова и Каляева говорили сильнее всяких доводов и диалектических приемов. Я охотно принял предложение Черномора и отправился с ним в соседнюю синагогу, где заседали «молодые эсеры», человек 15. Во главе коссовской группы молодых эсеров (максималистов) стоял студент горного института Лев Давидович Кроник, основатель группы, а впоследствии видный левый эсер, умерший в 1923 г. в Москве; остальные члены кружка были рабочие.

Здесь меня также встретили приветливо и дружески. Большинство было старые знакомцы, а с остальными я быстро познакомился. Из всей группы обращал на себя первое внимание Кроник. Невысокого роста, смуглый, с заметным еврейским носом и небольшими черными усами — он был тем характерным еврейским интеллигентом-революционером, которых так много выдвинулось в период 1903—1907 годов. Работник с солидным революционным стажем, Лев Давидович подошел ко мне, юноше - неофиту, как-то особенно любовно и дружески. Он долго беседовал со мной наедине, как бы желая изучить меня и определить мое внутреннее настроение. Условившись встретиться у него на квартире, мы приступили к общей беседе.

Кроник прочел небольшой доклад о различии программ социалистов-революционеров и социал-демократов. После обмена мнений, он же прочел статью из «Революционной России» о жизни Ивана Платоновича Каляева. На меня статья произвела потрясающее впечатление.

На следующий день я посетил Кроника. Он меня поджидал. Его небольшая узкая комнатка напоминала собой обычную студенческую. Кровать, стол, а на нем масса книг и газет, в том числе почти все номера «Революционной России». В беседе с ним я провел несколько часов. Кроник был природным агитатором и его беседы воспринимались легко и просто. Мы разбирали главным образом программы социалистических партий: социал-демократов, анархистов, п. п. с., социалистов-революционеров, только образовавшейся группы «молодых эсеров» (максималистов). Последнее, т.-е. максималистское течение было очень сильно в Белостоке и оттуда перенесено в Коссово. Мои встречи с Кроником продолжались почти каждый день и я все больше и больше воспринимал развиваемую им программу. Скоро я сообщил ему о своих взглядах и выразил желание вступить в коссовскую группу максималистов, куда меня приняли без всяких разговоров. Это было в конце декабря 1905 года.

В Слоним я вернулся с рождественских каникул уже в качестве члена группы. Меня снабдили рекомендательным пись-

мом на имя слонимского максималиста Иосифа Волаха, одного из основателей слонимской группы.

Я нашел его на бирже. Прочитав письмо, он тут же уничтожил его из конспирации, затем, расспросив меня о моей личности, о делах коссовской группы, он назначил мне свидание и мы разошлись. Наши встречи, при которых Волах вел со мной агитационные беседы продолжались недолго, так как он вскоре уехал в Белосток. Несколько позже его заменила Мария Толочинская и студент казанского университета Борис Рабинович, но об этом после.

Школьная жизнь пошла обычным порядком. Как то утром, в конце марта 1906 года, в нашем и соседнем классах на некоторых партах были разбросаны небольшого формата гектографированные прокламации. В них содержался призыв ко всем ученикам присоединиться к революционным рабочим, к отстаиванию политических свобод, а также и к борьбе за наши ученические права и вольности. В интересах этого ученики приглашались на рабочую биржу, чтобы совместно с учащимися других учебных заведений обсудить все наболевшие вопросы, составить требования, которые мы должны были предъявить своему начальству, и в случае их неисполнения объявить забастовку. Прокламация заканчивалась возгласом: «Да здравствует революция! Да здравствует свободная школа! Долой самодержавие!».

Воззвание быстро распространилось по всем классам и дало повод для всевозможных толкований. Настроение было приподнятое. Когда в нашем классе появился учитель, один из товарищей, как заранее было условлено, с невинным видом подал ему прокламацию, которую он во время перемены «нашел» в своей парте. Лапа схватил прокламацию и, как ужаленный, бросился в училищную канцелярию к инспектору. Какой там происходил разговор, неизвестно, но через минуту в класс ворвался раскрасневшийся инспектор с прокламацией в руках и, подскочив к ближайшему ученику, схватил его за грудь и стал трясти изо всех сил:

— Вы пойдете на собрание? — хрипел он и, получив отрицательный ответ, бросался к другому.

— Это вас «товарищи» призывают на собрание? Вы пойдете? — Нет! — лепетал испуганный и недоумевающий ученик, а инспектор уже бежал к следующему. Так обошел он буквально весь класс и, убедившись, что ученики на собрание не собираются, с недоумением продолжал:

— Так кого же они считают «товарищами»? На кого они рассчитывают, если вы им не товарищи?... Ведь вы же на собрание не пойдете? Не понимаю, — закончил он, пожимая

плечами. Уходя из класса, он проговорил свою крылатую фразу.

— Одним взмахом пера сделаю несчастным того, кто осмелится понти на собрание... С волчьим билетом!

Весной 1906 года в нашей ученической, преимущественно социал-демократической среде, появилось еще несколько эсеров: Вацлав Юшкевич, Леон Добрякович и др. Это было вскоре после нашумевшей московской экспроприации общества взаимного кредита, организованной Владимиром Мазуриным. Эта экспроприация произвела большое впечатление на многих из нас. Пропагандистскую и агитационную работу среди народнической части молодежи вела максималистка Маня Толочинская. Хорошо образованная, начитанная, прекрасно владевшая русским языком, она вкладывала много сил, энергии и умения в дело ведения максималистской работы среди молодежи. Почти ежедневно, после классных занятий, она поджидала нас на бирже и не меньше 3—4 часов проводила в беседе с нами.

Частые встречи сблизили нас и сделали друзьями. По моем от'езде из Слонима я несколько лет поддерживал с Толочинской самую живую связь. Последний раз мы встретились осенью 1908 года, перед моим от'ездом в Сибирь, когда я, уезжая, навестил слонимских товарищей. Кажется в том же году Толочинская эмигрировала в Америку по причине безработицы. В Нью-Йорке она поступила в гимназию, которую успешно окончила. О дальнейшей ее судьбе я ничего не знаю.

В конце апреля 1906 года в Слониме появилось двое серьезных работников-максималистов: курсистка Фаня Виноград и студент казанского университета Борис Рабинович. Фаню я встречал на нелегальных собраниях рабочей и учащейся молодежи. Через нее мы ознакомились с тогда довольно редкими максималистскими изданиями: «Вольный дискуссионный листок», «Коммуна» и некоторыми из брошюр. Фаня же ознакомила нас с сущностью максимализма. О ней у меня сохранились воспоминания, как о теоретически хорошо образованной работнице.

Борис Рабинович — типичный работник-массовик. Он целые дни был занят партийной работой, а свободное время проводил на бирже, помещавшейся на набережной — дамбе Огинского канала. В своей неизменной студенческой фуражке и форменной тужурке он был очень заметен в рабочей толпе. Он то полемизировал с бундовцами, то об'яснял кому-нибудь непонятное место из прочитанной книги, то вел беседу в ученическом кружке, то выступал на партийных собраниях,

то на массовках, везде с речами о характере русской революции. Я помню десятки его выступлений на собраниях и всегда его речи и доклады отличались серьезностью и логичностью. Рабиновича и Фаню Виноград я потерял из виду в конце 1907 года.

Приближался первомайский праздник по новому стилю (18 апреля ст. ст.). Подготовка к нему началась за несколько дней. Устраивались сходки, собрания, массовки, на которых делались доклады и произносились речи о значении празднования первого мая. Мы, учащиеся, решили принять участие в общем праздновании и постановили организовать забастовку в училище. Вошли по этому поводу в переговоры с партийными организациями и, заручившись их поддержкой, приступили к делу. Дня за два до праздника мы стали распространять среди учащихся прокламации, полученные от партийцев. Если не ошибаюсь, была выпущена на гектографе специальная прокламация к учащимся; но технически она была плохо отпечатана и ее с трудом можно было читать.

Накануне праздника мы организовали в кустарниках за городом, близ ружанского шоссе, нелегальную ученическую массовку, на которой присутствовало много рабочих. С речью о значении первого мая выступал максималист Борис Рабинович. Объяснив подробно историю возникновения первомайского праздника, он закончил свою речь призывом к учащимся выступить завтрашний день со всей трудовой Россией, примкнув к забастовке. Едва оратор окончил свою речь и приступили к обмену мнений, — как за близ лежащим холмом в небольшой рощице послышались крики и стоны полудетских голосов. В этот день было много собраний и массовок и нам было ясно, что одно из собраний провалилось и происходит полицейская расправа. Мы притаились в кустах, послав разведчиков узнать о случившемся. Через несколько минут нашим глазам представилась потрясающая картина: из кустарника, расположенного за холмом, бежала огромная толпа детей-подростков, разгоняемая конными стражниками и нещадно избиваемая нагайками. Дети падали от страха и нагаечных ударов, поднимались и вновь падали, оглашая воздух воплями, а палачи творили свое подлое дело.

Это были «молодые бундовцы», подростки лет от 11 до 15, собравшиеся на свое первомайское собрание и настигнутые полицией. В Северо-Западном крае у бундовцев и сионистов-социалистов, а иногда и у других группировок были свои юношеские организации рабочей молодежи, среди ко-

тором партийные товарищи вели революционно-воспитательную работу, готовя кадры будущих революционеров и в этом смысле эти юношеские организации имели большое значение.

Безоружные, слабые, мы бессильны были помочь избиваемым товарищам и, беспомощно сидя в кустах, наблюдали, как полицейские нагайки полосуют полудетские спины и лица. Один из полицейских заметил нас и, гикнув, кинулся в нашу сторону, за ним последовало еще несколько; остальные погнали в город арестованных «молодых бундовцев». Очередь пришла за нами. Завидев мчавшихся стражников, мы бросились в сторону городских огородов, местами огороженных высоким частоколом, и это спасло нас. Подгоняемые ударами нагаек, мы бросились на огороды и, увязая по колена в свежевспаханных грядах, превратившихся после вчерашней грозы в настоящую трясину, почувствовали некоторое успокоение. Напуганные, вспотевшие, мы кое-как добрались до частокола и, перелезши его, свободно вздохнули. От нагаек пострадало несколько человек, преимущественно девушек, которым было труднее бежать. Арестованных среди нас не оказалось — отделались мы страхом да нагайками. Зато очутившись на улице, мы почувствовали под'ем бодрости и душевного удовлетворения.

На бирже мы устроили небольшое совещание по поводу завершившегося праздника. Все пришли к заключению, что забастовку в училище организованным путем провести не удастся, какая уж тут организованность среди подростков и детей! Реально было сорвать классные занятия при помощи химической обструкции, материалом для которой нас в достаточном количестве снабдили партийные организации.

Биржа в этот вечер была необычайно многолюдна, шумна и оживленна. Звенели звонкие молодые голоса, слышался веселый буйный смех, резко звучали слова товарищей, споривших на политические темы, мелькали прокламации, передаваемые из рук в руки. В вечернем воздухе пахло молодыми листьями, травой и сыростью, поднимавшейся с тихих вод Обводного канала. И от этого пьянящего воздуха, от этих молодых задорных голосов было молодо и светло на душе. Хотелось петь и смеяться — так много восторга было в юношеской груди. А вдали на реке с группы лодок, на которых происходило партийное собрание, долетали слова песни:

Долой тиранов, прочь оковы,
Не нужно старых рабских пут.
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд...

Наутро, в день Первого Мая, я проснулся раньше обыкновенного, — почему-то не спалось. Был солнечный день, такой теплый, ласковый, настоящий праздничный. Я решил сегодня не учиться, чего бы то мне ни стоило. Сбросив свой ученический значок и ученическую тужурку, я в красной косоворотке и обыкновенном пиджаке, часов около 10 отправился на биржу. В городе никакого движения, улицы вымерли. Магазины, мастерские и заводы закрыты. Проходя по Невскому мимо магазина «Общество потребителей», не примкнувшего к забастовке благодаря черносотенному составу своих членов, я заметил на крыльце магазина, в компании каких-то чиновников, слонимского полицеймейстера. Он провожал меня недоверчивым хищным взглядом, пока я не отошел на далекое расстояние. Повидимому моя красная косоворотка резала глаза.

Дойдя до угла Невского, где улица сворачивает в сторону городского училища, я встретил ученика младших классов Боришанского, участвовавшего в «Молодом Бунде». Мы направились к училищу узнать, что там происходит и каково настроение учащихся. Мы подошли к моменту первой перемены, так как занятия в классах шли обычным порядком и забастовки не было. От товарищей мы узнали, что настроение среди старших учеников нервное, приподнятое. В классных комнатах развита химическая жидкость, воздух в комнатах невыносимый, некоторых тошнило. Педагоги обозлены, но шагов никаких не принимают. Мы повернули обратно. Боришанский на биржу, я прежним путем на Невский. У меня было намерение обойти Невский и выйти на биржу с другой стороны. На улице было попрежнему пусто, лишь разъезжали конные полицейские, да двое городовых вели в участок арестованную бундовку.

Не успел я пройти мимо магазина потребителей, как вдруг за моей спиной раздалось: «Молодой человек, остановитесь!»

Я понял, что зовут меня, но с невинным видом продолжал свой путь.

— Стой, говорят! — крикнул обозленный полицеймейстер и, когда я повернулся в его сторону, ко мне со всех сторон спешили конные и пешие городовые. По наружности я походил на ученика подмастерья и фараоны, вероятно, приняли меня за забастовщика. Полицеймейстер подошел ко мне.

— Кто вы такой?

— Ученик городского училища.

— Куда вы сейчас ходили?

— Ходил в класс узнать, есть ли сегодня занятия, — ответил я.

— Куда вы сейчас направляетесь и почему вы сегодня не учитесь?

— Иду домой за учебниками, чтоб вернуться в училище.

— Предлагаю вам немедленно вернуться в училище!

— Я должен прежде захватить учебники, чтобы... Но он меня прервал криком:

— Городовой, отведи его в класс и передай лично инспектору, скажи, что я прислал...

Выхода не было, и я, сопровождаемый городовым, направился в училище. Перемена еще не кончилась и меня встретила целая ватага школьников, разинувших рты при виде городового. На недоуменные вопросы моих товарищей, я вкратце рассказал, в чем дело, успокоив их, но сам я спокоен не был. В кармане брюк было несколько прокламаций, а меня могли обыскать. Конвоируемый городовым, я поднялся на крыльцо и в прихожей наткнулся на инспектора Батурина. Не обращая на нас внимания, он направился в канцелярию, но его остановил городовой и, указав на меня рукой, доложил, что привел меня по приказу полицеймейстера.

Инспектор остолбенел. Он был настолько взволнован, что не мог говорить. Опомнившись, он с какой-то болезненной гримасой, махая рукой державшему под козырек городовому, произнес: «ступайте, ступайте!» — словно отмахивался от надоедливой мухи. Я чувствовал себя далеко не героем и ждал тяжелых последствий. К моему удивлению, он не набросился на меня с обычным криком и угрозами, несмотря на то, что был взбешен до крайности. Как умный и толковый человек, он понимал всю бессмысленность и нелепость поступка полицеймейстера, арестовавшего его воспитанника, почти мальчика (мне было 16 лет) и тем самым вмешивавшегося во внутреннюю жизнь школы.

На его вопрос, я рассказал, что, будучи введен в заблуждение товарищами, что сегодня в школе занятий не будет, я пришел в класс без учебников, но когда убедился, что уроки происходят, то решил сбегать на квартиру за учебниками, но был арестован полицеймейстером и приведен сюда с городовым. Не знаю, поверил ли инспектор искренности моего рассказа, но его негодование против полицеймейстера, «опозорившего» училище вмешательством полиции в жизнь школы, не имело границ. Сделав мне отеческое внушение и пригрозив исключением из училища в случае и т. д., он отпустил меня в класс.

Тяжелый удушливый запах охватил меня, когда я вошел в классную комнату. Дышать было невозможно: атмосфера была наполнена каким-то одуряющим едким составом. По словам товарищей, весь первый урок прошел в этой обстановке, но наш учитель Лапа со стоицизмом выдержал до конца урока. Он был зле чорта, догадавшись о причинах вони, но уроков отменять не думал. Мы тоже вошли в азарт и перед его приходом вылили на пол 2 флакона зловонной жидкости. Вонь была так сильна, что разнеслась по всем классам и проникла в канцелярию совета. Прибежал инспектор, кричал во все горло, расспрашивал, грозил «одним взмахом пера сделать несчастными на всю жизнь тех, кто устраивает пакости», но, ничего не добившись, ушел. Когда в начале урока в класс вошел Лапа, то воздух чуть не сшиб его с ног. Он плохо владел собой от злости, что было видно по подергиванию плеч, по резким движениям рук и нервному пощипыванию бороды.

Раскрыв журнал, он с полузлой усмешкой поглядел на меня, прошелся по моему адресу насчет утреннего инцидента с перилами, но об уроках не спрашивал. В классе было тихо и мертво, урок тянулся вяло, ибо в такой атмосфере фактически заниматься было невозможно, но Лапа упрямствовал и его, как нарочно, злили:

Степан Матвеевич, меня тошнит, — внезапно раздается голос Добриловича, сидящего на «Камчатке» (так звалась задняя парта). Лапа молчит, словно не слышит, только лицо нервно передергивается.

Степан Матвеевич, разрешите выйти на двор, мне дурно, — стонет Юшкевич.

- Подыхайте, чорт с вами! — кричит Лапа, потеряв терпение, но жалобы продолжаются одна за другой.

— Степан Матвеевич, голова болит, не могу сидеть, пустите на улицу, — вопит кто-то снова.

— Скоты! — шипит учитель и, захлопнув с шумом журнал, выбегает из комнаты. В классе раздается гомерический хохот.

Если мы, ученики, задыхались в удушливой атмосфере по собственной воле, жертвуя сознательно собой, так сказать, во имя идеи первомайского праздника, то наши педагоги мучились из-за собственного упрямства, из желания сохранить свой начальнический престиж. Кому было хуже, угадать нетрудно. Но мы были неумолимы и решили сделать еще одну попытку, еще одно героическое усилие, чтоб сорвать урок. На большой перемене Абрам Осаковский, вызвав в укромный уголок меня и Батуру, передал нам пивную бутылку с одуряющей черного цвета жидкостью. Эта жидкость,

заранее приготовленная в ближайшей аптеке провизором-бундовцем, — была последней надеждой.

Мы с Батурой направились в класс, пряча под полой драгоценную флягу. В прихожей было пусто и дверь в нашем классе раскрыта настеж. Я занял сторожевой пост у дверей училищной канцелярии, Батура направился к двери нашего класса. Через секунду раздался треск разбитой бутылки. Батура швырнул ее об угол печки с такой силой, что она разлетелась вдребезги, забрызгав всю стену и, образовав на полу огромную черную лужу. Жидкость была так остра и ядовита, что несколько капель попавших на ботинки и брюки ученику Килинскому, прожгли их насквозь. Комната наполнилась таким едким и одурящим испарением, что оставаться в ней не было сил.

Сделав свое дело, мы незаметно выскочили во двор, вслед за нами с шумом и криком выбежали ученики, бывшие в классе, когда мы бросали бутылку. Не зная, в чем дело, они были напуганы и взволнованы. Им казалось, что революционеры бросили бомбу. На шум выбежал весь педагогический персонал и бросился в наш опустевший класс. Там на полу зияла черная лужа, блестели осколки стекла, а на стенах были черные брызги. Преступление было налицо, но виновника найти не удалось. На расспросах учителями совет выяснил, что бутылка с химическим составом была брошена ворвавшимися в класс неизвестными людьми.

РЕВОЛЮЦИОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Несмотря на открытые настежь двери и окна, вонь в классе не уменьшилась. Продолжать уроки в нашем классе не представлялось возможным. Лонг перевел нас в комнату первого класса. Здесь было не лучше и, промучившись минут 15, он принужден был прервать занятия. Фактически мы вышли победителями: уроки, хотя и к концу, были сорваны, и мы, внутренне удовлетворенные, направились по домам.

Под вечер, собравшись на бирже, мы десятки раз рассказывали рабочим наши первомайские подвиги и муки. Они смеялись и хвалили нас. В этот же день, с некоторым опозданием вышла гектографированная прокламация от имени «Союза революционных социалистов» (максималистов), написанная Борисом Рабиновичем. Она начиналась словами: «Первое мая, праздник труда и весны» и была очень тепло встречена товарищами. В сумерки, за высоким забором одного из огородов, прилегающих к бирже, мы устроили нелегальную массовку, на которой, кроме Рабиновича, выступало еще несколько человек. Разошлись далеко за полночь.

В конце мая начались выпускные экзамены. Все испытания я выдержал довольно легко и хорошо. Гораздо сложнее дело обстояло с алгеброй, геометрией и арифметикой, но и тут с грехом пополам, при помощи различных уловок, я кое-как получил удовлетворительный бал. Думаю, что этому содействовал наш учитель Степан Матвеевич Лапа, желавший, чтобы никто из его воспитанников не остался на второй год, что поднимало его репутацию, как хорошего педагога. Получив 6-го июня аттестат об окончании училища, обменявшись с друзьями фотографическими карточками, я сердечно распрощался со сторонними товарищами и уехал в Косов с целой кипой нелегальной литературы. Теперь я был свободен и передо мной открылся новый самостоятельный путь революционной работы.

Я. Д. Баум

К истории харьковских революционных кружков начала 70-х гг.[1]

В 6-й книге «Каторга и Ссылка» за 1930 г. мною опубликована «Программа для кружков самообразования и практической деятельности», которая была найдена в Москве при аресте 23 апреля 1871 г. «дворянки девицы Екатерины Трофимовой». Среди других бумаг, взятых у Трофимовой, было «письмо от 7 февраля 1871 г. на 10 почтовых листах от Владимира Малютина на имя Антонины Николаевны Балычевцевой, приставшее из Харькова с оказией, в котором говорится о движении и волнении между харьковской молодежи, устройстве ею касс и группировании в кружки, из которых наиболее солидным отличается кружок Козальского». В связи с этим 24 апреля из Москвы было предложено по телеграфу прокурору Харьковской судебной палаты «сделать немедленно обыск студентам Харьковского университета Владимиру Малютину, братьям Ивану и Якову Козальским и Людвигу и Владимиру Ренгард, которые обвиняются в сношениях с задержанной в Москве, за государственное преступление, Трофимовой и в составлении кружка самообразования и практической деятельности».[2] В деле № 65 III отделения за 1871 г. нет копий документов, взятых при обысках в Харькове, но там имеется сводка бумаг «забранных при обысках во время производства в Москве дознания по обвинению разных лиц в составлении тайного общества с противоправительственными целями».

В п.п. VI и VII этой сводки сказано:

«Бумаги студента Харьковского университета Владимира Малютина заключаются в письмах к нему от Трофимовой и одного письма Постникова[3].

---

[1] Дело III отделения № 65, экспед. III, 1871–1873 гг. «Об образовавшемся в Москве тайном политическом обществе».

[2] В Харькове началось тогда специальное расследование, к которому привлекались, кроме упомянутых выше лиц: помощник аптекаря г. Славянска Михаил Лазет, студент Харьковского ун-та Антонин Городецкий, гимназист Николай Печитый. Дело было прекращено в 1872 г. с учреждением строгого негласного наблюдения со стороны корпуса жандармов за привлеченными» к дознанию.

[3] О нем в п. IV этой сводки говорится: «у слушателя Петровской академии Владимира Ефимова Постникова не оказалось почти никакой переписки. Из двух карманных записных книжек видно, между прочим, что Постников занимался покупкой разных книг и учебных пособий иногда на значительную сумму — 100 руб., а также ста-

Письма Трофимовой к Малютиной отличаются от переписки всех других друзей последней и носят характер интимности и большой серьезностью и отсутствием всяких намеков на любовные между ними отношения. Из писем этих видно:

1) что Малютина устроила перемещение Трофимовой из Харьковского Повивального Института в Московский,

2) что находилось в бумагах Трофимовой письмо, адресованное на имя Поленова для передачи Антонине Васильевой (с подробностями о ней, каковых кружках) и что Малютиным и что письмо это было передано ею для прочтения Трофимовой и некоторым господами, для которых весьма интересно содержание одного,

3) что Трофимова находилась в весьма близких отношениях с Несмеловой»[1].

[1] В III Отделение [illegible] Поленова фотографических [illegible] Трофимовой и Васильевой.

[2] В III Отделение [illegible] Малютиной, сведения о которой имеются в архиве 1871 г. [illegible] в Петербурге обыск. В п. III указанной выше сводки о ней говорится:

«У дочери чиновника Софии Флегонтовны Несмеловой:

В числе бумаг найдены две записки, писанные на двух раз[illegible] по-видимому буквы.

[illegible] рассматри[illegible] Несмеловой судебно[illegible] жандарм[illegible] Сказано словесно [illegible] не могут, команда[illegible] к московском[illegible] стадны не ока[illegible] что [illegible] отсылаю [illegible] и [illegible] ведомству.

[illegible] III отделении смысл записок оказался следующим:

[illegible] Поленова [illegible] при помощи [illegible] обходительны поли[illegible] Один [illegible] анатомических [illegible] в новом [illegible] мало, но мы [illegible] Назад в Москве был [illegible] четверых [illegible] москвичей. Первого [illegible] в Москве [illegible] офицер Энгельгардт и [illegible] второй гимназии. От [illegible] с запреще[illegible] [illegible] запрещенных книг [illegible] деятельность [illegible] как присылка теле[illegible] Николя и велите ему [illegible] Алексея чтоб самостоятельного революционного кружка.

Социально-республиканский привет».

Значительная часть писем к Несмеловой, как от находящихся с ней в сношениях женщин, так и от студентов, [illegible] содержания таинственного или заговорщического характера. Однако все, при этом общем характере переписки Несмеловой, усматривается:

1. что только письма обыкновенного содержания, или, по выражению одного из привлеченных по этому делу, - письма благонамеренного вида, были посылаемы по почте, письма же другого рода посылались обыкновенно с оказиями,

2. что, кроме Перовской, находился в постоянной переписке с Несмеловой студент Петровской Академии Шестериков, именовавший себя дедом, и ряд других лиц.

[illegible] 1873 года Шестериков употреблял разные уловки к пересылке с Несмеловой (из Москвы в Петербург) при оказии книг [illegible] мая, он, зная [illegible] недели, Петровский намеревается приехать из Москвы, [illegible] железной дороги небитый чем-то чемодан».

Письмо Шестерикова к Малютиным [illegible] содержание этого письма [illegible] Вскоре [illegible] Трофимовой [illegible] Из-за [illegible] Трофимова [illegible] Нам [illegible] Москве дает мой адрес с двумя моими [illegible] одной Ив, другой Н [illegible] Это [illegible] под наше [illegible] поступят.

У студента Харьковского ун-та Ранда, [illegible] 2 письма от Трофимовой, из которых в одном [illegible] на счет покупки [illegible] в другом просит [illegible] Трофимовой, о новостях, которые сообщил Ковальский, если есть такие новости[1].

Как видно из дела у Малютина нашли 7 «писем и записочек» Трофимовой к тому Екатерина Трофимова была в сношении очень [illegible] деятельной, [illegible] [illegible] революционных кружков нашла 70-х гг. Об этой женщине в [illegible] литературе, кроме одной [illegible] [illegible] [illegible] журнала за 1930 г. (№ 95 стр.) и приведенных здесь фактов, ничего нет. Трофимова была арестована 21 апреля 1871 г. и освобождена 9 мая этого же года[2].

[illegible] Малютине имеется в воспоминаниях О. В. Аптекмана [illegible] О. В. Аптекман в 1871 г. в Харькове «[illegible] ввел в курс студенческих дел», он познакомился с главными кружками и их деятельностью.

«В тех, и других было и [illegible] время [illegible] Я вошел в один из кружков, [illegible] [illegible] [illegible] естественного факультета. Малютиным. Среди [illegible] [illegible] [illegible] и каким-то осо-

[1] [illegible] обыска [illegible] переписки с Трофимовой и вообще ничего подозрительного не найдено».

[2] 10 мая 1871 г. Московский ген.-губернатор князь В. Долгоруков [illegible] [illegible] III Отделения граф П. А. Шувалову, «что содержавшаяся [illegible] Тверском [illegible] доме дочь чиновника Екатерина Трофимова освобождена 9 мая из-под стражи по распоряжению прокурора Московской судебной палаты».

Как и где жила Е. Трофимова после своего ареста неизвестно. На мои устные вопросы в беседе с Е. Н. Ковальской она мне сообщила, что «во время Гейдельберга» [illegible] [illegible] т. е. в 1875-76 гг., она проездом через Курск останавливалась у Екатерины Трофимовой, как у лица, участвовавшего [illegible] в революционном движении, и что Трофимова в начале 1878 г. умерла от [illegible] в Петербурге.

бенным уважением. О нем говорили полушепотом, у него-де уже много раз были обыски и сейчас он будто бы находится под надзором. Когда я расспрашивал о нем товарищей, мне отвечали: «Малютин далеко видит». Это окружало его каким-то ореолом в моих глазах. В нашем кружке он вел дело тактично, говорил вообще мало, но тонкое политическое руководство его чувствовалось. Стал также захаживать и ко мне — все чаще и чаще, присматривался, зондировал меня — и опять-таки тонко, почти неуловимо. Частенько вели серьезные беседы на разные темы. О студенческих делах и научных литературных новинках. Эти беседы были для меня очень полезны, и я многим обязан Малютину. Но он тогда не выдавался на первый план в общей работе молодежи, он как бы нарочно (а может быть по иным соображениям) оставался «в тени»[1].

По данным «Био-библиографического словаря деятелей революционного движения в России» (т. I, вып. 2-й, 233 стр.) студент Московской Земледельческой академии Владимир Малютин в январе 1868 г. перешел в Харьковский университет. В декабре 1869 г. при обыске у Малютина нашли воззвание «Общества народной расправы», привлекался по Нечаевскому делу и был присужден к 7-дневному тюремному заключению за хранение запрещенной литературы. После чего находился под надзором полиции. В 1876 г. отправился добровольцем в Сербию. На мой вопрос, заданный Е. Н. Ковальской, знает ли она что-нибудь о дальнейшей судьбе Малютина, автора любимого письма, Е. Н. сообщила мне, что она слышала, что Владимир Малютин увлекся музыкой и совсем отошел от революционного движения, жил в Москве.

Харьков, 7 февраля 1871 г.

Пользуюсь представившейся оказией, милая Антонина Николаевна, чтобы порассказать вам о том, что у нас поделывается в Харькове. В последнее время Харьков решительно ожил после долгого периода вялой и бессодержательной жизни. Молодежь задвигалась, заволновалась... начинает группироваться в кружки, устраивает кассы, организует распространение дешевых книг и наконец кладет начало своей библиотеке. Было ли время, когда разом бы начиналось столько предприятий? Я по крайней мере не помню другой такой же эпохи в жизни Харьковского студенчества.

Для меня лично, Харьков в настоящее время представляет необычайно много интересного, и живется мне лучше, чем когда-нибудь прежде. Впрочем, я постараюсь говорить вам по порядку как и что делают харьковцы.

Вам известно уже, зачем Ковальский ездил в СПБ. Вернувшись в Харьков, он на нескольких сходках рассказал, как может быть организовано на прочных началах сношение с С.-Петербургом относительно получения книг по дешевым ценам, и показал необходимость в устройстве

[1] О. В. Аптекман «Общество Земли и Воли». Петроград, «Колос», 1924 г., стр. 51.

денежного фонда для этой цели. Он говорил, что для этой цели необходимо минимум 200 руб. Далее он говорил, насколько желательна и полезна была бы для молодежи библиотека, которая велась бы самим студенчеством, хотя бы и была официально открыта на имя какого-нибудь частного лица. Но так как на это предприятие требуется с первого же раза довольно почтенный куш денег, а собрать его он не ожидал, то на первом плане он ставил прежде всего необходимость только денежного фонда для распространения дешевых книг. Одним словом, он рассчитывал при самых благоприятных условиях собрать не более 250 или 300 р. Действительность превзошла самые смелые ожидания. В короткое время было собрано около 600 рублей и на-днях будет собрано по подписке через Алчевского[1] еще до 100 руб. серебром. Деньги собирались различными путями: частью по подписке, частью из наших касс, которые выдавали рублей по 50 или безвозвратно (как медицинская касса, в которой я участвую), частью заимообразно на годовой срок, как сделала одна молодая касса, незадолго перед этим только возникшая. Одним словом, молодежь отнеслась к этому предприятию самым сочувственным образом.

В виду этих предприятий, осуществление которых студенчеством возможно только с о о б щ а, возникла мысль о необходимости слияния отдельно существующих касс в одну общую. Начались переговоры, общие собрания, обсуждения этого вопроса. Не потому ли, что мысль эта недостаточно еще уяснилась в сознании каждого, или потому, что основные принципы различных касс часто диаметрально противоположны между собой, только вопрос о соединении касс идет очень туго, а некоторыми кассами прямо-таки отложен до сентября. Что касается нашей кассы, то у нас примешалось еще одно обстоятельство, которое вызвало раскол между членами, так что нам приходится прежде всего позаботиться о с л и я н и и самих наших членов в о е д и н о.

Дело вот в чем:

Когда Ковальский провел мысль, что кассы могли бы оказать существенную помощь в образовании денежного фонда для книжной торговли, то мой кружок, собравшись у меня, после долгих и горячих прений остановился на следующем решении: «членам кассы взять из капитала, назначенного для займов, заимообразно 50 руб. серебром и отдать эти деньги б е з в о з в р а т н о на книжный фонд. А чтобы

[1] По свидетельству Е. Н. Ковальской, подписку производил не Алчевский, а его жена Х. Д. Алчевская. См. ниже статью Е. Н. Ковальской.

кассе от этого не было ущерба, члены, взявшие на себя эти 50 рублей, уплачивают их в кассу в определенный срок. Всех членов, записавшихся на такой заем в 50 рублей для книжного фонда, было 25 человек. Значит, на долю каждого приходится по 2 руб. сер. Для облегчения уплаты в кассу этих 2 рублей срок должен быть дан 8-месячный, так что приходилось доплачивать к ежемесячному взносу из 50 копеек еще только 25 копеек. Кажется расчетливее и безобиднее этого трудно было что-нибудь придумать? Здесь именно «и волки сыты, и овцы целы».

Но нашлись-таки люди (разумеется меньшинство), которые остались этим очень недовольны. Они хотели, чтобы капитал кассовый даже и временно не ослаблялся таким образом. Так как они с своей стороны представляли несколько доводов с известной точки зрения вполне верных и основательных, но взамен моего предложения другого не представляли, а прямо только отрицали его, то общее собрание путем голосования все-таки (по большинству голосов) решило принять предложение моего кружка и выдать 50 рублей на этих условиях. Это-то обстоятельство выяснило существование 2-х, так сказать, лагерей или партий в нашей кассе: одной, — которая думает, что цель кассы оказывать исключительно только одну материальную денежную помощь нуждающимся членам; другой — которая, не отвергая денежной помощи, рядом ставит и другие предприятия, почему-либо особенно выгодные и полезные членам кассы в данный момент времени. Так как устав нашей кассы во многих отношениях был не точен и не ясен, а местами в нем были даже и пробелы, то собрание нашло нужным сделать вторичный пересмотр, и дальнейшую разработку нашего устава и работу эту возложило на собрание представителей. Работа эта приводится нами уже к концу, и на-днях значит должно последовать окончательное выяснение как характера, так и направления нашей кассы. Что касается книжного и библиотечного дела, то мы (т. е. все участвовавшие в образовании фонда) избрали из среды своей комиссию с участием Ковальского, которой поручили выработать проект организации обоих этих предприятий. Их работа теперь тоже близится к концу.

Теперь расскажу вам кое-что об образовании нескольких кружков с целью самообразования в широком смысле этого слова.

Таких кружков существует, сколько мне известно, пока еще только 3. Один кружок Ковальского и 2 кружка, образовавшихся вновь. Пожалуй причтите сюда еще 4-м наш кружок (я вам говорил уже о нем, когда виделся с вами в

Москве) в котором участвовали и А. И. и Королева[1] и Недавняя[2], занятии которого ограничивались только чтением и беседой.

Из всех этих кружков кружок Ковальского отличается наиболее солидным характером, поэтому я скажу о нем несколько больше. Исходя из той точки зрения, что каждому придется в будущем работать в качестве общественного деятеля именно в России, делается очевидным полнейшая невозможность обойтись без основательного и многостороннего знакомства с Россией. Необходимо ознакомиться не только с общественным управлением, но также надо знать и физические условия страны, ее торговые и промышленные силы, местное распределение природных или натуральных богатств по всем 3-м царствам природы; систему распределения богатств в различных классах общества и распределения налогов, наконец, народное образование и т. д.

Далее, чтобы хорошо понять современный уровень нашей цивилизации, необходимо знать существующую степень цивилизации других образованных народов как Европы, так и Америки, знать, что там хорошо, что худо, короче, надо сделать обзор европейских государств и Америки с этой точки зрения.

Как видите, все это вещи такие, без которых, пожалуй, и невозможно обойтись каждому гражданину, независимо от той или другой специальной деятельности, которую он себе избрал.

Для лучшего выполнения такой задачи т.-е. знакомства с Россией и теперешним положением европейских государств, каждый член взял на себя разработать ту или другую сторону вопроса на основании всего, что дает по этому поводу наука и литература. Труд, как видите, очень почтенный и требующий много времени и много знаний.

Так как кружок Ковальского наполовину состоит из специалистов, уже окончивших курс университета, то для них выполнить такую задачу в течение одного года быть может будет и возможно, но другим такая задача, разумеется, не по плечу.

---

[1] Е. Н. Ковальская указывает, что здесь имеется в виду Королевцева, учительница гимназии. «Вышла замуж за офицера, зажила семейной жизнью».

[2] «Вышла замуж за помещика, занялась домашним хозяйством» Имен этих двух участниц малютинского кружка Е. Н. Ковальская не знает.

Далее, чтобы держать свои на уровне современных событий, быть так сказать au courant событий дня, они решились собираться по одному разу в неделю и на этих собраниях каждый по очереди будет делать доклад о том, что произошло в эту неделю в той или другой области общественной жизни, или в политике западных держав

С этой целью каждый из них берет на себя какой-нибудь отдел и пр. Ковальский взял на себя народное образование, другой господин взял внутреннюю хронику, третий политику Франции и т. д. и следит уже за этим отделом по газетам и журналам.

Я в этом кружке принимаю участие только как гость или посетитель, т. е. бываю на еженедельных собраниях, когда читают доклады, самостоятельного же труда я пока на себя еще не взял.

Остальные 2 кружка, из которых в одном я состою членом, так недавно еще возникли, что о них могу сказать еще очень немного.

В них занятия пока ограничиваются только чтением и беседами, а в будущем предполагается представлять письменные доклады или рефераты по различным вопросам. В этом кружке принимают участие между прочим, Чирикова [1], Хоналченко [2], Королева, Недавняя и Олешенко [3]. Наконец наш старый кружок в скором времени, вероятно, за ненадобностью упразднится, потому что все члены его вошли (за исключением А. И.) в состав нового кружка.

Теперь следовало бы сообщить вам основания, которые выработаны комиссией для организации библиотеки, но я завтра буду только в комиссии и узнаю, что сделано, теперь же пока не имею никаких сведений. Между тем господин, через которого я посылаю вам это письмо, уезжает завтра утром и просил, чтобы я сегодня же вручил ему письмо к вам.

[1] Е. Н. Ковальская сообщает, что «Чирикова была потом учительницей в Харьковской женской гимназии, работала в школе Алчевской и участвовала в составлении книжки «Что читать народу». Вышла замуж кажется за врача Гордеева».

Действительно, среди 12-ти авторов известной в свое время двухтомной книги «Что читать народу» («критический указатель книг для народного и детского чтения, составлен учительницами харьковской частной женской гимназии»). На втором месте после Х. Д. Алчевской значится Е. Д. Гордеева.

Харьковская частная женская воскресная школа открыта в 1870 году.

[2] «Хоналченко рано умерла», — больше Е. Н. Ковальская об этой женщине ничего не знает.

[3] По словам Е. Н. Ковальской «Олешенко вышла замуж и зажила семейной жизнью».

Не взыщите, что пишу вам наскоро, бестолково и неопрятно. Тороплюсь окончить и потому, мало обращаю внимания на внешнюю сторону письма.

Скажу вам несколько слов о себе:

Вот уже месяца два, как я преисполнен самой лихорадочной деятельности. Время расчитано не только по дням, но даже по часам. Я вам перечту только различные отрасли своей деятельности и вы поймете, есть ли у меня какой-нибудь досуг. Во 1-х, лекции — почти ежедневно от 9 ч. и до 2-х. Потом кондиции в 3-х местах, которые в сумме составляют 7 уроков в неделю. Потом участие в 3-х кружках, в каждом собрания бывают раз в неделю. Потом дела по кассе: собрания представителей один раз в неделю, прибавьте к этому теперь разработку устава кассы и время от времени собрание кружка кассового у меня и, наконец, общие собрания по кассе. В результате за последние 1—1½ месяца у меня почти не было ни одного свободного вечера, которым я мог бы посвятить для приготовления к экзамену, а ведь он не за горами. Обыкновенно я в 9 часу утра ухожу на лекции и возвращаюсь домой уже в 12 или первом часу ночи. Такая деятельная жизнь меня не только не утомляет, напротив, я никогда не чувствовал себя так бодро, так хорошо, как в настоящее время.

Впрочем, такая жизнь долго продлиться не может. Скоро мне придется отказываться от всякой мирской суеты и все время посвятить зубристике к экзамену. В самом деле, как только дела кассы и литературно-научных кружков установятся на прочных началах, так я сложу с себя всякие полномочия и обязанности и удалюсь, засяду дома и начну зубрить.

О многом еще хотелось побеседовать с вами, моя милая Антонина Николаевна, да некогда, теперь уже 2-й час ночи и завтра мне надо рано встать, чтобы в 9 часов утра отправляться уже на уроки, лекции, собрания и т. д. Можно бы отложить окончание письма на завтрашний вечер, но тот господин, с которым я отправляю письмо, едет непременно завтра после обеда часа в три пополудни.

На прощание я попрошу вас отписать мне так же подробно, что поделывается хорошего у вас в Москве, как идут ваши кружки? Наконец, в каком положении находится студенческая кухмистерская и оказывает ли она какое-нибудь влияние в смысле сближения студентов между собой. Как идут дела вашей кассы, как она организована etc... Все эти вопросы для меня весьма интересные, и мне чрезвычайно желательно было получить на них по возможности обстоятельный ответ.

Впрочем считаю не лишним предупредить вас, чтобы вы имели в виду, что здесь так же легко, как и в Москве, могут вскрыть письмо на почте и прочесть кто-либо из полицейских, а тем более письмо, адресованное на мое имя. Поэтому лучше писать с оказией, которая вероятно будет представляться нередко.

В приискании такой оказии вам существенно могут помочь, я полагаю, Горовиц [1] и Щербаков [2], которым вы скажете при случае то, что я пишу вам о харьковцах; вы передадите им также, как желательно мне было бы узнать и от них о тех вопросах, с которыми я давеча обращался к вам. Быть может, опыт москвичей был бы на пользу и нам, харьковцам.

Наконец, если оказии долго не представится и вы не найдете возможным писать мне об этих вопросах, пишите во всяком случае о себе, хотя бы простое житейское письмо самого благонамеренного цвета. Это все же лучше, чем довольствоваться скудными сведениями о вас из уст А. Ив. Напишите подробнее о Людмиле.

Всем нашим общим знакомым, которые помнят или интересуются мною, передайте мой привет и поклон.

Засим, крепко вам пожавши на прощанье обе ваши руки и пожелавши вам всевозможных преуспеяний, остаюсь известный вам *Влад. Иван. Малютин.*

[1] Иосиф Львович, студент Москов. Универс. О нем см. „Каторга и Ссылка" № 6 (67) за 1930 г., стр. 89—95, а также О. Аптекман „Московские Чайковцы". „Русское прошлое", сб. 2. 1923 г. Е. Н. Ковальская указывает, что Горовиц был впоследствии профессором в Финляндии.

[2] Николай Семенович, активный участник и руководитель московских революцион. кружков того времени.

Е. Ковальская

По поводу письма В. Малютина

(К статье Я. Д. Баумана „К истории харьковских революционных кружков").

Малютин в своем письме довольно верно рисует картину общественной жизни Харькова в 1871 году в связи с возвращением Я. И. Ковальского из Петербурга после бывшего там студенческого с'езда. Но совсем неправильно изображает умственную жизнь Харькова до 1871 года, говоря о влиянии возвращения Ковальского из Петербурга: «Харьков решительно ожил *после долгого периода вялой и бессодержательной жизни» (курс. наш. Е. К.)*. Правда, возвращение Ковальского особенно всколыхнуло умы молодежи, но Харьков не спал, а жил очень интенсивно и до 1871 года.

В этом отрывке моих воспоминаний я хочу проследить, как под влиянием очень разнообразных факторов, постепенно на моих глазах развертывалась общественная жизнь, начиная особенно со второй половины 60-х годов.

Многие реформы 60-х годов вызвали большое брожение умов не только среди молодежи, но и среди более солидных по возрасту обывателей.

Отмена крепостного права создала огромный сдвиг всей жизни, вызвав у одних насущный вопрос — заботу об устройстве своего материального положения (особенно этот вопрос затронул женщин привилегированных классов, которым до этого момента не приходилось заботиться о своем материальном положении); у других вызвал потребность в высшем образовании, которое дало бы ключ к разрешению нахлынувших вопросов, встревоживших умы. В то же время чуткая молодежь почувствовала долг по отношению к крестьянству, которое до этого предоставляло ей возможность беззаботно предаваться «искусствам, наукам», когда «жизнь катилася шутя»... Это сознание какого-то долга появилось не только у одной молодежи, но и у разных солидных людей, не отупевших окончательно в обывательском болоте. Многие из

первых выборных мировых судей были действительно охвачены энтузиазмом служения народу (я имею в виду не только таких исключительных мировых судей, как Ковалик и Войнаральский, которые потом стали видными революционерами).

Одним из ярких примеров охватившей волны служения народу представляла Христина Даниловна Алчевская[1] Владелица лучшего чайного магазина в Харькове, жена крупного биржевика, широко обеспеченная женщина, заводит у себя в доме школу дарового обучения грамоте детей бедных рабочих. Постепенно расширяя школу, она всецело отдалась этому делу. Перешла к устройству большой прекрасной воскресной школы, подобрав хороших бесплатных учительниц, с которыми выпустила очень ценную книгу «Что читать народу». При школе была хорошая библиотека, которой пользовались не только ученицы, но их семьи. В этой школе между прочим работала известная Калмыкова.

Стали появляться небольшие мастерские-коммуны, помню переплетную, швейную и банкирную. Это не была еще подготовка к «хождению в народ», — коммуны были *самодельно*, стремлением устроить жизнь на новых трудовых началах с общею кассою. Заработки распределяли в переплетной по потребностям, а в двух других — поровну. Работали усердно, но неумело. Несмотря на это, имели заказы люди, поощрявших женскую самодеятельность.

Были такие случаи: приезжает ко мне незнакомая молодая девушка из Купянского уезда, просит помочь ей разрешить мучивший ее вопрос: достался ей кусок земли после смерти родителей, как надо правильней поступить, отдать ли землю бесплатно бывшим крепостным (которые живут зажиточно) или построить школу для них или продать землю, а деньги отдать на какое-нибудь нужное общественное дело.

А вот из другой области: приезжает ко мне незнакомая интеллигентная женщина, ее терзает вопрос, правильно ли она поступила, покинув любимого мужа, с которым была вполне счастлива, но который решительно не соглашается, чтобы она стремилась существовать собственным трудом при полной обеспеченности мужа. Так было среди интеллигенции.

Но были в то же время интересные случаи пробуждения мысли неграмотных женщин. Пришла ко мне молодая крестьянка из ближайшей деревни под Харьковом.

— Я к вам, помогите!

[1] Малютин ошибочно говорит в своем письме о ее муже, подписку собирала она.

— В чем дело?

— А вот какое дело. Освободили нас от помещиков, а мы, бабы, как были крепостными наших мужьев, так и остались. Что же теперь нам делать? Посоветуите как же нам добиваться своих правов? Бьет меня муж-пьяница вот уже сколько лет, а убегу от него, он меня через полицию по этапу как арестантку выпребует, и еще пуще бьет...

Большое влияние на умы молодежи имели гласные суды. Зал суда всегда бывал переполнен молодежью. Мы, гимназистки последних классов, гимназисты, студенты по окончании занятий врывались в зал суда и просиживали часто до поздней ночи. Там перед нами в процессах развертывалась жизнь — не в повестях и романах, — а в образах живых людей.

Молодой товарищ прокурора маленький, худенький с незначительным, незаметным лицом, постепенно разгорался пламенем в своей речи, становился большим, захватывающим. Обвиняя подрядчика, который из скупости не сделал подпорок при земляных работах, строившейся тогда Харьковской жел. дор., следствием чего обвалом убило нескольких рабочих, прокурор блестяще нарисовал картину эксплоатации бесправных, забитых рабочих, их вообще тяжелое положение, призывая карать беспощадно эксплоататоров. Эта речь ранее, чем мы прочли статьи Шелгунова о пролетариате, заставила нас задуматься над рабочим вопросом. Молодой товарищ прокурора был Анатолий Федорович Кони.

Судились крестьяне за бунты, они отказывались при размежевании брать негодную землю взамен хорошей, которой пользовались в продолжение крепостного времени. Здесь мы в первый раз увидели закованных людей. Впечатление было потрясающее. Долго звон кандалов преследовал нас.

Драматична была судьба крестьянки, убившей своего мужа, которая предпочла каторгу совместной жизни с извергом, безнаказанно издевавшемся над нею.

Все это будило мысль, наглядно знакомя с жизнью.

Некоторую лепту в наше развитие внес учитель истории Одарченко. Человек флегматичный, обыкновенно спавший во время уроков, совершенно преображался, когда доходил до истории великой французской революции. Горячо, красноречиво рисовал момент энтузиазма масс, образы вождей. Заражал нас своим настроением. По его рекомендации я прочла Ламартина «Жирондисты», эта книга, художественно написанная, вызвала целую бурю в моей голове.

В этот период я встретилась с одной из бывших учениц учителя полтавской гимназии Стронина (сосланного в это

время на север за противоправительственное направление. Не помню теперь, в чем именно он обвинялся). Анна Федоровна Тимофеева, захваченная новыми веяниями, была одна из первых студенток университета, когда одно время в 60-х годах был разрешен доступ женщинам в мужские университеты. Она познакомила меня с тогдашними передовыми журналами «Русское Слово», «Современник», с Некрасовым. Отчасти под ее влиянием мною был организован первый кружок самообразования из гимназисток старшего класса. Начали мы чтения Вундта «Душа человека» и Спенсера.

Одновременно независимо от нашего кружка студент физико-химического факультета Яков Игнатьевич Ковальский организовал кружок самообразования из студентов университета. По предложению Ковальского наши кружки слились в один общий большой, который стал собираться в большой квартире либеральной семьи Шабельских, дочь и два сына которой участвовали в кружке. Ковальский, наиболее образованный из всех нас, увлекался в это время Контом и стремился провести в кружке обширную программу образования по Конту, требовавшую нескольких лет. Программа начиналась математическими науками и заканчивалась общественными. Для того, чтобы быть общественным деятелем, надо быть многосторонне образованным. Не все в кружке были согласны с такой обширною программою. Математика была категорически отвергнута. Помирились начать с космографии и астрономии, которые стал нам излагать Ковальский. Был комичный случай: одна правоверная последовательница Конта не решалась прочесть «Что делать» Чернышевского, пока не пройдет всю программу, рассчитанную по меньшей мере на четыре года. Двое из кружка — я и Лазарь Гольденберг (впоследствии известный эмигрант)—находили программу слишком длинной, мы рвались в живую работу, стремились скорее ознакомиться с общественными вопросами. Туманный образ Рахметова нам не давал покоя. Гольденберг даже пробовал спать на постеле с гвоздями, подражая Рахметову, дабы приучить себя к будущим пыткам, хотя самое понятие о деятельности, за которую могут последовать пытки, было тогда у нас еще весьма смутное. Доносились слухи об арестах, ссылках, но чем все это вызывалось мы не знали. Книги, которыми мы в это время зачитывались, были: Мордовцев (особенно «Знамение времени»), Костомаров, Щапов, Смайльс («Самодеятельность»), Милль (кроме политэкономии, к которой мы тогда еще не приступали), Бокль, Дарвин, Спенсер.

Выстрел Каракозова поднял дебаты в нашем кружке. Большинство было против террора. Ковальский упорно стоял

за мирную эволюцию, за распространение грамотности и вообще знаний среди народа.

Наш кружок начал переходить к изучению рабочего вопроса (статьи Шелгунова и др.), к женскому и к вопросу семьи.

Вне нашего кружка возникла потребительская кооперация. Начало этому движению было положено — насколько мне помнится — мечтателем-утопистом Балиным. В кооперации работали Имшенецкий, Бриллиант, других не помню. Балиным была основана первая публичная библиотека в Харькове и книжный магазин. Помню его тонкую, худую фигуру с густыми серебристыми волосами с лихорадочно горевшими глазами, вечно суетящуюся в библиотеке. Он так был непонятен обывателям своими проектами-фантазиями, что его считали сумашедшим, каковым он ничуть не был. Его помощником и главным работником в библиотеке был Дилевский, сосланный впоследствии за участие в харьковском бунте во время пасхи.

Были еще кружки: курских студентов, в них были А. Леонтьев, Хитрово и др. Небольшой кружок украинофилов с Н. В. Ковалевским во главе, впоследствии мужем М. П. Ковалевской, урожденной Воронцовой.

В конце 60-х годов, окончив гимназию, получив в наследство после смерти отца дом, я вместе с Ковальским организовала в моем доме бесплатные лекции для женщин, стремившихся к высшему образованию. Мы привлекли к этому доцента университета Е. М. Деларю, который начал читать у нас курс естественных наук; студент Фесенко читал политическую экономию, Гончаров — историю, Рунге и Дзивинский — математику. Главная работа как лектора и организатора лежала на Ковальском, он читал космографию, физику, химию, астрономию. На лекции приходило столько женщин, что не хватало места.

Здесь же я организовала вечерние занятия с работницами-модистками (это были более развитые из женщин-работниц). В Харькове в это время не было ни фабрик, ни заводов. Было человек 30 учениц, которые довольно правильно посещали эти курсы, исключая предпраздничных недель, когда модные магазины бывали завалены заказами и модистки работали и по ночам, не смыкая глаз.

В то же время я организовала кружок более развитых женщин, которые стали интересоваться социализмом. Мы начали знакомиться с социалистами-утопистами Фурье, Сен-Симоном, Оуэном, Кабэ. На русском языке почти ничего не было в этой области. Максим Максимович Ковалевский самый молодой в это время в наших кружках, владея хорошо ино-

странными языками помогал мне, хотя сам не увлекался социализмом, был тем, что называлось тогда «радикалом», понятие в это время весьма растяжимое, но выражавшее недовольство, неприемлемость существовавшего политического строя, неприемлемость старых устоев вообще. О «хождении в народ» тогда у нас еще не было речи. Надо не забывать, что это были еще 60-е годы.

С крестьянством у нас установилась связь посредством сельских учителей. По праздникам ко мне в дом наезжали учителя и учительницы из уезда. Ковальский знакомил их с новыми методами преподавания (он был прекрасный педагог и следил за этою литературою). Я вела агитацию против существующих несправедливостей, неравенства и т. п. Учителя в свою очередь вели беседы в деревнях с наиболее подходящими крестьянами. У меня была хорошая библиотека, которой они пользовались. Нелегальных книг у нас тогда еще не было.

Особенно широкою волною развилась в Харькове в это время агитация по женскому вопросу. Устраивались сходки, на которых бывало по 200—300 человек. Участвовали не только женщины. На сходках бывали учителя гимназий, профессора, мировые судьи. Среди женщин, наиболее активно выступавших, была моя близкая приятельница Анна Антекман и двоюродная сестра Ос. Антекмана). Перетяковцева, одна из очень немногих первых женщин окончивших университет, впоследствии спустя много лет после этого, заведывала зоологическою станцией в Севастополе. Три сестры Ворошцовы Лидия, Ольга и М. П. Ковалевская (покончившая самоубийством на Каре). Иванова-Раевская, художница, окончившая академию за границей и основавшая в Харькове школу живописи.

После многих бурных собраний было решено выбрать комиссию для разработки практических мер для завоеваний прав женщин. В комиссию были выбраны профессора: Н. Н. Бекетов, юристы Стоянов и Владимиров, химик — Гарнич-Гарницкий. Из женщин я и Раевская. Комиссия большинством голосов решила использовать приезд в Харьков министра народного просвещения Дмитрия Толстого, послать к нему выбранную делегацию с петицией, в которой требовать разрешения женщинам вступать в университеты. Петиция была покрыта огромным количеством подписей лиц самых разнообразных положений. Делегатками были выбраны Раевская, Анна Антекман и я. Министр принял нас очень сурово, заявив, что, никогда не допустит женщин в университеты.

«они мне всех студентов перепортют»... Не слушая нас, он быстро исчез. Так окончилась наша петиция.

Очень сплоченный кружок был приказчиков различных лавок, организованный студентом Немировским. В нем работали сам Немировский, Ковальский, студ. Кириллов. Приказчики этого кружка принимали участие в студенческих демонстрациях, бывали арестованы и избиваемы полицией наравне со студентами (в противоположность приказчикам московского Охотного ряда, которые сами избивали студентов).

О том, что и до поездки Ковальского в Петербург в Харькове существовали кружки, свидетельствует и О. Аптекман в своей книге «Земля и Воля» говоря: «Ковальский выполнил свою миссию, как нельзя лучше. По возвращении Ковальский созывает сходку из делегатов и не-делегатов *всех наличных кружков*» (курс. Е. К.).

Зимою 70—71 гг. во время рождественских каникул по инициативе петербургских студентов — вернее, кажется, по инициативе чайковцев — был созван в Петербурге нелегальный съезд делегатов студентов всех российских университетов. Благодаря большой популярности Ковальского среди студентов, он был выбран делегатом от Харькова. Цель съезда была объединить студенчество, организовать повсеместно кружки самообразования, кассы взаимопомощи, распространять по удешевленной цене книги определенного «радикального» направления. (Последнее было организовано чайковцами). Такими книгами были: Флеровского, «Положение рабочего класса в России». («Азбука социальных наук» его же, тогда еще не вышла), сочинение Лассаля, Луи-Блана «Французская революция» (был на русском языке только I том), Вермореля «1848 г.», Шерра «Комедия всемирной истории», Бехера «Рабочий вопрос», Михайлова «Пролетариат» и «Ассоциации», Швейцера «Эмма» и др. такого же характера.

Возвратясь, Ковальский установил получку книг от чайковцев и пр., о чем говорит в своем письме Малютин. Организовал новый кружок, о программе которого тоже сообщает Малютин. С моим возвращением из Петербурга возобновились лекции в моем доме, школа работниц, которая пополнилась ученицами воскресной школы общества грамотности, которая основалась в это время в Харькове под председательством Н. Н. Бекетова. Мы с Ковальским вступили в общество и стали работать в воскресных школах.

Наш кружок, приняв программу, о которой говорит Малютин, стал понемногу уклоняться в сторону политических тем, отчасти под моим влиянием. Аптекман в своей книге

«Земля и Воля» об этом говорит: «Солнцева уже тогда заметно тяготела влево, правда, это было смутно, расплывчато, но оно сказывалось уже тогда в ее мятежных порываниях, вносивших красные тона в общее основное направление работы кружков»...

Во время одного из собраний нашего кружка произошел такой эпизод: М. М. Ковалевский, читая реферат о второй империи во Франции, подробно остановившись на широко организованном шпионаже, упорно стал смотреть на одного студента кружка Д. К концу реферата Д. разразился бурной истерией. Ковалевский был жесток: когда мы бросились на помощь, Максим Максимыч резко отстранил нас со словами: «поздно плакать». Д. ушел, а кружок на некоторое время перестал собираться. Не называю фамилию Д., так как вопрос о том, служил ли он действительно агентом жандармов, остался невыясненным.

Спустя некоторое время, когда у нас вечером происходил съезд сельских учителей, главным образом учительниц, в комнате появился жандармский полковник Ковалинский со свитою. Увидев разложенные на столе географические карты, таблицы, зоологический атлас и др. предметы наглядного обучения, он добродушным тоном обратился к нам: «А мне наговорили бог знает чего про ваши собрания, я сам вижу теперь, что вы занимаетесь полезным делом, а все-таки должен прекратить всякие собрания по распоряжению свыше, а в случае их продолжения, несмотря на мое запрещение, обязан буду всех вас арестовать». Собрания были прекращены на время.

Вскоре мы с Ковальским уехали за границу.

Был ли Малютин в кружке Ковальского, когда меня не было в Харькове, — я не знаю, но, когда я возвратилась, Малютин в наших кружках не бывал. Бывал иногда в клубе, который собирался в моем доме раз в неделю, в который приходили из разных других кружков.

Ковальский был сначала оставлен при Харьковском университете по кафедре физики, но вследствие политической неблагонадежности кафедры не получил. В марте 1879 года он был арестован, но вскоре освобожден. Снова 17 сентября 1879 года был арестован, после нескольких месяцев освобожден под гласный надзор.

Не веря в возможность революции в России, как стране очень отсталой, Ковальский не вошел в революционное движение, но никогда не отказывался помогать революционерам. Вся жизнь его прошла в просветительной работе.

З. О. Гордон-Хлусевич

Из истории революционного движения 1905 г. в Амурской области

В сибирских городах с давних времен оседали группы политкаторжан и ссыльных, отбывших свои сроки, но не имевших еще права возвратиться в Европейскую Россию. Сибиряки, в массе своей свободолюбивые, всегда очень тепло относились к этим идейным борцам за свободу русского народа. Вокруг них всегда группировалась молодежь и революционизировалась.

Такая группа бывших ссыльных и политкаторжан, передовые рабочие немногочисленных заводов, с незначительной прослойкой молодежи и революционной интеллигенции — составили в Благовещенске тот центр, который осенью 1905 г. принял на себя руководство открытым революционным движением в Амурском крае под наименованием — «Союза Амурских Прогрессивных групп». Такое название диктовалось отчасти тактическими соображениями — вовлечь в союз наиболее широкие массы трудящихся, отчасти же полной неосведомленностью о формах и методах борьбы в центре: железнодорожная и телеграфная забастовки совершенно отрезали этот край от центра.

Организовался «Союз Амурск. Прогресс. групп» 23 октября 1905 г., немедленно после получения телеграммы из Японии о манифесте 17 октября.

В квартире Хлусевичей при Сибирском Торговом Банке (в доме Косицына по Большой улице) собралась 23 октября инициативная группа из следующих лиц: С. О. и З. О. Хлусевич, Э. А. Плосский, Н. Зиновьев, С. А. Левицкий, Н. А. Алексеевский, Г. И. Клитчоглу и др.

На этом предварительном собрании было вырешено название — «Союз Амурских Прогрессивных групп». Решено было возможно скорее устроить общегородское собрание, каковое и было назначено на 26 октября.

№ 119 «Амурского Края» в среду 26 октября был выпущен с виньеткой на первой странице, вверху которой значилось крупным шрифтом «Свобода слова и печати». Ниже было помещено об'явление:

«Бюро Союза Амурских Профессиональных Групп, соединившихся на следующих основаниях:

Свобода слова, собраний, союзов, сходок, неприкосновенность личности. Всеобщее прямое, равное и тайное избирательное право без различия вероисповеданий и национальностей.

Предоставление национальностям полного самоопределения. Защита интересов трудящейся массы в борьбе с капиталом.

Приглашает лиц, согласных с указанными основаниями на собрание, имеющее состояться в театре Роганова в среду 26 X в 7 ½ часов вечера.

За всякими сведениями обращаться к членам Бюро Хусевичу, Плосскому, Зиновьеву, Лещицкому, Шафир, Алексеевскому, Китчогду».

Митинг 26 октября был столь многолюдный (в несколько тысяч человек), что деревянный театр Роганова буквально ломился под напором публики. Всех желающих попасть на митинг, театр вместить не мог и масса народа осталась на улице, оставаясь до конца, несмотря на сильный мороз.

Митинг происходил при открытых дверях, порядок был образцовый.

После краткого вступительного слова председателя митинга, первым взял слово Э. А. Плосский.

После речи Плосского раздались неистовые аплодисменты и не только в театре, — заколыхалась громадная толпа на улице и там раздались аплодисменты...

Стоя почтили память погибших борцов, и хор запел похоронный марш. После хора был сделан обход за пожертвованиями. Публика охотно и обильно жертвовала и не только деньгами, но и вещами, как, например: золотые кольца, были даже часики и другие вещи.

Публика высказывала сожаление, что не была предупреждены о сборе пожертвований, так как многие не захватили с собой денег.

Собрания Союза происходили раз в неделю, кроме экстренных. Местом собраний, как Союза, так и Бюро было помещение Сиб. Торг. Банка — его операционный зал. Собрания в банке бывали чрезвычайно многолюдны.

В Банке же хранилось сделанное здесь же знамя с надписью: «В борьбе обретешь ты право свое». Сюда приезжали крестьяне из деревень с разными вопросами. Здесь их снабжали популярной литературой, как, например, изданиями «Донской Речи», воззваниями Союза, листовками и т. д. В распоряжении Союза имелось порядочное количество революционной литературы, были популярные статьи, биографии рево-

Члены „Союза Амурских прогрессивных групп", эмигрировавшие в Японию. Сидит: А. И. Алексеевский. Стоят: Э. А. Плосский (рядом с Алексеевским) и следующ. Б. И. Онуфрович.

Хлусевич, рядом сидит А. К. Шмидт — защитник, с правой стороны — С. О. Хлусевич.

люционеров-террористов . Типография «Амурского Края» была к услугам Союза; там печатались и брошировались многие брошюры. Таких мелких брошюр Союз распространил много тысяч экземпляров. Также распространялись фотографические карточки, как напр., П. Лавров, Л. Волкенштейн, Е. Сазонов, И. Каляев, С. Балмашев, лейтенант Шмидт и мн. др.

Все это продавалось за минимальную цену; вырученные деньги переводились в редакцию «Сын Отечества», в организации Читы и т. д. Сколько помнится, за время существования Союза, было переведено через банк тысяч десять.

Как известно, в результате разразившегося накануне манифеста 17 октября 1905 года забастовочного движения, в том числе транспорта и телеграфа — окраины находились в полном неведении о том, что творится в центре. Забастовка на железных дорогах немедленно породила целый ряд кризисов, главным образом, в снабжении продуктами питания. Цены стали невероятно быстро расти. С рынка постепенно стали исчезать наиболее необходимые продукты: сахар, соль, мука, керосин, мясо и проч. Все это создало в городе очень нервное настроение, и растерявшаяся администрация, лишенная связи с центром, не знала, какую линию поведения следует занять. В это время в город, расположенный на Манчжурской границе, начали возвращаться солдаты с фронта закончившейся к тому времени русско-японской войны. Озлобленные, голодные, полураздетые солдаты пешком, в суровую зиму, добравшись до населенных русских пунктов, представляли собою грозную силу, готовую к внушительным выступлениям. Административная машина в атмосфере надвигающегося голода, взвинченных цен на предметы первой необходимости и растущей безработицы, — работала сначала с большими перебоями, но вскоре, к концу декабря, совсем остановилась.

Полиция растерялась и не стала появляться в форме на улицах. Совершенно утративши всякий авторитет, военный губернатор области Путята был вынужден апеллировать к авторитету Союза для внесения успокоения в возбужденные массы, для урегулирования всякого рода ежедневно возникающих конфликтов, как, например, в речном флоте, на заводах, на мельницах, на базарах, на почте-телеграфе, в школах, судебных учреждениях, в тюрьме и проч.

Бюро Союза, помимо взятых на себя политических задач, оказалось перегруженным целым рядом административных, хозяйственных, школьных, судебных и прочих дел.

В первую очередь Бюро Союза потребовало от губернатора снятия военного положения и принятия срочных мер к обеспечению солдат, возвращавшихся с фронта, теплой оде-

ждой и продовольствием. Губернатор обещал возбудить соответствующее ходатайство перед главнокомандующим. В дальнейшем все мероприятия административного и хозяйственного порядка Союзу пришлось проводить самостоятельно. Военное положение числилось на бумаге, фактически в создавшейся обстановке местные власти не пытались даже пользоваться его суровыми законами.

Принимая на себя материальные заботы об устройстве запасных солдат, Союз выяснял на целом ряде устроенных им митингов и собраний истинных виновников манчжурской авантюры и всех предшествовавших и последовавших за ней событий, загнавших в тупик российскую действительность. Союз указывал в выпускаемых в больших количествах популярной революционной литературе, прокламациях, листовках те пути, по которым должна пойти русская революция, освободившись от царской клики и ее приспешников. Непосредственные результаты от принятых на себя Союзом хозяйственных и административных дел, а также правильная установка политической линии, создали Союзу на первых же порах его деятельности огромный авторитет среди широких трудящихся масс.

В это время, за отсутствием телеграфной связи с центром, слухи ширились и росли. Во всей невероятной путанице всяких сообщений с совершенной очевидностью выявилось бесспорное положение, что революционная волна растет. Растет и ширится во всей России забастовочное движение, поднимаются крестьянские восстания, заполыхали подожженные помещичьи гнезда.

В обвинительном акте по делу «Союза» указывалось, что Союзом устроен был целый ряд митингов, собраний, на которых «выступавшими ораторами произносились речи с призывом к *неповиновению законным властям и дерзостно порицалась верховная власть*».

Что касается «законных властей», то в отношении «неповиновения» местным властям особенно хлопотать не приходилось. Как было уже указано, местные власти еще задолго до получения официальных известий о манифесте оказались в полной растерянности, не проявляя никакой деятельности, пытались вначале плестись в хвосте событий, но, в конечном счете, вынуждены были по всякому случаю апеллировать к авторитету Союза. Кроме того, в это время, убоявшись за свою шкуру, весь состав полиции подал в отставку. Союзу пришлось сугубо учесть это обстоятельство, так как в атмосфере нарастающего неудовольствия и тяжелых материальных условий не исключалась возможность возникновения провокационных эксцессов. Поэтому пришлось наспех скола-

чивать из наиболее надежных людей городскую и уездную полицию, подчинить всю ее деятельность Союзу и заставить ее во всей своей работе отчитываться перед Бюро Союза. Надо заметить, что в течение всего времени, пока город и уезд находились почти полностью в ведении Союза, не было никаких сколько-нибудь значительных эксцессов. В результате той же растерянности администрации вскоре встал другой, не менее сложный вопрос, урегулирование которого также пришлось принять на себя Союзу.

В сибирских тюрьмах на зиму всегда оседало значительное количество преступного элемента. Не представлял в этом отношении исключения и Благовещенск. Тюрьма была переполнена до отказа, причем основную массу заключенных составляли уголовные каторжане-рецидивисты, бежавшие с Сахалина и совершившие целый ряд новых преступлений. Отзвуки революционных потрясений докатились до тюремных камер. Тюрьма узнала про «свободу» и 280 арестантов потребовали или освободить их, или перестрелять, так как жить так дальше нельзя, как жили люди до сих пор в «мертвом доме».

Арестанты потребовали от начальника тюрьмы, чтобы избранную ими делегацию отпустили в город приветствовать свободу в лице Союза Амурск. Прогр. Групп и вести переговоры об освобождении «невинно» заключенных. Разумеется им в этом было отказано. Дальнейшие переговоры администрации и прокуратуры ни к чему не привели — волнения в тюрьме продолжались.

И вот, третьего декабря арестанты сговорились между собой и решили сами добиться, чтобы о них вспомнили в дни всеобщей свободы. Для этого они решили обезоружить стражу и с флагом «слава борцам за свободу» пройти в город. 4-го декабря, когда стали разносить по камерам обед, каждого входящего надзирателя схватывали, обезоруживали, запирали в камеру. Тюремные надзиратели оказались застигнутыми врасплох — растерялись и арестантам удалось привести свой план в исполнение беспрепятственно. Обезоружив и заперев стражу, арестанты кинулись к наружным железным воротам, которые охранялись военным караулом. Караульные солдаты открыли пальбу, в результате чего оказалось пятеро арестантов раненых пулями и один заколотый штыком.

Толпа отступила. Внутренняя стража была на другой день освобождена, караул снаружи тюрьмы был удвоен, но внутрь тюремной ограды никто из стражи проникнуть не смел. Загнать заключенных вновь в камеры администрация не решалась, так как были неминуемы новые жертвы.

Слухи о беспорядках в тюрьме быстро разнеслись по городу. «Квалификация» тюремных жителей сибирских тюрем всем была хорошо известна. Боялись грабежей, поджогов, если арестантам удастся прорваться и войти в город, и благовещенцы сильно волновались. Для умиротворения поехал в тюрьму военный губернатор Путята, но тюремные жители не приняли его, а стали требовать немедленного свидания с представителями Союза. Тогда губернатор был вынужден апеллировать к авторитету Союза. События нарастали, раздумывать было некогда. Поздно ночью несколько членов Бюро Союза (Хлусевич, Плосский и А. Файнберг) отправились в тюрьму для ведения «мирных переговоров» с заключенными. Политических заключенных в то время в Благовещенской тюрьме не было, так что освобождать в первые дни революции из тюрьмы никого не пришлось, и членам Бюро пришлось с тюрьмой встретиться впервые.

Приехали в тюрьму. Начальника нет, старик-помощник начальника из старых надзирателей, заявил, что сам он во внутрь тюрьмы не пойдет... Открыл ворота, впустил приехавших и снова замкнул ворота. Внутренней стражи нет. Камеры всех корпусов открыты, темно, тихо... Промелькнула в темноте какая-то фигура, видимо дозор. Вскоре навстречу стало быстро подходить несколько человек. Впереди высокий, здоровый детина, тип старокаторжного «Ивана», на ходу начал произносить какое-то запутанное приветствие.

Вошли в камеру, приготовленную для приема делегации от Союза — убраны нары, посредине сколочен стол, на стенах красные полотенца, освещение скудное — «коптилка». Группа арестантов затянула революционную песню... Обменялись приветствиями, приступили к делу. Выяснилось, что тюрьма переполнена, камеры не отапливаются, в большинстве камер нет стекол в рамах... Холод, кормят очень плохо, заключенные голодают... Кроме того, следствие по целому ряду дел тянется бесконечно долго, прокурор никогда не появляется. Вместе с тем в тюрьме содержится масса людей по мелким административным и служебным преступлениям, все наказание за которое может быть шесть месяцев — год не больше, а следствие тянется у многих свыше этого срока. Старые тюремные жители, видавшие всякие виды каторжане, формулировали свои требования просто — поскольку об'явлена «свобода», она должна распространяться на всех, а так как они никаких преступлений не совершали, содержатся в тюрьме «невинно» и проч., то должны быть все немедленно освобождены, а их угнетатели должны быть судимы народным судом. Долго, до глубокой ночи, пришлось вести раз'яснительную беседу, пока не сломили упорства вожаков

и наконец наладили взаимное понимание. Порешили — Союз немедленно потребует от городского самоуправления привести в порядок камеры, наладить снабжение тюрьмы продовольствием и Союз будет следить за исполнением этих мероприятий. Немедленно будет создана судебная комиссия, которая займется просмотром всего следственного делопроизводства, срочно будет приступлено к разгрузке тюрьмы, причем немедленно будут освобождены все заключенные по мелким преступлениям. Будет налажена постоянная живая связь Союза с тюрьмой, заключенным будет предоставлено с «почетом» похоронить несчастные жертвы за «арестантскую свободу» и проч. Арестанты, в свою очередь, обязуются установить свой внутренний караул, гарантируют, что в процессе проведения всех указанных мероприятий не будет ни одного побега, что беспрекословно будут подчиняться всем приказаниям Союза и т. д.

Впоследствии тюремным делам пришлось уделить много времени. Путем пересмотра всех дел в суде, удалось значительно разгрузить тюрьму. Остались в заключении только общественно опасные — рецидивистски-уголовный элемент. Надо заметить, что тюрьма сдержала свое слово — до вступления реакции в свои права, в течение почти четырех месяцев, пока тюрьма была в фактическом ведении Союза, не было ни одного побега за исключением 2-3-х мелких воришек, которые и без того были бы освобождены. Но и это было сильным конфузом для старостата тюрьмы, состоящего из «высококвалифицированных» «Иванов». Порядок в тюрьме ни разу не нарушался, и, что особенно замечательно, — оставшиеся в тюрьме уголовные вполне, в конечном счете, согласились, что Союз поступает правильно, оставляя их «временно» в заключении.

Кроме конфликта с тюрьмой возникали также недоразумения в городской управе, в школах, в речном флоте, на мельницах и проч. Союз постепенно втягивался в регулирование всех этих очередных недоразумений, загружался колоссальной работой, невольно принимая на себя хозяйственные, административные, судебные и прочие функции. Все эти и целый ряд других намеченных Союзом к проведению мероприятий, заставили значительные группы либеральных интеллигентов, на первых порах принявших деятельное участие в организации Союза, отойти от его работы. Деятельность Союза по своей политической установке далеко перехлестнула первоначальные планы либеральной интеллигенции. Кроме того, самая практическая работа Союза, постепенно расширяя сферу своего влияния, создавала из него политический, административный и хозяйственный орган,

парализуя всякое влияние «законно поставленных» властей в городе и в области. В связи с вышесказанным было решено переизбрать Бюро Союза. В состав нового Бюро вошли: А. Н. Алексеевский, А. О. Дацков, К. В. Касторов, А. М. Файнберг, С. О. Хлусевич, З. О. Хлусевич, Л. Людевиг, Г. И. Клитчоглу и Р. Стемповский. Кроме того в Бюро Союза входили по два представителя от Союза рабочих, Союза почтово-телеграфных служащих, Союза ремесленников, а также по два члена от всех партий и союзов, основанных на платформе, не противоречащей платформе Союза Амурских Прогрессивных Групп. Такой внепартийный состав диктовался всем ходом событий. Помимо указанной перегрузки Бюро Союза всякими делами, к этому времени нарастала Всероссийская почтово-телеграфная забастовка. Знаменитый циркуляр П. Дурново, воспрещающий почтово-телеграфным работникам, как государственным служащим, вступать в какие бы то ни было союзы и грозивший увольнением со службы всех примкнувших к Союзу, без права защищать себя, поступать на другую службу и проч. (по так называемому 3-ему пункту), всколыхнул почтово-телеграфных служащих, и они, как известно, ответили на это распоряжение всеобщей забастовкой. К забастовке примкнули все служащие Амурских почтово-телеграфных контор. Как забастовщикам, им в первую очередь прекратили выдачу жалованья. Учитывая огромное значение этой забастовки, принявшей всероссийский характер, как стимула к открытой борьбе с самодержавием, вновь избранное Бюро Союза немедленно взяло руководство забастовкой в свои руки. В свою очередь и общее собрание всех работников почт и телеграфа поставило перед Союзом вопрос о поддержке этого открытого организованного политического выступления. Все внимание на первых порах было сосредоточено на установление прочной связи с ближайшими почтово-телеграфными округами, на поисках прочных связей с центром, на получении проверенной информации о ходе забастовки на местах и в центре, о перспективах революционной борьбы и так дальше. Обвинительный акт по делу Союза так характеризует этот момент:

«Не носившая вначале преступного характера, деятельность Союза со второй половины ноября стала явно преступной. На 18-е ноября Союзом, как это видно из об'явления, помещенного в номере «Амурской Газеты», был созван митинг по поводу забастовки почтово-телеграфных служащих, которому предшествовало, как это явствует из того же номера газеты, экстренное заседание Союза, посвященное тому же вопросу, на котором было решено по почину членов Союза Хлусевича и Стемповского устроить митинг 18-го ноября, чтобы «Сообщить населению о «насилиях правительства», раз'яснить крупное значение забастовки и предложить населению присоединиться к протесту

против нарушения основных гражданских прав, и о том, что население берет под свою защиту почтово-телеграфных служащих и что в случае репрессий окажет им поддержку».

На устроенном по этому поводу многолюдном митинге Бюро Союза сосредоточило внимание широкой общественности на первостепенном значении беспощадной борьбы за элементарные гражданские права, указывало, что борьба за эти права с изданием манифеста 17-го октября далеко не кончена, а только еще начинается. Вместе с тем целым рядом выступавших ораторов было указано, что по полученным отрывочным сведениям реакция во многих местах поднимает голову и там, где не встречает организованного сопротивления, она пытается уничтожить все «возвещенные манифестом права», готовится к суду и расправе с революционерами. Такое положение вызывает необходимость дать отпор обнаглевшей реакции, ибо окрыленная победой на этом участке реакция немедленно двинется к ликвидации элементарных прав всего населения. Митинг этот встретил большое сочувствие среди широких трудящихся масс. В связи с этим Бюро Союза отправило главнокомандующему, генералу Линевичу, следующую телеграмму:

«Союз Амурских Прогрессивных Групп, возмущенный принимаемыми администрацией репрессивными мерами против почтово-телеграфных служащих, представляет вам всю опасность подобного рода поведения. Благовещенское население на целом ряде митингов единодушно настаивает на удовлетворении требований делегатов Всероссийского Почтово-Телеграфного Союза. Ни общественные организации, ни местная власть не в силах остановить начавшегося движения. Принятые вами репрессии вызовут взрыв негодования против властей, могущий перейти в насилие против администрации и в кровопролитие. Допущение репрессий является поэтому страшным преступлением перед народом. Виновников этого ужасного произвола будет судить не только отдаленная история, но и недалекое будущее. Обращаясь к вам, Союз надеется, что благоразумие возьмет верх над произволом.

Одновременно по инициативе Союза были устроены в разных концах города летучие митинги и собрания, которые от имени отдельных групп населения и различных общественных организаций были посланы Линевичу еще одиннадцать отдельных телеграмм аналогичного содержания. Вместе с тем Союзом было составлено и распространено по городу и в уезде по селам и деревням воззвание с изложением революционного движения, возникновения и хода почтово-телеграфной забастовки в разных местах в России. Союз призывал к горячему сочувствию словом и делом, как проливавшим кровь во имя свободы и счастья русского народа, так и к тем, которые только мирной забастовкой поддерживают самоотверженную борьбу с правительством.

Союз звал народ к единодушной поддержке, звал к глубокой ненависти к насильникам, звал в случае надобности к отпору, твердо веря, что только в организованной борьбе русский народ возьмет, наконец, свои права, освободившись от царской тирании, и в результате этой борьбы будет созвано Учредительное Собрание.

Потеряв всякую связь с центром, краевые власти, в том числе и главнокомандующий, не знали и не могли установить, какая линия поведения занята центральной властью по отношению к забастовщикам. Через несколько дней от Линевича пришло распоряжение удовлетворить почтово-телеграфных служащих жалованием и всех оставить на службе. Взяло ли здесь «благоразумие верх над произволом», — во всяком случае, эта победа почтово-телеграфных служащих значительно окрылила революционную борьбу и подняла авторитет Союза среди широких народных масс. Вместе с тем это распоряжение Линевича совершенно парализовало всякую «законную» волю местной администрации, и она в дальнейшем вынуждена была сугубо считаться с Союзом. В свою очередь амурские почтово-телеграфные служащие откликнулись на эту победу с воззванием к населению, в котором, выражая сердечную признательность Союзу Амурских Прогрессивных Групп за могущественную революционную поддержку, заявляли, что «глубоко верят, что эти исторические дни будут памятны потомкам, как яркий пример великой и дружной борьбы за свободу и права человека». Что эта помощь даст возможность «одолеть изнемогающего, но все еще сильного врага, помочь передовым борцам завершить его поражение и очистить дорогу к свободе и счастью». Железнодорожная забастовка, одновременно об'явленная по всем линиям российских дорог, не имела непосредственного влияния в Благовещенске, так как в то время железной дороги на Амуре еще не было. Но на телеграфной и железнодорожной забастовках не преминул спекульнуть по окончании русско-японской войны командующий тылом армии, генерал Надаров [1]. Немедленно, по всему Манчжурскому фронту, в том числе и по пограничной полосе, в Амурской области, где сосредоточились значительные массы солдат, было напечатано в военной газете воззвание Надарова к войску, в котором указывалось, что все солдатские невзгоды, в том числе и несвоевременная эвакуация, явились в результате забастовки телеграфа и железных дорог и что забастов-

[1] По распоряжению Надарова были уволены со службы 600 ч-к почтово-телеграф. служ-их за принадлежность к Союзу почтово-тел служ-их.

щики являются врагами не только правительства, но и врагами широких солдатских масс. С запасными солдатами и фронтовиками, возвращающимися из Манчжурии, у Союза еще задолго до этого установились прочные отношения. Была организована материальная помощь одеждой и пищей, все время велась раз'яснительная работа и сформирована революционизированная руководящая ячейка из самих солдат, представители которой находились в постоянной связи с Бюро Союза. Все же этот провокационный ход Надарова должен был иметь некоторый успех среди наиболее отсталых слоев запасных. В связи с этим был организован ряд митингов для раз'яснения действительного положения дел и выпущены соответствующие воззвания к запасным. В этих воззваниях было указано, что несвоевременная эвакуация является следствием полной растерянности военных властей, мародерством и хищениями в тылу. Что в результате мародерства не оказалось запасов теплой одежды и провианта, что железнодорожная и телеграфная забастовки являются вынужденным способом борьбы с правительством за элементарные права всего народа, в том числе и солдат. Что забастовщики являются не врагами, а борцами за общественные интересы трудящихся. Вместе с тем было указано, что стачечный комитет постановил принять все меры для планомерной эвакуации запасных, вопреки распоряжениям тыловых властей. Таким образом, все страхи о неминуемых беспорядках, которые произведут озлобленные, голодные и раздетые солдаты, не оправдались. Никаких эксцессов в Амурском крае на этой почве за все время забастовки не было.

В половине ноября начали поступать отрывочные сведения из разных городов, из которых можно было заключить, что реакция кое-где начинает поднимать голову, кое-где она уже сумела взять инициативу в свои руки. Ошеломляющее впечатление произвело сообщение из Томска, где черносотенцами при ближайшем участии губернатора Азанчевского и архиерея Макария было подожжено здание железнодорожного собрания, в котором происходил многолюдный митинг— в огне и последующем за поджогом погроме погибло около 500 человек и, кроме того, огромное количество ранено... Вместе с тем по установлении связи с другими сибирскими городами выяснилось, что провокационный ход генерала Надарова о том, что причиною всех солдатских бед являются забастовки, которые не дают возможности эвакуировать запасных, — имели успех. Так, во Владивостоке запасные солдаты, подстрекаемые черносотенцами и хулиганами, устроили беспорядки, разгромили магазины, трактиры, многие правительственные здания, разбили тюрьму, выпустили арестантов,

после чего начались грабежи и прочее. На этой же почве происходили беспорядки в других сибирских городах, в том числе и в Иркутске.

Эти сообщения заставили Бюро Союза насторожиться. Было совершенно ясно, что все эти беспорядки явились в результате того, что местные революционные организации не могли или не сумели во-время взять инициативу в свои руки. Не учли колоссального значения и грозной силы запасных солдат, стихийно движущихся с Манчжурского фронта. Благовещенск как-будто не находился под такой угрозой. Здесь соотношение черносотенных и революционных сил было совершенно иное, была проведена в свое время большая подготовительная работа, организован солдатский комитет, прочно связанный с Союзом, — все же не исключена была возможность, что аналогичные эксцессы, в той или иной форме, могут иметь место и в Амурской области. К этому времени вся фактическая административная и хозяйственная власть была в ведении Союза. Всякое массовое проявление неудовольствия дезорганизовало бы работу Союза и дискредитировало бы его авторитет во всей дальнейшей работе. Вопросу о запасных солдатах приходилось постоянно уделять особое внимание. Вместе с тем, систематически выпускались информационные сообщения о положении дела эвакуации войск в других ближайших городах. Этот информационный материал внес значительное успокоение. После печальных беспорядков, разразившихся в разных сибирских городах, революционным организациям удалось подавить черносотенное движение, зажечь революционным энтузиазмом местные гарнизоны и запасных солдат, и заставить их открыто присоединиться к борющемуся народу. Так в *Иркутске* 27-го ноября общее собрание солдат и офицеров в количестве 8.000 чел. заявило о переходе всего гарнизона на сторону народа, постановило — немедленно уволить всех запасных, обеспечить семьи убитых и раненых. В целях предотвращения беспорядков закрыть винные лавки, понизить цены на съестные припасы и охранять город патрулями. Из Хайлара сообщали, что квартирующий там казачий полк считает себя частью трудового народа и присоединяется к Союзу борющихся организаций. Из Харбина телеграфируют, что все войсковые части присоединяются к постановлениям Иркутского гарнизона. Такие же постановления вынесены в Чите, Нерчинске, Владивостоке и др. городах. Постановления такого же порядка приняты делегатами Амурского казачьего войска и собранием Благовещенского гарнизона. В это же время получилось известие, что генерал Надаров назначен Иркутским генерал-губернатом, что он вы-

ехал по месту назначения. Стачечный комитет Забайкальской ж. д. постановил передать Надарова из экспресса в товарный вагон, выдавать солдатский паек и в сторону Иркутска Надарова не отправлять [1]. Вагон этот прицепляли к поездам, то в сторону Владивостока, то в сторону станции Манчжурия. Все эти сведения дали достаточные данные о настроении в разных городах и были использованы Союзом в качестве информационного материала, дабы парализовать всякие попытки к неорганизованным выступлениям взбудораженных солдатских масс. Таким образом, волна солдатских «бунтов», спровоцированная черносотенцами и прокатившаяся по разным городам Сибири, Амурский край миновала.

День 80-летней годовщины декабристского восстания— 14 декабря 1905 года — был об'явлен Союзом праздничным днем. № 140 «Амурского Края» от 14 декабря был выпущен с оглавлением, набранным крупным шрифтом — «Слава борцам за свободу». «В борьбе обретешь ты право свое».

За этим следовало об'явление Союза А. П. Г., что он приглашает все общественные, государственные, частные предприятия и учреждения почтить 80-летнюю годовщину декабристов, как первую попытку отнять у самодержавного правительства захваченную им власть.

Передовица была посвящена юбилею [2].

В день 14 декабря Союзом было устроено 2 митинга: один утром, другой вечером. На этих митингах было отмечено историческое значение этого события в освободительном движении России и глубокое влияние как самих декабристов, так и возглавляемого ими движения на самосознании русского народа. Вместе с тем было отмечено огромное революционное влияние декабристов на сибирское население. На утреннем митинге произошла, между прочим, паника, благодаря натравливанию на Союз одного торговца К... Когда народное собрание возмутилось, выражая негодование по адресу К..., грозя изгнанием К... из Благовещенска, — Алексеевский во избежание беспорядков, какие могли бы произойти при возбуждении толпы, сказал: Граждане, простим К... ради великого и знаменательного дня, в котором раздался первый призыв к свободе, и выскажем К... только «порицание». Собрание выразило свое согласие аплодисментами, одобрив предложение Алексеевского.

---

[1] Приговор о бойкоте был применен к Надарову на станц. Далай-Нор. «Амурский Край», 1905 г. 16/XII.

[2] В этом же номере помещена была статья «Из времен «Народной Воли» - воспоминания Манучарова, бывшего шлиссельбуржца

В этот день также Союзом был выпущен целый ряд воззваний, прокламаций и т. д. Эти митинги, воззвания и прокламации послужили впоследствии особым пунктом обвинительного материала по делу членов Бюро Союза, которым инкриминировалось чествование памяти декабристов, первыми выступивших открыто против самодержавного гнета, и выражение сочувствия «лицам, учинившим бунтовщическое деяние».

Забастовка почты и телеграфа продолжалась, в виду чего регулярную связь с центром при всех попытках установить не представлялось возможным. Было ясно, что установить прямую связь мешают отчасти технические причины, как разрывы сообщений и проч., отчасти же саботаж черносотенцев из верхушек почтово-телеграфной администрации. Такими фигурами явились начальник округа и начальник Хабаровской конторы. Чтобы парализовать эту работу, забастовочное Бюро Всероссийского почтово-телеграфного Союза 10 декабря постановило: 1) об'явить бойкот всем распоряжениям начальника округа, дабы парализовать все меры, принимаемые им против бастующих, и воспрепятствовать распространению ложных слухов, что бастующие исключительно добиваются увеличения жалования, замалчивая об истинной причине забастовки, и тем натравливая население против бастующих; 2) требовать удаления начальника Хабаровской конторы, как человека, стремящегося к разрушению Союза и не брезгующего для этого никакими средствами и 3) об изложенном сообщить всем конторам округа.

По этому поводу общее собрание служащих Благовещенской конторы отправило начальнику округа следующее требование:

«Могучая волна освободительного движения, охватившая все слои населения необ'ятной России, естественно в своем стремлении коснулась и забитого почтово-телеграфного ведомства, с его поруганными правами, нестерпимым гнетом и притеснениями и вызвала на борьбу с произволом и насилиями своих лучших сынов, в числе которых и вы недавно состояли, выражая сочувствие и солидарность одному из борцов за наши права. Но это только казалось.. На деле же выяснилось, что вы способствуете подавлению освободительного движения, не гнушаясь никакими средствами. Вследствие этого собрание служащих Благовещенской почтово-телеграфной конторы, ознакомленное с таким положением вещей, пришло в негодование и решило категорически и бесповоротно требовать от вас немедленной отставки, как наименьшего из зол. В случае же отказа собрание заверяет вас, что сумеет воспользоваться имеющимися средствами для того, чтобы ваше имя стало известно по всей России в надлежащем свете. За отказом подать в отставку после 24-х часов будет об'явлен бойкот во всей его силе».

Требования аналогичного содержания отправлены были от всех контор Амурской области. Казачьим с'ездом, засе-

давшим тогда в Благовещенске, была отправлена Линевичу телеграмма. В телеграмме были выставлены 3 пункта:

1) «Неприкосновенность бастующих чинов почтово-телеграфных служащих контор и отделений в будущем, 2) удовлетворение содержанием на ноябрь и декабрь и 3) немедленное удаление начальника Приамурского почтово-телеграфного округа и начальника Хабаровской конторы, как лиц, возбуждающих население против телеграфных чиновников. Всецело признавая справедливость этих требований, с'езд делегатов амурского казачьего войска настаивает перед вами на немедленном их удовлетворении, в противном случае, с'езд вместе с остальным населением приступит к из'ятию телеграфа из ведения правительства».

На все эти требования начальник округа телеграфировал амурскому военному губернатору:

«В виду настояния Благовещенского общества... я и начальник Хабаровской конторы не можем оставить своих мест, впредь до назначения новых лиц распоряжением из Петербурга. Это хорошо известно, как благовещенским чинам, так, полагаю, и благовещенскому обществу, которые вопреки этике и правосудию осудили меня и начальника Хабаровской конторы к изгнанию, не имея слова от нас в защиту своих действий. Прошу ваше превосходительство оказать ваше влияние на общество, которое должно потребовать от чинов Благовещенской конторы вступления на работу с условием исполнения моих распоряжений, пока не последует заместителя мне распоряжением законного правительства. О последующем благоволите уведомить».

Военный губернатор ответил: «В данное время мое вмешательство не изменит положения дел, почему исполнить ваше желание не могу».

Затянувшаяся почтово-телеграфная забастовка в связи с забастовкой транспорта очень тяжело отразилась на экономической жизни населения отдаленных от центра окраин. В Благовещенске еще с октября цены на продукты питания начали быстро расти, и постепенно исчезали с рынка мука, мясо и проч. продукты. К концу декабря выяснились признаки товарного голода. Кроме того, не получая подкрепления из центра, банки не были в состоянии выплачивать денежные суммы. Предвиделась таким образом, в ближайшее будущее задержка в аккуратной выдаче заработной платы. Все эти обстоятельства диктовали учесть создавшееся положение и предупредить возможность проявления массовых неудовольствий. Несомненно поднимающая кое-где голову реакция возлагала на эти обстоятельства большие надежды, рассчитывая, что затянувшаяся забастовка в конечном счете обратится в первую очередь против населения, что, нарушая его жизненные интересы, ему надоест терпеть, и оно начнет протестовать. Установив связь с ближайшими сибирскими городами, Бюро Союза выяснило, что положение и там создалось точно такое же.

В местной газете «Амурский Край» от 23 декабря появилась заметка:

«Телеграф и почта бездействуют. Претендовать на это трудно, так как наши телеграфисты были бессильны отказаться от забастовки. Но обывателю становится невтерпеж, тяжело. Нам кажется, что населению следовало бы подумать, нельзя ли почту и телеграф взять в свое ведение. Возможно, что бастующие согласились бы служить обществу, исполнять его нужды и только отказывать в передаче казенных и административных телеграмм и пакетов».

Из Читы 21 декабря сообщают:

«Читинская почтово-телеграфная контора передана по требованию народа губернатором Городской Думе. — Завтра 22-го декабря Дума передаст контору нашему почтово-телеграфному Союзу, в лице Стачечного Комитета, куда входят по одному делегату от рабочих, солдат, офицеров и иных, какие есть организации, а равно и от общества. Работать будем исключительно частную корреспонденцию, и главным образом, способствующую освободительному движению Доходы сдавать в казначейство не будем, а расходы будем производить под контролем соединенного Комитета. Жалованье будем получать из своих же доходов. Ура! Одна правительственная крепость взята!».

Как уже было указано, к такому же заключению пришли революционные организации целого ряда сибирских городов.

После ряда совещаний совместно со Стачечным Комитетом, с общественными и партийными организациями выявилось, что на такое же компромиссное решение, неминуемо придется пойти и Амурской области.

Был созван обширный общегородской митинг, на котором было подробно изложено положение дела и указаны те пути, которые намечаются для выхода из создавшегося положения. После этого Бюро Союза и Стачечному Комитету пришлось провести большую работу для согласования этого дела с промежуточными станциями, так как в противном случае никакой регулярной работы телеграфа производить не представлялось бы возможным. После этой предварительной работы было созвано соединенное собрание Стачечного Комитета с представителями всех революционных организаций. 31 декабря 1905 года состоялось это соединенное собрание, которое вынесло решение, что возобновить фактически еще не прекратившуюся забастовку при существующих условиях — не приходится, поэтому постановить:

«В виду невозможности прекратить почтово-телеграфную забастовку без увольнения всех могущих препятствовать работе для народа и против царского правительства почтово-телеграфных работников, Стачечный Комитет совместно с делегатами Союза Амурских Прогрессивных Групп и Рабочего Союза постановили: 1) Устранить от работы всех лиц, не принимавших участие в забастовке, 2) передать заведывание всем почтово-телеграфным делом в области в руки Стачечного Комитета, состоящего из прежнего комитета и делегатов всех революционных организаций», 3) потребовать от всех почтово-телеграф-

ных учреждений удалить не бастовавших работников, подчинить все эти учреждения Благовещенскому Стачечному Комитету и послать в него, если почтово-телеграфные учреждения найдут нужным и возможным, своих делегатов от каждой конторы, 4) обеспечить всем принявшим участие в забастовке и приступившим сейчас к работе для народа и против царского правительства неприкосновенность личности и удовлетворение жалованьем, 5) обратиться за содействием в деле удаления небастовавших работников в области к с'езду амурского казачьего войска, представители которого присутствуют на настоящем собрании, 6) обязать все почтово-телеграфные учреждения в области с 1-го января 1906 г. сдавать все сборы от почтово-телеграфных операций в Стачечный Комитет».

Поздно ночью 31 декабря было вынесено это постановление.

1 января 1906 года в 11 часов утра Об'единенный Комитет явился в здание почты и телеграфа, снял военный караул, охранявший здание, кассу, — принял ключи, дела и кассу и об'явил, что почта и телеграф перешли в руки народа в лице Об'единенного Комитета.

В постановлении Об'единенного Комитета, опубликованного в местной печати, было указано:

«Благовещенское Стачечное Бюро почтово-телеграфных служащих было вынуждено приступить к работе по настоятельному требованию народа. Отсутствие каких-либо почтовых сведений о ходе событий в России для многих казалось более выгодным правительству, чем народу. Вместе с тем экономический застой, невозможность каких-либо торговых сделок, при полной изолированности Благовещенска от всего мира, грозит оставить город и всю область лишенными всяких товаров. Телеграф и почта не могли итти против народа и забастовка прекратилась. Бойкоту подвергается вся правительственная корреспонденция, клонящаяся к подавлению освободительного движения».

Захват почты и телеграфа, как уже было указано, повелительно диктовался всем ходом событий. К такому же заключению пришли и революционные организации других сибирских городов, где в той или иной форме, почта и телеграф были из'яты из ведения местных властей. Такие сведения поступили из Сретенска, Читы, Иркутска и др. городов. Все же захват телеграфа не дал вполне положительных результатов — не установил прочной связи с центром, так как целый ряд промежуточных станций в Европейской России не работал, а связь поддерживалась только между ближайшими сибирскими городами. В виду этого были сделаны попытки установить связь с центром окружным путем по кабелю Владивосток — Нагасаки. Этим дальним путем удалось установить, что реакция к тому времени по всей Европейской России одерживает верх, что начались аресты, организованы карательные экспедиции, революционеры арестовываются, загнаны в подполье. Только 17 января Иркутску удалось связаться непосредственно с Петербургом. Первая телеграмма

телеграфного агентства, поступившая непосредственно из Одессы в Благовещенск после двухмесячного перерыва, совершенно определенно вводила в курс дел Европейской России. Телеграмма эта была следующего содержания: «17 января, в открытом заседании Судебной палаты слушалось дело по обвинению редактора «Новостей» Нотовича, за напечатание воззвания Петербургского отдела почтово-телеграфного Союза. Нотович приговорен к 3-м годам тюрьмы». Аналогичные сведения вскоре стали поступать и из других городов, вселяя смелость и бодрость местной администрации... Одновременно получилось большое количество сведений о революционном движении в разных городах, в том числе в Москве и Петербурге.

15 января 1906 года поступило из Владивостока печальное сообщение, что 10 января убита Людмила Волкенштейн... Муж Л. А. сообщил по телеграфу: «Людмила убита при изуверском расстреливании пулеметами и ружьями толпы невооруженных граждан, доверчиво шедших к коменданту требовать освобождения незаконно арестованных выборных. Подробности злодейства ужасающи. Сегодня схоронили прах Людмилы тысячи граждан, матросов и солдат».

22 января в газете «Амурский Край» появилась заметка: «После двухмесячного перерыва телеграф принес неутешительные вести — сотни людей расстреляны, много приговоренных полевыми судами к смертной казни. Во многих городах спокойствие восстановлено, на улицах стоят патрули. Периодические издания прекращаются, типографии запечатываются, редакторы сажаются в тюрьмы, наступила полная реакция».

Хотя благовещенская администрация не проявляла пока никаких репрессивных мер, все же Бюро Союза, учитывая надвигающиеся события, выпустило следующее воззвание:

«Союз А. П. Г., считаясь, на основании полученных сведений, с событиями 10—13 января во Владивостоке, не может не видеть в них явления громадной важности. Они обнаружили с одной стороны стремление правительства попирать уже отвоеванные у него права народа, не нарушать которые оно обязалось манифестом 17-го октября, с другой стороны они доказали наличность достаточного сознания своих гражданских прав среди Владивостокских солдат и матросов, не остановившихся перед кровавыми жертвами и мужественно отстаивавших свои права и достигших успеха в освобождении арестованных делегатов. Скорбя о павших жертвах, Союз в то же время приветствует успех владивостокской борьбы, находя во владивостокских событиях прецедент для подобных попыток со стороны администрации противопоставить здешним освободительным стремлениям аресты и другие репрессивные меры. Союз А. П. Г., поставивший своей первой целью защиту завоеванных народом прав на свободу слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенность личности, и считающий защиту этих прав священной обязанностью каждого гражданина, — обсудив на общем

своем собрании то отношение, которое он должен будет проявить против всяких репрессивных мер, пришел к следующему постановлению: продолжать поддерживать спокойное, корректное отношение к существующим властям, пока их действия не нарушают наших гражданских прав, но всякая попытка с их стороны нарушить права на свободу, должна быть встречена дружным отпором. Попытка лишить местное общество права собрания, слова и печати, равно и всякий политический арест должны почитаться всеми, как крайний произвол, превышающий меру терпения, и Союз будет считать прямой обязанностью для всех не только поддерживающих, но и сочувствующих делу освобождения русского народа восстать против произвола и действовать всеми способами, какие окажутся возможными для действия массами, группами, и для отдельных лиц и направлять все доступные способы действий не только против инициаторов репрессий, но и против всех прислужников правительства, какие явятся исполнителями, не считаясь с большей или меньшей их долею в деле исполнения.

Народ должен доказать, что он дорос до сознания своих прав, что он умеет их защищать и он использует все средства борьбы с насильниками.

Союз А. П. Г. предлагает всем существующим в Благовещенске Союзам, группам и партиям, считающим себя поддерживающими освободительное движение, также высказать свое категорическое решение об отношении к возможным репрессиям. В случае какого-либо политического ареста Союз Прогр. Групп предлагает всем и каждому принять все меры для немедленного оповещения о нем всего Общества, причем первой мерой в этом случае со стороны населения, должна быть немедленная приостановка работ на всех фабриках, заводах, мастерских, закрытие всех торговых, промышленных заведений и всех общественных учреждений.

Настоящее постановление напечатать на отдельных листах и в местных газетах».

Союз Амурских рабочих постановил вполне присоединиться к этому постановлению, на котором имеется подпись: «Общее Делегатское Бюро Союза Рабочих».

Воззвание это имело большой успех в широких трудовых массах. Немедленно после распространения этого воззвания со всех концов края начали поступать постановления различных общественных организаций о своем присоединении к постановлению Союза А. П. Г.

14 января 1906 года налаженная телеграфная связь начала приносить печальные вести, — везде и всюду реакционеры и черносотенцы вышли на улицу чинить суд и расправу. Организуются карательные «экспедиции», полевые суды, казни, расстрелы... Получились подробные сведения о подавлении Владивостокского восстания 11 января 1906 года. Восставшими войсками тяжело ранен в грудь и шею комендант крепости Селиванов и тут же убиты два его ад'ютанта. На другой день восставшие пришли в комендантское управление освобождать арестованных делегатов — доктора

Ланковского и нижнего чина Шпера. При освобождении убит генерал Модль, вступивший в должность коменданта, вместо смертельно раненого накануне Селиванова. Восставшие войска разбили казаков, высланных для подавления восстания, возвратились обратно в казармы и заняли некоторые крепостные батареи. Главнокомандующий Манчжурскими армиями, генерал Линевич отправил для подавления восстания генерала Мищенку. Позднее, через несколько дней, Линевич доложил Витте, что «Восстание подавлено и порядок восстановлен».

К этому времени начали поступать сведения о подготовках к организации государственной думы.

По этому поводу Союзом А. П. Г. были проведены два митинга 21 и 22 января, на которых выступавшие ораторы раз'яснили различие между думой и учредительным собранием. На собраниях этих была принята следующая резолюция:

«Только учредительное собрание свободно избранных народных представителей, для выработки основных положений нового государственного строя и указания путей для проведения главнейших социально-экономических реформ, — может вывести страну из того тупика, в который она ввергнута стремлением самодержавного правительства отстоять свои права. Народное Собрание предлагает всем сознательным гражданам сплотиться вокруг требования учредительного собрания и совместно со всеми борющимися в России силами добиться введения действительного народоправства в стране».

На этом митинге чуть не произошла паника. Оратор, рассказывая о событиях во Владивостоке, заявил, что «пока вы здесь разговариваете, по приказу приготовлены казаки, одна сотня в одном дворе, другая в другом». Поднялся шум, крик, некоторые побежали, не помогли и окрики председателя. Но вот из публики стали кричать: «Дайте дорогу трусам!» — И суматоха улеглась.

Под влиянием газетных слухов и известий о репрессиях и окончательно наступившей реакции, и благовещенская администрация осмелела. На улицах стали дефилировать казаки, солдаты. В первых числах января 1906 года была совершена загадочная прогулка — полурота местного батальона в полном порядке, под командой двух офицеров, дошла сначала до Сибирского Банка и, немного постояв у него, направилась к Государственному Банку, где и расположилась на отдых, составив ружья. На обратном пути у Сибирского Банка полурота вновь остановилась. Солдаты рассказали, что им было выдано на этот раз по 30 патронов, и погнали по городу.

Все же Союз А. П. Г. продолжал еще свою революционную работу. В день 19 февраля была устроена демонстрация с красными знаменами, посвященная памяти падения крепостного права (1861 г.). Демонстрация эта — правда, немного-

людная — была последним публичным выступлением Союза А. П. Г.

К этому времени получились сведения, что для ликвидации революционного движения в Сибири действует карательная экспедиция генерала Ренненкамфа. Поезд, в котором следует эта «экспедиция», называется «поездом смерти». Казни и расстрелы несет эта экспедиция заявившему о своих правах народу. До Благовещенска Ренненкамфу добраться не удалось, за отсутствием железнодорожного сообщения (железной дороги тогда еще на Амуре не было), а потому подавление революционного движения на Амуре проходило в так называемых «закономерных формах».

Интересны некоторые постановления Амурского казачьего с'езда. На с'езде представителей казачьего населения от 4 января 1906 года постановлено:

«События последнего времени, нарушив порядок государственной и общественной жизни, остановили и расстроили в конец жизнь нашей окраины, за отсутствием правомерного центрального органа в области. Насущные требования населения не могут быть проведены в жизнь, отчего еще больше усугубляется беспорядок общественной жизни окраины. В виду этого было бы крайне желательно организовать в Амурской области Исполнительный Комитет, облеченный доверием всего областного населения. С'езд войсковых делегатов предлагает Благовещенской Городской Думе взять на себя инициативу организации Областного Исполнительного Комитета, в состав которого вошли бы делегаты казачьего населения, крестьянского и городского, выбранные на началах всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Образованному таким способом Исполнительному Комитету вверить управление всей областью до организации в государстве народного представительства в виде Учредительного Собрания».

Затем, расходясь, Амурский казачий с'езд принял следующее постановление:

«Город Благовещенск 21-го января 1906 года. Мы, нижеподписавшиеся делегаты Амурского казачьего войска, на заседании своем вышеозначенного числа, под председательством учителя П. В. Попова, обсуждали вопрос о дальнейшей деятельности настоящего с'езда. По всестороннем обсуждении этого вопроса, с'езд пришел к следующему заключению. Все время, начиная с половины декабря 1905 года и до настоящего времени, с'езду пришлось считаться с явно враждебным отношением к нему начальства Самостоятельная роль с'езда без всяких «ходатайств», «просьб», «представлений», особенно не понравилась войсковому начальству и оно всеми мерами старалось парализовать деятельность с'езда. Выдать своевременно различные справки, документы, дать отчет по некоторым денежным делам — войсковое правление не считало своей обязанностью и даже категорически отказывалось. В последнее время, с переменой обстоятельств, войсковое начальство особенно враждебно стало относиться к с'езду и прекратило с ним даже всякие сношения. Работать, конечно, при таких обстоятельствах, стало невозможно. Приходилось, в силу необходимости решать вопрос о дальнейшей деятельности с'езда.

Не желая окончательно отказаться от выяснения нужд, казачий с'езд постановил — считать настоящий с'езд с 21-го января закрытым, отложив дальнейшую работу до более благоприятного времени».

Против всех, в той или иной форме принимавших участие в революционном движении, были возбуждены уголовные судебные дела. Россия самодержавная вновь вступила в свои права.

Члены Стачечного Комитета почтово-телеграфного Союза вскоре оказались все арестованными и впоследствии приговорены к каторжным работам.

Жестоко поплатились члены Президиума С'езда Амурского казачьего войска. Многие из них были вскоре арестованы войсковым правлением, а затем военным судом приговорены к разным срокам каторжных работ.

Некоторым членам Бюро Союза А. П. Г. удалось скрыться в Японию. Скрылись Э. А. Плосский, А. Н. Алексеевский, Б. И. Онуфрович, Д. М. Файнберг.

Судебное следствие по делу Бюро Союза А. П. Г. тянулось бесконечно долго. Многие члены Бюро успели раз'ехаться по разным городам, вследствие чего следственный материал собирался в течение нескольких лет. С. О. Хлусевич был вызван Правлением Сибирского Банка, которому было донесено о деятельном и крупном участии Хлусевича в революционном движении в Благовещенске. 26 апреля 1906 года мы всей семьей выехали из Благовещенска в Петербург. С нас была взята подписка, что обязуемся держать власть в курсе своего местожительства. Перед Благовещенским судом уже в 1910 году, впервые предстали С. и З. Хлусевич, А. Файнберг, А. Дацков и Р. Стемповский. Кроме того, по этому делу привлекался ряд других лиц, частью оказавшихся неразысканными, частью же привлеченных раньше по другим делам и отбывавших наказание в тюрьмах и на каторге. Так, член Бюро, чрезвычайно популярный оратор, народный учитель К. В. Касторов, выступавший на всех собраниях, уличных митингах 27 октября, когда праздновался день свободы, был приговорен к каторге — он был заключен в Акатуйскую тюрьму и вскоре там умер от туберкулеза.

Другой член Бюро, агроном Л. Людевиг, судился несколько раньше по делу «Амурской Газеты» и был приговорен к одному году крепости. Следствие по делу Амурских Прогрессивных Групп велось совершенно формально. В конце концов Союзу инкриминировалось только — «Участие в противозаконном сообществе, заведомо поставившем своей целью деятельности возбуждение и неповиновение закону и законным распоряжениям власти, в составлении и распространении воззваний, возбуждающих к бунту, и в устройстве публичного скопища, заведомо собравшегося заявить сочувствие лицам, учинившим 14 декабря 1825 года бунтовщическое деяние».

Таким образом, Бюро Союза, практически в течение почти 4 месяцев руководившее всем революционным движением в Амурской области, парализовавшее всякую деятельность местных властей, захватившее и фактически руководившее деятельностью всех правительственных и общественных учреждений, в том числе почтой и телеграфом, тюрьмой, Городской Управой, Казначейством и т. д. — в конечном счете Бюро было привлечено к ответственности только за формальные моменты своей деятельности. Тут надо сказать, что Бюро Союза во-время успело спрятать «концы в воду», и документальные данные, относящиеся к обширной деятельности Союза, не попали в руки следственной власти и, таким образом, кроме газетного материала неоткуда было черпать данные для обвинения членов Бюро Союза.

Дело это тянулось с момента привлечения к следствию в 1907 г. и закончилось 16-го мая 1914 года. По протестам прокуроров и апелляциям подсудимых дело это дважды рассматривалось Благовещенским окружным судом, дважды Иркутской судебной палатой и дважды сенатом. Обвиняемые привлечены были к ответственности по 1 ч. 125, 1 и 3 п. 129 и 2 ч. 121 ст. угол. улож. Дело закончилось приговором к одному году крепости. К этому времени, так как значительная часть участников этого процесса отпала, частью привлеченная к суду по другим делам, частью эмигрировавшая, то в последней инстанции приговор коснулся только четырех членов Бюро — С. О. Хлусевич, З. О. Хлусевич, А. М. Файнберга и А. О. Дацкова.

Живя в Нагасаки (Япония), эмигранты наши приняли очень деятельное и близкое участие в радикальной газете «Воля». Впоследствии Алексеевский был арестован и посажен в Благовещенскую тюрьму, откуда ему удачно удалось скрыться. В тюремной мастерской был заказан по специальным указаниям шкаф с двойной задней стенкой. Шкаф этот делали уголовные арестанты, сделан он был в точности по заказу. В этом шкафу Алексеевский преблагополучно скрылся. В тюрьме только к вечерней поверке обнаружено было отсутствие Алексеевского, но за это время бежавший уже был вне досягаемости. При поисках бежавшего, где-то в нескольких верстах от тюрьмы был найден только шкаф.

Б. Онуфрович забрался в Вильно, его там арестовали и увезли в Благовещенск, где он был приговорен Владивостокским военным судом на 6 лет каторги, которую отбывал на Амурской колесной дороге, в станице Раде. В 1910 г., когда я и муж мой ехали из Перми на суд в город Благовещенск, мы проезжали эту станицу Раде, провели несколько часов с

Онуфровичами (с ним жила его жена Ян. Мих.). Вскоре после нашего проезда Онуфровичу удалось бежать с колесухи в Южн. Америку, в Чили, где он с женой жил вместе с Оржихом. 30 января 1913 г. Онуфрович скоролостижно скончался в Чили.

Где Плосский, какая судьба его постигла, где он — не знаю. А. М. Файнберг живет в Москве.

Станислав Хлусевич умер от рака пищевода 24 января 1918 г., в Гаграх.

Открытое революционное выступление закончилось, как уже было указано, в Благовещенске демонстрацией 19 февраля 1906 г., но революционное движение, интенсивно развивавшееся в течение 4-х месяцев в Амурском крае, этим не закончилось, — оно ушло в подполье. Революционизированные широкие массы продолжали начатую в октябре 1905 года революционную работу, подтачивали и расшатывали тот фундамент, на который вновь взгромоздилось самодержавие, пока окончательно не рухнуло в 1917 году!

очень интересно
и душевно-больно.
Забытый уголок
Воспоминаний
Что только творилось и что
только перенесено человеком
ради лишней свободы

И. Здоровец

Воспоминания бессрочника[1]

I. Перевод в Николаев

— Выходи на этап, — открыв дверь сказал надзиратель. Схватив сумку и чайник, я быстро вышел в коридор, а через час конвоир, надев ручные кандалы и замкнув их висячим замком, скомандовал: «Шагом марш»!

— Куда? — спросил я.

— В Николаевскую каторжную тюрьму, — лаконически ответил ефрейтор.

Из бессрочной каторги вычеркнут один год. Впереди тюрьмы, Сибирь и бесконечные этапы, — думалось тогда.

Киевская Лукьяновская тюрьма осталась позади. Я шагал в сопровождении двух конвоиров по занесенным снегом улицам.

На одной из площадей Киева, старушка, крестясь протянула руку, подав мне медный пятак. — «Не полагается давать милостыню!» — отталкивая старушку, сказал конвоир. Она остановилась в недоумении, проговорив: — «Господи спаси и помилуй нас грешных, наверное не одну душу загубил».

Закованный в ручные и ножные кандалы и прикованный цепью за руку к своему соседу, также закованному по рукам и ногам, я сидел молча, прислонившись спиною к боковой перегородке вагона, набитого до отказа арестантами. На узловых железнодорожных станциях одних выводили, а на их место сажали новых.

Вагон все больше и больше наполнялся. Ночь. Тусклый свет догоревшей свечи едва давал возможность разглядеть лица моих соседей. Поезд с грохотом и визгом мчался вперед. Мы сидели прижавшись, локтями упираясь друг другу в бока. Все находящиеся рядом со мною были мне чужие. Я в первый раз их встречаю и может быть и последний. Все,

[1] Начало см. в № 2 „Каторги и Ссылки". *Ред.*

что нас связывает сейчас — это общая цепь, охватившая наши руки. Завтра, а может быть и через час нас повезут разными дорогами, в разные стороны. Мы сидим молча, поглядывая друг на друга, так как даже шепотом произнесенное слово казалось конвоирам заговором к побегу и вызывало грубый окрик.

Видимо мои товарищи по несчастью тоже бессрочные каторжане, ибо их руки и ноги закованы в кандалы.

Ночь близилась к концу. Дневной свет проникал сквозь затянутые морозом стекла. Убогие засыпанные снегом села виднелись вдали. Двое конвоиров зашли в вагон, сняли цепи, которыми мы были прикованы друг к другу. — Скоро приедем в Николаев? — спросил я. — Сядим, где нужно будет, — грубо ответил унтер-офицер. Жестокая бесчеловечная система, не ставила себе иной цели, кроме уничтожения и мести. Она лишала человека самого неот'емлемого — выражать свои мысли словами.

— Вставай и по два выходи из вагона, — скомандовал конвоир. Сотни кандалов зазвенели и арестанты, точно немые тени, двигались один за другим, спускаясь по ступенькам. Нас выстроили в два ряда. Конвоир пересчитал, тыкая каждого пальцем в шею. — Семьдесят человек, — сказал он, закончив счет. Затем, перестроив в четыре ряда, еще раз пересчитал. — По сторонам не глядеть, стоять на месте, не шевелиться до команды, — приказал солдат, обращаясь к арестантам.

Мороз щипал за уши. Обутые в арестантские «коты»[1], ноги, обмотанные холщевыми портянками, начали коченеть. Голые руки, затянутые в железные кандалы, онемели от холода. Мы стоим и ждем приказания. Серый из солдатского сукна «бушлат»[2] и серый выношенный с бубновым тузом на спине халат, мало защищают от холода. Тело коченеет. 70 арестантов, переступая с ноги на ногу, дрожат, зубами отбивая дробь. — Господин конвойный, мы замерзаем, отправляйте нас, попросил кто-то.

— Без тебя знаем, отправим, когда придет время, стой и жди.

Публика проходила мимо, безучастно поглядывая в нашу сторону. Тепло одетые пассажиры, быстро мчались на извозчиках со станции в город.

Перед нами виднелся Николаев, на окраине которого высились заводские трубы.

---

[1]) Коты — открытые башмаки из простой кожи.

[2]) Бушлат — короткий пиджак.

Наконец пришел унтер-офицер и скомандовал - шагом марш.

Серая масса арестантов зашевелилась и, звеня кандалами, двинулась, окруженная кольцом конвоиров.

Подгоняемые морозом, быстро стремились вперед. — Здай шаг, не спеши! — повторил солдат. Пройдя город, вышли на открытый снегом занесенный пустырь. Вдали виднелось двухэтажное белое с колоннами здание, обнесенное высокой каменной оградой.

Это Николаевская каторжная тюрьма. Углы каменной стены увенчивались круглыми башнями, на которых стояли часовые, охранявшие тюрьму.

Река Буг, скованная льдом, дугою опоясывала это красивое снаружи здание, предназначавшееся когда-то для морского училища, но самодержавие, напуганное революционным движением, начало укреплять трон устройством новых застенков. Теперь около 500 каторжан запрятаны здесь в стенах.

Мы остановились перед массивными воротами, тут же распахнувшимися. Пройдя двор, вошли в здание тюрьмы.

— Смирно, шапки долой, — скомандовал надзиратель.

— Это начальник, — шепнул мой сосед.

— Здорово, — прикасаясь указательным пальцем к козырьку процедил начальник.

— Здравия желаем, ваше высокоблагородие, — ответили десять-пятнадцать арестантов.

— Это что такое? Почему не все сняли шапки и не ответили на приветствие. Вы думаете свои порядки установить. Перепорю всех мерзавцев. Раздеть и обыскать, а неснявших шапок посадить в карцер на семь суток, — приказал он. Не успели опомниться, как надзиратели бросились срывать с нас одежду, не замечая в пылу усердия, что мы в наручниках. Быстро отомкнув замки наручников, принялись снимать бушлаты и брюки, отшвыривая их в сторону. Снятое белье и одежду заменяли принесенными из цейхгауза.

Начальник был среднего роста, блондин, худощавый. Прямой тонкий нос придавал его лицу красивое выражение. Серые глаза зло сверкали из-под нахмуренных бровей. Фамилия его была Колычов. Он стоял молча, пронизывая глазами арестантов, точно обдумывая какой-то план.

Когда обыск был закончен, приказал пятерым заключенным, в том числе и мне, одеть наручники и посадить в карцер.

II. Карцер

Мы спустились по лестнице и очутились в полутемном подвальном коридоре с низким потолком. Окно с железной решеткой упиралось в каменную стену.

— Вот тут погрей бока, — грубо толкнув меня рукой в спину, сказал надзиратель, закрывая дверь.

Сыростью и холодом пахнуло на меня. Абсолютная темнота стояла кругом. Я то открывал, то закрывал глаза, крепко сжимая веки, думая приучиться к темноте, но напрасно. Вытянув руки вперед и ступив три шага — пальцем достал стену. Приподняв руки вверх — достал потолок. Ноги ступали по асфальтовому полу. Ощупывая руками стены, наткнулся на деревянную скамейку. В углу возле дверей стояло железное ведро. Это так называемая «параша». В то время, как я изучал мое темное обиталище, дверь неожиданно открылась и надзиратель дернув за рукав сказал: а ну выходи, арестантская морда, снимай подкандальники [1], пояс, и если есть, давай носовой платок.

— Зачем? — спросил я.

— Если не хочешь, арестантская морда, получить ключей в бок, снимай молча.

Я снял все, что было приказано. Трудно об'яснить цель и смысл отбирания носового платка, портянок и подкандальников, но это практиковалось почти всегда и во всех тюрьмах, при заключении в карцер.

— Ну, заходи, нечего разглядывать по сторонам,— скомандовал надзиратель, захлопнув дверь. Я попытался пройтись по карцеру, но кандалы, волочась по асфальтовому полу, зазвенели. — Не лязгай кандалами, арестантская морда, — послышался окрик. Я сел на скамейку. Сырость пронизывала тело. Мысли путались в голове, глаза пытались прорезать темноту.

Взяв кандалы в руку и подняв их на икры, начал полусогнувшись ходить, а другую протянул вперед, чтобы не удариться лбом о стену. Верчение на одном месте быстро утомило и я снова сел.

В коридоре послышался топот ног. Это вечерняя поверка. Открыли дверь. Глаза щурились от света. — Ты, протестант, помни и заруби себе на носу, что ты попал в Николаевский централ, тут у тебя дурь выбьют из головы, покорный теленок двух маток сосет, а непослушный ни одной, — сказал старшин отделенный Коробка, видимо довольный своим

[1] Под кандальники — это специально выкроенная кожа с пряжками подкладывается под обручи кандалов.

нравоучением. Коробка — это правая рука Колычова, который, будучи переведен с повышением из какой-то провинциальной тюрьмы в Николаевскую, не мог расстаться с своим соратником Коробкой, перетянул последнего к себе в качестве старшего отделенного. Среднего роста, сутуловатый, всегда с опущенной головой, он, казалось, вынюхивал след, как ищейка. Серовато-бледные глаза гневно сверкали из-под нависших бровей. Гнусавый голос неприятно звучал. — Сволочь, негодяй, арестантская морда, горячих всыплю — вот его лексикон для заключенных.

Не один десяток раз я садился и ложился на узенькую скамейку, пытаясь заснуть, но тело коченело от холода, я снова поднимался и, держа кандалы в руках, ощупью ходил полусогнувшись. Усталый останавливался, прислушивался, но мертвая тишина стояла кругом. Наконец свистки, переливаясь, нарушили тишину. Сверху доносилось «човтанье» об пол и глухой звон кандалов. Двери быстро открывались и закрывались. Это была утренняя поверка, после которой надзиратель принес паек черного хлеба и кружку холодной воды.

— На, это тебе на день, — закрывая дверь, сказал он. Я проголодавшись, накинулся на хлеб и с'ел весь сразу. Время тянулось бесконечно долго и лишь вечерняя поверка напомнила об окончании дня. В соседнем карцере слышны были шаги. Я попытался постучать кулаком в стену, но надзиратель крикнул: «ты что, арестантская морда, стучишь, хочешь горячих получить». Пришлось отказаться от перестукивания. Каждый день надзиратель приносил паек хлеба и воду. На четвертые сутки подал гороховый суп и кашу. После обеда выводной надзиратель вывел меня на прогулку. Согласно внутреннего распорядка карцерному полагается через три дня на четвертый горячая пища и от 15 до 30 минут прогулка. Приведя во двор, в центре которого стояла круглая башня с часовым, надзиратель, указывая пальцем на вымощенный камнем круг, проговорил: вот ходи здесь, а по сторонам и на окна не гляди.

День был пасмурный. Снег падал крупными хлопьями. Доносилось чириканье воробьев. Я ходил молча, поглядывая из-под надвинутой на лоб фуражки, то на забор, то на часового, стоявшего на башне. Бушлат, надетый на рубашку, плохо грел. Ноги, обутые в «коты» без портянок, закоченели. Я попросил отвести меня в карцер. — «Полагается, полчаса, значит, гуляй, — ответил выводной.

Прошло еще трое долгих суток, когда Коробка, открыв карцер приказал следовать за ним. — Да смотри, а то дурь выбьем из головы, — добавил он.

III. Камера № 8

— Ты — политик или уголовный? — встретил меня вопросом надзиратель, стоявший возле дверей камеры № 8, куда я был приведен. — Политический, если вы интересуетесь. — Гм! — злорадно прогозорил надзиратель — еще и на «вы» обращается, значит из разумных, сознательный, подумаешь. Дома щи лаптями хлебал, а тут научился «выкать» и политическим стал. Я слушал, ничего не отвечая на его выпад, понимая, что он хочет к чему-нибудь придраться. Год жизни в Николаевской каторжной тюрьме оставил тяжелые воспоминания. Матвиевский — так звали этого отделенного надзирателя — не последнюю скрипку играл в Колычовском концерте. Трехаршинный гигант, с широкими плечами, изборожденным оспой лицом, небольшими, но злыми черными глазами, под ежик остриженными волосами и редко когда бритой бородой, — Матвиевский был грозою для заключенных. При входе в камеру, он, точно изголодавшийся зверь, втягивал поздрями воздух, устремлял глаза в какую-нибудь точку, затем как тигр делал прыжок и ткнув пальцем в какое-нибудь пятнышко, зло говорил, сверкая глазами: — Почему это пыль? Кто дежурный по камере? — и не ожидая ответа, продолжал, — вы, барбосы, грязь вздумали разводить. Марш в карцер! — И двое дежурных, молча одевали шапки и шли в карцер. Такие визиты Матвиевский делал ежедневно и редкий день обходился без карцера и оскорблений. Когда камеру выпускали в уборную, — это делалось два раза в день, — Матвиевский становился в железную клетку, специально сделанную для ограждения надзирателей на случай нападения арестантов и оттуда кричал: «Сволочи, барбосы, скорее двигайтесь, по сторонам не смотри, а то пулю в лоб получишь». Он часто не выдерживал, выскакивал из своей клетки, набрасываясь на задержавшегося в уборной арестанта, начинал трясти его, схватив за воротник рубахи, а затем толкнув кулаком в спину, выбрасывал в камеру, приговаривая: «Я тебе, барбос, покажу, как записки искать». Он неизменно держался за револьвер, крича: «пулю в лоб пущу!» Это был зверь в образе человека, матершина не сходила у него с языка.

Матвиевский, открыв камеру, вталкнул меня, защелкнул замок.

Светлая, сухая камера, показалась мне теплой и уютной после карцера. Два больших окна, низко расположенных над полом, давали много света. По бокам стояло два новых стола, выкрашенных в светлосерый цвет. К стенам были прикреплены железные рамы, обтянутые брезентом и служившие

койками. Заключенных было более 20 человек которые, обступив меня, начали распрашивать. Я был поражен интернациональным составом камеры: тут были грузины, армяне, сарты, татары, русские и украинцы.

Запах смолы и пеньки ударил в нос. На полу небольшими кучками валялись изрубленные на куски веревки. Тут же лежала размочаленная пенька. В воздухе носилась пыль, толстый слой которой виднелся на подоконниках, столах и карнизах.

— Почему веревки в камере? — «Мы размочаливаем старые канаты; кучки — это дневной урок каждому, — пояснили мне, а невыработавшему отделенный давал на следующий день двойную порцию. Если не справлялся, сажал в карцер.

Выслушивая печальное сообщение, я видел, как арестанты один за другим садились за работу, разрывая пальцами сухие, пыльные канаты.

Я все еще стоял посреди камеры, не зная, что мне делать. За дверьми, видимо, кто-то наблюдал, так как железный кружок дверной прозурки непрерывно двигался. Неожиданно щелкнул замок и в дверях показался Матвиевский. — Ты, что, как дуб, стоишь посреди камеры, наблюдателем хочешь заделаться. Я тебя понаблюдаю вот этим, — крикнул он, хватаясь за кобур. Он быстро вышел в коридор и принес большую охапку нарубленных канатов и бросив их на пол, выругался матершиной. — На, садись, поупражняй пальцы, они у тебя кстати, длинные, как у карманщика. Это будет полезно для легких подышать смолкой вместо прогулки в сосновом бору. Ну, чего глаза выпучил точно воробей на мякину. Это твоя сегодняшняя порция. У нас все по порциям и хлеб, и обед, и даже «горячие» (розги). Матвиевский, читая наставление, смотрел на меня злыми глазами, держа руку на кобуре. Ноздри широко раздувались. Я опустился на пол и начал раскручивать концы каната, от которых пыль лезла в нос. Матвиевский стоял и наблюдал. — Э, да ты, оказывается, умеешь хорошо работать, ну, закончишь, еще дадим, — и быстро повернувшись, вышел из камеры. Все както облегченно вздохнули, и начали полушепотом переговариваться. Вскоре принесли обед в медных бачках, вычищенных до блеска. Не успев закончить обед, как дверь вдруг быстро открылась и ввалились надзиратели во главе с Коробкой, который гнусаво скомандовал: — Бросай обед, вылазь в коридор и стройся. Каторжане, одновременно вставая, глухо звякнули кандалами и, нагнув низко головы, поспешно начали выходить и строиться.

— Ну, шаромыжники, раздевайся до гола, — скомандовал Матвиевский. И снова молча, точно выдрессированные животные, арестантские головы наклонились, торопливо расстегивая пряжки на подкандальниках. Вскоре все были в костюмах Адама, а надзиратели, нахмурив брови, прощупывали каждый шов, рубец и складку белья. Молчание нарушалось криками: «нагнись, арестантское быдло, растопырь пальцы, открой рот, раздвинь ноги». «Арестантское быдло» действительно молча нагибалось, растопыривало пальцы и открывало рты. Коробка стоял в стороне и дымил махоркой из «собачей ножки».

Это была потрясающая картина. Голые, закованные в железо люди молча переносили унизительную процедуру обыска.

— Одежду в руки и заходи в камеру, — скомандовал Коробка. Поспешно схватив под мышку одежду и белье, придерживая рукою кандалы, заключенные стали заходить в камеру. — Часто ли бывают такие обыски, — спросил я.

— Ежедневно, — ответили мне.

Не верилось тогда, чтобы издевательство и жестокость могли дойти до таких пределов.

Я подошел к окну, из которого виднелось вдали залесенное снегом поле. Поднимаемые ветром снежинки кружились тонкими столбиками. Глаза остановились на серой каменной стене, облепленной воробьями. Вдруг меня кто-то рванул сзади за воротник со страшной силой и я как сноп повалился на пол. В это же мгновение раздался оглушительный выстрел, расколов вдребезги оконное стекло, осколки которого со звоном посыпались на подоконник. Пуля взвизгнув, рикошетом ударилась в стену и, отскочив, закружилась на полу. Не успел я опомниться и подняться на ноги, как в камеру влетел Матвиевский и держа в руке револьвер, крикнул:

— Это что такое? Кто разбил окно? — Надзиратель, — ответили ему. — А ты чего, «масалка» проклятая — (так называли солдат на тюремном жаргоне), полез к окну? Жаль, что тебя не убили, тварину проклятую, пуля только даром пропала.

Все происшедшее так ошарашило меня, что я не успел опомниться и притти в себя, не зная, что отвечать и в чем моя вина. Меня никто не предупредил о том, что нельзя подходить к окну, — начал оправдываться я.

— Узнаешь, барбос, — зарычал Матвиевский, выходя из камеры.

— Скажи спасибо мне, я тебя спас, тебя убить хотел часовой, — сказал каторжанин с грузинским акцентом, уда-

ряя меня по плечу. Я тебя схватил, когда часовой брал на прицел наше окно, — продолжал он. Все ждали, что меня заберут в карцер, но по каким-то непонятным причинам Матвиевский не оправдал ожидания. Возможно у него нашлись более важные дела и он забыл обо мне.

Большие светлые окна, расположенные не более одного метра от пола давали много света. Весною в открытые рамы виднелись растилавшиеся по ту сторону широкого Буга зеленые поля, над которыми неслись песни жаворонков. Как хотелось подойти ближе, вдохнуть свежую весеннюю струю воздуха и посмотреть на голубое небо. Но окна служили мишенью надзирателям, которые без предупреждения стреляли в подходивших к ним арестантов.

В тюрьме говорили, что за каждого убитого надзиратели получали 3 рубля награды. Однажды, в камере на втором этаже, арестант не предупредив часового, взобрался на подоконник, вытирая пыль, но тут же был убит наповал.

Куча грязных канатов, лежавшая на полу, напоминала о работе. Каждый спешил закончить свой урок. Пеньковая веревка хрустела в руках. Пальцы разрывали смолою залитые концы, запах которых перемешиваясь с пылью, носился в воздухе. Послышался звук отворяемого замка и на пороге появился Коробка, за спиною которого стояла группа надзирателей. Снова началась процедура раздевания, прощупывания рубцов одежды и белья, которые только-что выворачивались и прощупывались этими же тюремщиками.

Коробка попрежнему наблюдал за обыском, покуривая «собачью ножку».

На этот раз обыск одновременно производился и в камере, зайдя в которую, мы увидели полный разгром. Подушки, одеяла, вынутые из сумок вещи — валялись на полу, в перемежку с грязной паклей. Брезенты были расшнурованы и обнаженные железные рамы кроватей торчали, как скелеты.

Свистки в коридорах известили о вечерней поверке. Коробка зайдя в камеру, пересчитал всех, громко повторяя: «один, два, три».

До 9 часов разрешалось говорить в полголоса. Поверка прошла. Все стихло. Лишь изредка подходил надзиратель, чуть заметно открывая дверную прозурку и снова уходил.

Мы, открыв коики, легли, вяло переговариваясь между собой.

Керосиновая лампа, привешенная на гвоздь к стене, тускло освещала камеру.

Татары на своем языке о чем-то бурно заспорили, временами поднимаясь на локти. Сарты тихо шептались, часто

показывая пальцем на дверь. Я был новым человеком и не принимал никакого участия в разговоре.

Странно было смотреть на лежавших здоровых, крепких людей, закованных в ручные и ножные кандалы.

Казалось, они забыли о своих железных спутниках. Они говорили, смеялись, жестикулируя закованными руками. Казалось, они забыли о сегодняшних унизительных обысках, о грязных веревках, пыль которых носится и сейчас. Казалось, что они не думают о том, что завтрашний день будет похож на сегодняшний и что с точностью повторятся все издевательства.

Восточные народы привыкли к курению табаку. Они верны себе и здесь. Каждый курил одну папиросу за другой, глубоко затягиваясь, выпуская дым длинной струей, который перемешиваясь с пылью, щекотал в носу и горле.

Свистки. Девять часов. Итак, день, полный унижений, закончился. Пора спать. Ах, если бы этот сон был длительным, беспрерывным, вечным, чтобы больше не слышать ругани, оскорблений, не раскручивать веревок и не глотать пыли.

Свистки подняли на утреннюю поверку. Принесли хлеб и кипяток; чай и сахар разрешалось иметь свой.

— А ну, выходи двое, получите копченой колбаски на закуску, — открыв дверь, — сказал Матвиевский. «Копченой кобаской» он называл веревку, раскручиваемую нами.

Вскоре принесли два мешка нарубленных канатов, распределив их по числу арестантов.

Печать безнадежности лежала на всех. Казалось, что каждый замкнулся в себе, о чем-то думая.

Выростали кучи размочаленной пакли, от которой пыль поднималась столбом. Некоторые завязали полотенцем головы, защищая волосы от пыли.

— Бросай паклю и выходи, — скомандовал Коробка, неожиданно появившись в дверях. И снова повторилась с мельчайшими подробностями вчерашняя процедура обыска, после которого «взяли» на прогулку.

Надзиратель на башне и выводной кричали ежеминутно: «куда морду повернул, куда глаза вытаращил», «смотри прямо перед собой, не отставай, а ты не напирай, рук в карманы не засовывай».

Мы, нагнув головы, шагаем по кругу. Глаза упираются в тюремную ограду и в тюремный двухэтажный фасад.

Проходили однообразные серые дни, сменяясь месяцами. Обыски вошли в систему, правильно чередуясь. Постоянные беспричинные придирки и унижения, составляли содержание тюремной жизни.

Раскручивание канатов продолжалось. Более слабые здоровьем, глотая ежедневно пыль, начинали кашлять и чахнуть. Двое, взятых в больницу, умерли от скоротечной чахотки.

Безнадежность и отчаяние об'единяли всех и политических и уголовных, порождая мысль о протесте.

Но часто тактика борьбы диктуется обстановкою и условиями.

Тюрьма ставила строгие границы желаниям, привычкам. Она обрезала крылья инициативе и воле. Она делает человека сырьем для машины, название которой — насилие.

Решетки, кандалы и сотни вооруженных людей, приставленных для охраны заключенных, являют собою мощную силу, достаточную для подчинения жестокому режиму. Ни физическая сила, ни оружие для массовой борьбы в тюрьме непригодны.

Своеобразные условия жизни выдвинули иные методы, выработанные за долгие годы узниками революционерами, это — голодовка, пассивный протест, требующий силы воли, настойчивости и выдержки.

Мы решили избрать последний метод — голодовку, рассчитывая на массовую поддержку.

Раскручивая веревки, окруженные густым облаком пыли, сидя на полу, совещались о том, когда и как об'явить голодовку. Кем-то внесено было компромиссное предложение о выступлении на поверке с заявлением, предлагающим отменить раскручивание веревок в камере и если администрация пойдет на такую уступку — голодовки не об'являть. Многие возражали, предлагая выставить требование общего характера, не ограничиваясь узко специфическими. Однако, большинство высказалось за последнее предложение.

Сделать заявление взял на себя Бугаев... Это был солдат, осужденный в 1906 году на бессрочную каторгу за Павлоградское вооруженное восстание среди войск. Редко я встречал на протяжении 10 л. каторги таких самоотверженных, стойких товарищей. Он всегда выходил первым там, где угрожала опасность другим. Мне пришлось просидеть с Бугаевым 9 лет, на протяжении которых он всегда выступал первым, всегда шел в защиту других, готовый взять на себя всю тяжесть борьбы. Особенно он заботился о своем товарище однодельце Пенсике, отличавшимся слабым здоровьем. При строгом режиме всякое заявление, связанное с протестом, грозит карцером или поркой.

Мне приходилось бывать несколько раз очевидцем, когда Пенсик выступал с протестом и когда Бугаев, желая спасти его от карцера, хватал за плечи и ставил в задние

ряды, становясь сам на его место. Самолюбивый Пенсик, горячился, доказывая, что он не желает иметь над собою опеки.

— Подумай о своем здоровье, — ты в карцере заболеешь, а под розгой умрешь, — убеждал Бугаев.

Однажды в Псковской тюрьме, когда камера вызвала начальника по поводу перемен белья и бани, Пенсик выступил с заявлением. Однако Бугаев, всегда рядом стоявший с Пенсиком, схватил последнего и поставил его в задние ряды, но он снова вышел вперед, обидчиво заявив, что он без нянек обойдется. — Это, что за фокусы? Взять их в карцер, — не понимая в чем дело, закричал начальник. Они оба просидели 5 суток.

Псковская каторжная тюрьма окончательно подкосила здоровье Бугаева. Он три раза подвергался порке, получив двести ударов розгами, от которых у него втечение года не заживали раны на бедрах. В 1915 году он заболел туберкулезом. Мы сидели в одиночке. Это было летом. После вечерней поверки оба лежали на койках. В тусклом свете керосиновой лампы отражался на стене силуэт его фигуры, расплываясь пятном. Среднего роста, широкоплечий, когда-то физически сильный он казался теперь ходячим скелетом. Отросшие светло-русые волосы спадали космами на лоб и виски. Серые глаза смотрели из двух глубоких впадин. Он беспрерывно кашлял кровью. — Пусть мучают, издеваются, но я не сдамся, — говорил он. И действительно не сдался. Находясь во Владимирской каторжной тюрьме совсем больной и слабый, принял участие в протесте и был взят в карцер, откуда больше не возвратился. Его отнесли в больницу. 8-го марта я получил его последнюю записку, в которой Бугаев писал: «Дорогой Иван, шлю тебе сердечный привет и желаю много лет прожить. Я умираю, верю, что наше страдание, наша смерть проложат дорогу в светлое будущее — в царство социализма. Прощай. Крепко целую тебя».

11 марта 1916 года его не стало. Мне видно было, когда его несли в покойницкую. Я записал в дневник следующее: «В чем же смысл жизни. Кому и во имя чего нужны были твои страдания, твои мучения, ушедшие в могилу вместе с тобой. Не лучше ли спокойная, мирная без борьбы и волнений жизнь. Нет, борьба за свои идеалы и свободу — вот истинный смысл жизни.

Молчание и пресмыкание перед сильными мира сего — удел людей, променявших свои убеждения и совесть на сытую животную жизнь.

Дорогой друг, ты своей борьбой и страданием положил на весы свободы и справедливости драгоценную лепту. Спи с миром. Теперь кончились твои страдания».

IV. Голодовка

Поверка. — Раз, два, три, — считал Коробка арестантов.

— Господин, Коробка, — обратился Бугаев, — мы просим отменить раскручивание веревок. — Кто это мы? — загундосил Коробка, — никаких «мы» у нас нет. Каждый может и должен заявить только от своего имени. Никаких коллективных заявлений не принимаю. — Тогда разрешите заявить тоже самое от своего имени, — сказал я. Меня поддержали еще товарищи. Коробка, не дослушав до конца, закричал: — Это что значит. Неповиновение, отказ от работы? Горячих всыпать каждому по 50. Вот и будут знать, как отказываться от работы, — свирепо проговорил Матвиевский, сверкая глазами и держась за револьвер. — Видишь, гады, чего захотели, — добавил он, поспешно выходя и захлопывая дверь камеры. Тотчас же в коридоре послышался гулкий топот ног. На пороге в сопровождении Коробки, Матвиевского и десятка надзирателей показался Колычов, раз'яренный, свирепый с сверкающими глазами. — Перепорю всех, сволочей, — закричал он, — бунтовать вздумали, отказываться от работы? Вы — каторжане, лишенные всех прав, убийцы, грабители, должны выполнять всякую работу, какую вам дают. Вы дармоеды, паразиты. Я заставлю вас камни переносить с места на место, и никто не смеет отказываться. — Он говорил быстро, захлебываясь от злости — Мы от работы не отказываемся, — сказал Бугаев, — лишь просим отвести для нас другое помещение, мы задыхаемся от пыли. Нам приходится дышать круглые сутки отравленным воздухом.

— А, вот чего вы захотели, понимаю, вы хотите, получив помещение для работы, организовать побег, так я вам покажу побег. Передохнете все, как собаки. Бугаев, выходи, взять его в карцер, — обращаясь к Матвиевскому, сказал Колычов, — а завтра дать им двойную порцию веревок. — Слушаю, ваше высокоблагородие, — прогундосил Коробка.

Колычов, очевидно, исчерпав запас ругани и угроз, вышел.

Видно было, что с нами начнут жестоко расправляться, что Колычов доведет свои угрозы до конца. С неизбежностью наступил момент борьбы.

Усевшись на скамейках, делая вид, что смотрим в разные стороны, начали полушепотом обсуждать вопрос о голодовке.

Кто-то следил за нами, беспрерывно открывая и опуская прозурку. Дверь с треском открылась. Колычов, вскочив

в камеру и топая ногами, крикнул: «всех сволочей, перепорю, я покажу вам как бунтовать. Отобрать постель и посадить на хлеб и воду».

Точно в атаку бросились надзиратели, толкая друг друга в дверях, стиснув нас в один угол, начали снимать брезентовые матрацы, вышвыривая их в коридор.

События толкали на голодовку.

Мы решили выставить требования, которые сводились к следующему: вежливое обращение, отмена порки и отмена раскручивания канатов.

Перед нами стал вопрос о способе оповещения других камер.

Петропавловская и Шлиссельбургская крепости в мрачные годы реакции были живой могилой для многих сотен революционеров и все же по толстым гранитным стенам неслась человеческая мысль, пробегая мимо ушей тюремщиков.

Тюремная азбука была верным спутником заключенных, державших связь между собою.

Мы, лежа на полу тихо переговаривались. Ночь бесконечно долго тянулась. Тело зябло от холода. Болели бока. Не спалось. Татарин что-то забормотал во сне.

Еще задолго до утра все проснулись, ожидая поверки, по окончании которой один из нас, спрятавшись за угол печки начал стучать карандашем о стену соседней камеры.— Ту-ту, — послышался ответный сигнал. Карандаш, точно дятел носом отбивал одно за другим «ту-ту». Стены заговорили. Мы все, затаив дыхание, с нетерпением ждали. — Дадут ответ после обсуждения, — сообщил нам телеграфист.

Получили извещение о согласии 20 человек примкнуть к голодовке.

На вечерней поверке заявили Коробке, сообщив свои требования.

— Скорей, сволочи, передохнете, нам не холодно и не жарко от вашей голодовки.

На следующий день утром Матвиевский, заидя в камеру, сказал: «возьмите хлеб» и показал рукою на корзину.

— Нет, — ответили ему. — Ха-ха, захохотал он, вы думаете запугать голодовкой, передохнете скорее — двумя десятками меньше гадов будет.

Точной цифры примкнувших к голодовке мы не знали. Слежка за камерой усилилась, мешая перестукиванию. На третьи сутки получили сведения о прекращении голодовки всеми примкнувшими к нам.

На поверке Коробка два раза спросил: ну что, водичку еще не надоело пить. Ответом было молчание.

— Горячих всыпать, тогда сразу попросят есть, — сказал Матвиевский, закрывая дверь.

На четвертые сутки один сарт заявил, что видел сон, предвещавший ему смерть, если он сегодня не покушает. Наивный сарт придумал не менее наивный сон, думая кого-то обмануть. Никто не верил в сон, но многие не разубеждали сарта.

Уголовные Мороз, Иващенко и Бурячек, воспользовавшись удобным случаем, заговорили о прекращении голодовки.

Мы вторично заявили требование о приглашении прокурора.

- Здохнете здесь и никакого прокурора не увидите, а если не прекратите голодовки, перепорю всех и посажу в карцер, — ответил Колычов.

Видя всю бесцельность дальнейшей голодовки, мы прекратили последнюю.

— Жаль, что ни один не сдох, — сказал Матвиевский.

Издевательство и грубость попрежнему царили на повседневном фоне нашей жизни. Но мы избавились от раскручивания веревок. Это была большая победа. Свободное время можно было заполнить чтением, но библиотека состояла преимущественно из книг религиозного содержания, как-то: евангелие, о киевских мощах, о Серафиме Саровском, о каком-то черниговском чудотворце. Русские классики — Гоголь, Тургенев и другие были редкостью, и мы брали их нарасхват.

В камеру привели Бугаева, получившего в карцере 25 розог.

V. Безумная попытка побега

Метель крутилась на дворе. Окна запорошило снегом. В холодные зимние дни тяжесть неволи менее чувствуется. Больше занят своими мыслями, копаешься в прошлом, проверяешь, анализируешь пережитое.

В один из таких зимних дней посадили к нам в камеру двух арестантов. Их юные лица еще горели от мороза. На вид им было не более 20 лет. Я забыл фамилии, но лица их запечатлелись в моей памяти. Светло-русые волосы красиво вились. Голубые глаза весело смотрели из-под светло-желтых ресниц. На лицах, усыпанных веснушками, играла веселая улыбка. Они были похожи друг на друга, как братья. Сняв с плеч сумки и бросив их на край стола, поздорова-

лись. Засыпанные вопросами, ответили: «мы анархисты из Варшавской тюрьмы». — Осади назад, и разойдись, — крикнул в прозурку Матвиевский.

— Так разве строго у вас? — Лучше бывает, — ответили мы.

— Нас не запугают. Мы долго здесь сидеть не будем.

— Песня старая, многие так говорят, — заметил кто-то.

Анархисты держались как-то обособленно и все время шептались между собой. Однажды заявили, что они собираются бежать. «Из угла в угол будете бежать» отпустил кто-то остроту. — Русский человек большой фантазер, — сказал татарин. Но анархисты, очевидно, твердо решили провести свой план в жизнь. «Вы позвольте нам самим все сделать, а вы как хотите, а в случае провала, — берем на себя, — заявили они. Молодые горячие головы рисовали план побега следующим образом.

Ночью они прорежут доски пола, спустятся в подвал цейхгауза, находившегося под нашей камерой, переоденутся в надзирательскую форму и через окна выйдут во двор.

План отличался явным безумием. У меня даже мелькнула мысль — не провоцируют ли они побега с какой-либо целью.

Под нашей камерой действительно находился цейхгауз, в котором хранилось обмундирование, но двор освещался газовыми фонарями и охранялся часовыми. На окне же цейхгауза была железная массивная решетка. Указание на фантастичность плана анархистами игнорировалось. Они были опьянены мечтой о воле.

— Чем же вы будете пилить пол и решетку, спросил кто-то. — Пилкой, — ответили анархисты. Сняв коты с ноги, ткнули пальцем в стельку: «вот тут она» Тюремная этика, выработанная многими десятилетиями не позволяет ставить какие-либо преграды желающих выити на волю. Мы ждали конца безумной затеи.

После поверки один из анархистов шмыгнул под опущенные койки, откуда вскоре послышалось жиканье пилки. На смену пошел его товарищ. Крупные капли пота катились по довольному лицу анархиста, сообщившего, что через три-четыре часа вся работа будет закончена.

Оптимизм очевидно подействовал на психику некоторых заключенных, начавших доказывать возможность удачи побега. Ровное жужжание пилки по дереву гипнотизировало волю. После свистков, извещавших о сне, наступила тишина. Мы не спали. Казалось, что ровное жужжание пилки разносилось эхом по коридору. Анархист, лежавший на крайней койке, следил за дверной прозуркой. Время тя-

нулось бесконечно долго. Пилка продолжала жикать. Анархисты уже два раза сменились. Мы лежали с закрытыми глазами, делая вид, что спим. Вдруг мгновенно, безшумно открылась дверь, и, о ужас, на пороге показался Колычов, держа в руках револьвер. Анархист не успел дать сигнала. Стояла жуткая тишина. Казалось, что и сердце биться перестало. Анархист, увлеченной работой, ничего не замечал, продолжая жикать пилкой. Все это длилось одно мгновение, показавшееся вечностью.

Колычов бешено. крикнул: «Стой, сволочь, вылазь, застрелю как собаку».

Жикание пилки оборвалось. Мы, вздрогнув, подпрыгнули.

— Перепорю всех. Ах, вы негодяи, бежать вздумали.

Анархист вылез из-под койки. «Взять эту сволочь, в карцер, — приказал Колычев. Анархист, как мяч вылетел, подталкиваемый десятком рук.

— Этих тоже, — добавил он. Одно мгновение — и мы были в карцере, а через неделю сидели в одиночках. Анархист получил 50 розог и месяц карцера. Надзиратель по нескольку раз осматривал стены, пол, решетку, простукивая молотком. Наконец, ровно через месяц всех перевели в общий корпус, посадив на второй этаж.— Ах, вы, сволочи, бежать вздумали, жаль, что пули в лоб не получили и горячих не всыпали, — ругался Матвиевский.

На горизонте тюремной жизни просвета не было. Каторжные тюрьмы превращены были в цитадели реакции. Остриженные под гребенку, одетые в серые суконные бушлаты и закованные в кандалы, политические были обезличены и поставлены под один ранжир с уголовными преступниками. Тюремщики всегда и везде подчеркивали, что в каторге нет ни политических, ни уголовных, а есть лишь арестанты.

Общий режим связывал всех единой цепью. Воры-рецидивисты, убийцы, грабители, неоднократно судившиеся, разнузданные, бесшабашные, грубые — сидели вместе с политическими.

VI. „Верхи и низы"

Воровской мир делился на верхи и низы, почетных и непочетных, на людей со стажем и без него, на родовитых и неродовитых. Принадлежность к той или иной категории указывает место, которое можно занять в воровской лестнице.

Верхушка — это «блатные» [1]. Они на голову выше простых смертных воришек.

[1]) Блатные — воры-рецидивисты, много раз судившиеся.

Это заправилы, командиры. Гордость их обусловливается количеством краж, грабежей, убийств. Чистокровность вора, его аристократизм определяется или происхождением от вора или занятием воровством с детства. — Ты, гад, куда суешь рыло, я больше башмаков избил, чем ты на свете прожил, — упрекает старый вор новичка, занявшего не свое место или сказавшего больше, чем ему положено.

— Две бабы устроили базар, — гласит поговорка. — Два блатных отравят жизнь не одному десятку людей — можно бы добавить.

Мороз, Иващенко, Бурячек — это тройка «блатных», сидевших в нашей камере, достаточна для того, чтобы отравить жизнь ядом интриг, выбить из колеи, оторвать от занятий.

Иващенко, похожий на цаплю, высокий, длинноногий, с небольшой головой и серыми глуповатыми глазами, был достойным контрастом своего товарища Мороза — среднего роста, коренастого, с толстой морщинистой шеей и лицом, усыпанным густо веснушками. Серые бесцветные глаза лукаво смотрели из-под нависших бровей.

Бурячек, маленького роста, вертлявый, черный, как цыган. Лицо окаймлялось небольшой окладистой бородкой. Маленькие черные глаза плутовато бегали. Тройка никогда не разлучалась. Вместе спали, обедали, пили чай, ходили по камере обнявшись и о чем-то шушукались днем и ночью. Однако, в течение дня, дружба не один раз нарушалась. Шушуканье переходило в громкий спор, правота которого доказывалась кулаками под бока. Нарушенный мир быстро восстанавливался об'ятиями.

— Ты, Федька, стерва, погорячился, — дружески упрекал Бурячек. Вспоминая прошлую разгульную жизнь, Иващенко, приложив ладонь к уху затягивал вполголоса воровскую песнь: Го-во-ри-ла мне мать, не хо-ди с вора-ми, а то в каторгу пой-дешь, ску-ют канда-лами.

— А хорошо было, Федька! — прищурив глаза, говорит Бурячек. — Да, — отвечал Мороз, прищелкивая языком.

Постоянные ссоры сменялись дружбой. Тогда об'ектом интриг избирались посторонние. Не придирались и не трогали тех, чей кулак увесисто опускался на их морду и быстро находил девятое ребро. Книгами интересовались тогда, когда листочек нужен был в известное место.

— Мороз, почему вы никогда не читаете? — «Растак его в бога, христа мать, что я-жлоб что-ли, что буду читать. В тюрьме вырос и в тюрьме подохну», — отвечал он.

По несчастью мне пришлось спать рядом с этой тройкой и невольно выслушивать в зимние длинные вечера их былые похождения.

— Эх, было время да прошло, — сказал Мороз, сокрушенно вздыхая. — Вот зайдешь бывало на «малину»[1], и как засядешь за картишки — в пух проиграешься или кучу выиграешь барахла и тут же заложишь и пропьешь. Водка, пиво, коньяк, мадера - ведрами носили. — Не наливай[2], Федя, — замечает Иващенко. — Честное слово, правду говорю. Пьян до упаду и сутками спишь, кто на столе, а кто под столом. Сигары английские покуриваешь. От закусок стол трещал - балыки, ветчина, икра, сардинки, колбаса, самые лучшие сельди — горами лежали, ешь — не хочу. Проспишься бывало, выпьешь два-три стаканчика коньяку, закусишь огурчиком и опять на бок. И так целыми сутками. — А мне, самое главное, это сивуха, - вставлял Бурячек, прищелкивая языком. — Были и «шмары»[3], вздыхая продолжал Мороз, — они водку, коньяк — бутылками пили. Однажды «фараоны»[4], накрыли нас. Мы спасаться — кто куда — в окна, на чердак, крышу, но многих поймали. Мы узнали, что гулявшая с нами шмара выдала нас, но зато мы ее, суку, «пришили в доску»[5]. Тут Мороз сделал паузу. — Ну, ну, продолжай — в один голос заторопили Иващенко и Бурячек.

— Мы пригласили «шмару», как будто бы не зная, что она засыпала[6]. Напоили водкой. Она веселая, смеется, а я думаю, вот постой, ты засмеешься, когда почувствуешь финку под сердцем. Вечером сговорились и сказали, что идем на дело, попросив постоять на «стреме»[7]. Согласилась, пошла. Нас было двое, она третья. Ветер завывал. Снег бил в глаза и падал за воротник. Была темная ночь. Мы зашли в глухой переулок. Финка сверкнула у нее перед глазами. — Говори, «сука», — ты выдала «малину» и нас продала «фараонам». — Будет тебе шутить, Федя, — говорит она, — я никого не выдавала и ничего не знаю, клянусь тебе честным словом вора, я ненавижу «фараонов», как и ты. — Ну, а ты знал, что она выдала? — спросил Бурачек. — Да, нам сообщил свои «фараон». Стон, мольба, слезы — ничто не

---

[1] Малина — квартира, воровской притон.
[2] Не наливай — не ври.
[3] Шмара — женщина воровка, проститутка.
[4] Фараоны — полицейские.
[5] Пришить в доску — убить.
[6] Засыпать — выдать.
[7] Стрема — стоять на стороже.

помогло. Мы раздели ее. Я полоснул финкой, разрезав пополам одну и другую грудь. — Так ей, суке, и надо, будет знать, как продавать «фараонам», — разом сказали Иващенко и Бурячек. — Потом, разрезал живот, выколол глаза и перерезал горло. Ветер заглушал крик. Снег заметал следы. Но чтобы ты подумал, — воскликнул Мороз, — утром, когда я еще спал, пришел фараон и спросил у хозяйки мою фамилию. Она, дура, ответила, что я еще сплю. На допросе предъявлен был кошелек. Я так и замер.— Вы изувечили и убили Петрову Надежду по кличке «Нюрка косая?», — спросил фараон. — Нет. — Кошелек твой?.

— Нет. — Врешь! — Он открыл и вынул оттуда мой паспорт. — Почему кошелек лежал возле трупа? — Не знаю. — Меня фараоны как взяли в работу... Они били и кулаками, и ногами, и прикладами, а потом подвесили на веревке ногами вверх и продолжали бить резиновой палкой до тех пор, пока я не сознался. Потом мне пришили грабеж и осудили на бессрочную каторгу.

— Говорила мне мать, не ходи с ворами, а то в каторгу попадешь, скуют кандалами, — повторил Мороз воровскую песню. — Как же не воровать, когда мой отец пять раз судился за кражи и был сослан на Сахалин. Уже 8-ми лет отец поил меня сивухой и брал на «стрему», а то и в квартиры посылал. Говорит: «тебе ничего не будет, если поймают». Подрос — начал сам ходить на кражи и 12 лет первый раз фараоны арестовали.

— Этапы, ночлежка, колонии — всюду побывал я. — Ну, теперь верный хлеб заработал — вставил Иващенко.

Тускло горела керосиновая лампа. Ночь смотрела в окно.

Я закрыл глаза и силился заснуть, но не мог. Образ зверски убитой и обезображенной девушки стоял перед глазами. Стон, плач и мольба звучали в ушах.

Не один раз я слышал этот ужасный по своей жестокости рассказ и всегда подолгу не мог отделаться от тяжелого впечатления.

Мороз и его товарищи крепко спали. Рассказ все время сопровождался шутками и смехом. Казалось, они вспоминают о лучших днях своей жизни. И рассказчик и оба слушателя смаковали каждое слово. Лица их были веселые и довольные. Ни сожаления, ни раскаяния не выражали их лица.

Иващенко и Бурячек имеют за спиной не одну — две судимости за кражи, грабежи и в последний раз осуждены за убийство целой семьи киевских купцов.

Холодные зимние дни сменились весной. Теплый воздух тянул в открытые окна, в которые виднелся Буг, опоясывавший дугою тюрьму. Лодки с белыми парусами неслись по реке, точно лебеди с поднятыми крыльями. Вдали, на горизонте маленькими точками двигались лошадки, запряженные в плуг или борону. Поля покрылись изумрудною зеленью хлебов. Доносились песни жаворонков. Я часто издали в окно смотрел на голубое небо.

Мысли улетали далеко-далеко и только звон кандалов и переплетавшие окно решетки напоминали о тяжелой действительности.

Тоска по воле пришла вместе с весною. Воздушные замки строились один за другим. Некоторые все чаще и чаще начинали говорить о побеге, план которого рисовался следующим образом: в один из воскресных дней, когда администрация и надзор чаще всего бывают в городе, арестанты должны схватить надзирателя и Матвиевского, связать им руки и ноги и заткнуть им рты платками. Двое, переодевшись в снятую надзирательскую одежду, должны вывести заключенных на прогулочный двор, где обезоружить часового, перебраться через ограду и, переплыв Буг, спрятаться в зеленые хлеба. Вот надуманный план, а действительность говорила следующее: во всех выходах были двойные двери — железные и деревянные. В коридоре красовалась прикрепленная к стене и снабженная сигнализацией железная клетка, в которую заходил Матвиевский, когда выпускал арестантов и следил за последними.

Посредине прогулочного двора, на круглой башне запертой извнутри, стоял часовой. По двум углам сверху каменной ограды лепились такие же две башни с часовыми на них.

Здравый смысл подсказывал всю нелепость побега, но иногда рассудок уступает место фантасмагории.

Началась слежка, за Матвиевским, но последний, точно читая мысли на расстоянии становился в клетку, замыкался на ключ, обнажал револьвер, наблюдая за нами, при выходе на прогулку или в уборную. Мы ждали развязки, зная, что попытка может закончиться трагическим концом, — нас перестреляют.

День за днем несбыточная мечта о побеге рассеивалась, забывалась. Наступила осень. Пожелтели листья. Потянуло прохладой. Буг снова сковало льдом. Поля засыпало снегом.

В один из ноябрьских дней 1909 года Матвиевский приказал собрать вещи и приготовиться на этап.

Чувство радости охватило всех. Нас вывели в коридор и переодели в полушубки.

Ветер взвизгивал, ударяя об стены, поднимая снежную пыль высоким столбом.

Ворота со скрипом открылись. – Прямо, шагом марш, — скомандовал конвоир. Серые арестантские фигуры тянулись длинной лентой по занесенной снегом дороге, позванивая кандалами.

Нас отправляли в Псковскую каторжную тюрьму, палочный режим, который нам тогда известен не был. «Исправительная деятельность» Колычова, Коробки и Матвиевского остались позади.

Что нас ждет впереди?

Метель кружилась, засыпая лицо мелким холодным порошком.

Прошло долгих тяжелых 10 лет каторги, когда так же дул сильный ветер и кружилась метель, но когда молодые, полные сил юноши, искалеченные усердием «исправлением» тюремщиков, — стали хилыми, обескровленными, похожими на стариков. Я снова встретил Колычова, когда над Москвой и Петроградом развевались красные знамена, когда народ пел торжественные гимны свободы и когда революционная стихия 1 марта 1917 года открыла Бутырские застенки, начальником которых был Колычов. Он украсил свою грудь красным бантом и призывал заключенных подчиниться революционному порядку.

Слабый, опираясь на костыли, я спросил: — Вы узнаете меня, я сидел в Николаевской тюрьме, фамилия моя Здоровец. — Нет, — лаконически ответил Колычов, отвернувшись. Но тени прошлого тревожили его — через несколько дней он исчез.

Два письма Розы Люксембург

Письма эти напечатаны впервые во французском журнале «La Revue Socialiste» за март 1920 г. Одно из них написано непосредственно после первой русской революции из Варшавской тюрьмы, другое во время империалистической войны из крепости в Вронке. Они адресованы Эмануилу и Матильде Вурм.

18/VII—1906. Варшава.

Дорогие Эммо и Тильда!

Благодарю горячо за ваше подробное сообщение. Наконец-то я знаю, что происходит в мире. Ваши письма, как и письма Каутского, до сих пор не доходили.

Что касается меня, то я скоро покину эти гостеприимные стены и как только прибуду благополучно на место, сообщу вам о себе и пришлю свой адрес. Я сгораю желанием работать, то-есть писать. И между прочим думаю, с каким наслаждением я погружусь в дебаты о всеобщей стачке. Еще несколько дней терпения, и над головою я почувствую прочные своды, попаду в такие условия, где смогу работать, ибо в настоящих условиях работать нельзя: хождениям в жандармерию, в прокуратуру и другие подобного рода приятные учреждения нет конца.

Последние споры в партии рассмешили меня. О! события, способные потрясти вселенную между Линденштрассе и Энгельуфер[1], подняли целую бурю! Каков вид имеет эта буря, если смотреть на нее о т с ю д а!

Мы переживаем прекрасное время! Я называю прекрасным такое время, которое поднимает проблемы в массах, и проблемы великие, которое стимулирует идеи, возбуждает «критику, насмешки и глубокие размышления», которое подстегивает страсти и которое, прежде всего, является временем плодотворным, рождая каждый час и не переставая рождать; и рождает оно не мертвых крыс, не дохлых мух, а гигантские события, гигантские преступления (смотри наше правительство) гигантские костры (смотри государственную Думу в России) и т. д. Я дрожу от радости при мысли, что

[1] В Берлине Бюро Парткомитета находится на Линденштрассе, а Всеобщее Объединение Союзов на Энгельуфер. **Н. Х.**

мне придется набросать картину всех этих гигантских «событий — прежде всего разумеется, в «Neue Zeit». Сохраните же мне место подходящее «гигантское». Ваше любезное предложение снабжать меня журналами, номерами «Neue Zeit» будет мною использовано в самом широком масштабе, но только тогда, когда я перееду в свое новое жилище.

Ваше полное выздоровление, дорогой Эммо, обрадовало меня до глубины души; имейте только мужество держаться и не переутомляйтесь работой. Ничто не должно вас сломить! Революция — великая стихия, все остальное — пустяки.

Дружеский привет вам обоим.

Ваша *Роза.*

Вронка, 16 февраля—17.

Дорогая Тильда!

Получила письма, карту, печенье — большое спасибо! Будь покойна, я держусь стойко; меня ничто не сокрушит! Для тебя я останусь всегда путеводной звездой, ибо твоя прямая натура подсказывает тебе, что я никогда не заблуждаюсь, — во мне нет привходящих колеблющих элементов: беспокойств, рутины парламентского кретинизма, искажающих суждения многих людей. Вся твоя аргументация против моего девиза, я к этому пришла и иначе не могу, ведет к следующему: все это отлично и хорошо,но люди слишком подлые, слишком слабые для такого героизма. Ergo следует приспособить тактику к их слабости, к принципу chi va piano, va sano (тише едешь, дальше будешь). Какая узость исторического понимания! Нет ничего более изменчивого, чем человеческая психология. Более того. Психика масс таит в себе вечный океан, множество скрытых возможностей: мертвый тихий покой и ревущую бурю, самую низкую подлость и самый возвышенный героизм. Масса всегда представляет собою то, во что ее неизбежно превращают исторические условия, и она всегда способна стать иной, чем она кажется. Плох тот капитан, который станет направлять свой корабль, считаясь только с настоящим состоянием морской поверхности и, вглядываясь в небосклон и морские пучины, не сумеет предугадать грядущей бури. «Разочарование в массах» является всегда самым компрометирующим свидетельством для политических вождей. Истинный вождь, вождь широкого размаха, направляет свою тактику, считаясь не с временной диспозицией масс, а согласно стальных законов эволюции, он придерживается твердо этих законов, вопреки всяким разочарованиям, и предоставляет истории завершить процесс постепенного созревания его действий.

Итак, «инцидент исчерпан». Я рада, что остаюсь твоим другом. Останусь ли также и твоим наставником, как ты того желаешь, это зависит от тебя.

Ты вспоминаешь один вечер десять лет назад, когда мы сидели на берегу озера Шляхтен и ждали появления первой звезды. Ты пробудила во мне другое воспоминание. Однажды октябрьским вечером мы сидели с Гансом Каутским[1] на берегу реки Гавель, точно также поджидая, когда покажутся первые звезды. Сумерки уже спустились на землю. Все же на горизонте сияла темно-пурпуровая полоса, отражавшаяся в Гавель и превращавшая водяную поверхность в огромный розовый лист. Легкий ветер всколыхнул воду, испещренную множеством черных точек. Было жутко. Мы сидели молча, точно зачарованные. Я смотрела на Гавель. Ганс случайно взглянул на меня. Вдруг он вскочил в ужасе и схватил меня за руку. «Что с вами?»—воскликнул он. Позади меня упала звезда, озарив меня фосфорическим блеском, и в нем я казалась бледной, как мертвец: я вся задрожала при виде падающего метеора. Ему показалось, что я умираю. Через несколько лет он запечатлел этот вечер на берегу реки Гавель в огромной прекрасной картине.

Очень обидно, что у тебя нет ни времени, ни охоты интересоваться чем-нибудь иным, кроме партийных неприятностей: такая исключительность вредна и для политических суждений. Кроме того, во все времена нужно быть прежде всего широким человеком. Но видишь ли, если имеешь возможность брать книгу в руки только изредка, то, по крайней мере, читай лишь хорошие книги, а не такую дрянь, как роман Спинозы, который ты мне прислала. Что ты пристаешь ко мне с отдельными горестями евреев! Меня в такой же степени трогают страдания рабов на каучуковых плантациях в Путумано, негров в Африке, которыми европейцы кидаются, точно мячами. Ты помнишь слова из отчета штаба экспедиции Трота в Калахари: «хрип умирающих, безумные вопли людей, погибавших от жажды, раздавались в величественной тишине бесконечности». О, эта величественная тишина бесконечности, в которой звучит такое множество неслышных криков. Она звенит во мне с такой мощью, что в душе моей нет больше места для гетто. Я чувствую себя дома во всем мире, где есть облака, птицы и человеческие слезы.

Вчера вечером над тюремной стеной пронеслись розоватые облака чудесной красоты. Я стояла у решетки и читала вслух мои любимые стихи Мериме.

---

[1] Художник, брат Карла Каутского. И. Х.

А теперь до свидания. Бог знает, когда я смогу еще раз написать тебе. В настоящее время у меня нет охоты писать. Но этим письмом я обязана тебе. Целую и жму крепко руку.

Твоя *Роза.*

Перевод с французского *И. Е. Хародчинской.*

С. Гессен

Иван Тургенев и семья декабриста Волконского

В конце 1860 года Тургенев из Парижа писал своей приятельнице, гр. Е. Е. Ламберт: «Я здесь почти никого не вижу: французов я, вы знаете, не люблю, а приятных русских мало. Здесь есть Кочубей, женатый на дочери Волконского, бывшей Молчановой; и он, и она милые люди, и так любят друг друга, что весело глядеть на них [1].

Молодой женщине, о которой так тепло отзывался Тургенев, минуло в это время всего 25 лет. Звали ее — Елена Сергеевна. Отцом ее был известный декабрист, князь Сергей Григорьевич Волконский, матерью — воспетая впоследствии Некрасовым, Мария Николаевна Волконская, рожд. Раевская. Елена Сергеевна родилась на каторге, в Петровском заводе. Это — та Неллинька, которой восторгался Лунин, которую все декабристы дарили нежнейшей любовью, на которую отец, когда ей было 8 лет, ласково жаловался, что она «прямо диво умом и добротой, но не очень склонна к учебным занятиям: уверяет, что все вздор, и едва посадят за тетрадку и книги, как порхнет птичкой к куклам и игрушкам» [2].

Пора любовного и балованного детства миновала быстро. Первый брак Елены Сергеевны с Д. В. Молчановым, чиновником особых поручений при Н. Н. Муравьеве-Амурском, генерал-губернаторе Вост. Сибири, был несчастлив. Оклеветанный и запятнанный лживыми доносами, Молчанов прошел сквозь всевозможные мучения, вплоть до острога и сумашедшего дома, и умер в 1857 г. Через 2 года Елена Сергеевна вторично вышла замуж за Николая Аркадьевича Кочубея, выпущенного в 1847 г. из Пажеского корпуса к статским делам. После свадьбы, молодые уехали за границу. Тогда судьба и свела их с Тургеневым.

Известен глубокий интерес к декабристам, проявлявшийся в 1860—70 гг. у Достоевского, Некрасова, Льва Толстого

---

[1] Письма И. С. Тургенева к гр. Е. Е. Ламберт. М. 1915, стр. 106.

[2] Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. М. 1926, стр. 68.

и др. писателей. Интерес этот нашел отражение и в их творчестве. Как будто Тургенев оставался в стороне от охватившего всю русскую интеллигенцию увлечения возвращенными изгнанниками, хотя с некоторыми из них Тургеневу довелось даже встречаться. В конце 1850-х гг. он познакомился с декабристом Н. Р. Цебриковым и восхищался его «рыцарской честностью». Позднее, в Париже, он сошелся со своим славным однофамильцем Н. И. Тургеневым, которого в 1871 г. прочувствованной статьей проводил в могилу: «Память его останется навсегда драгоценной для всех, кто знал его; но и Россия не забудет одного из лучших своих сынов».

И вот оказывается, что Тургенев был связан дружескими узами с членами семьи Волконского, живыми носителями декабристских воспоминаний и традиций, образы которых вдохновили и Некрасова, и Льва Толстого. Сохранившееся маленькое собрание писем и записок Тургенева к Елене Сергеевне, брату ее, кн. М. С. Волконскому и мужу, гр. Н. А. Кочубею [1], свидетельствует о дружбе тесной и долголетней. Познакомился он с Кочубеями, как сказано, в 1860 г. А в нашем собрании имеется письмо Тургенева из Парижа к Елене Сергеевне еще от 7 мая 1877 г., говорящее о простоте их отношений.

Любезнейшая Елена Сергеевна, мне, во-первых, хочется непременно Вас видеть до моего отъезда, а во-вторых, я обещал одному хорошему соотечественнику привести его к Вам: будете Вы дома завтра (во вторник) вечером — и могу я привести оного смертного? Черкните строчку в ответ.

Искренне Вам преданный *Ив. Тургенев.*

Последнее хронологически письмо из нашей маленькой коллекции относится к 1878 году. Оно свидетельствует о глубине отношений и разносторонности связей, лежавших в основе дружбы Елены Сергеевны и Тургенева.

Четверг, 7 февр. (28 янв.), 1878.

Любезнейшая Елена Сергеевна, очень порадовали Вы меня своим письмом, хотя, с другой стороны, мне грустно было убедиться в том, что мы, вероятно, не скоро увидимся. Фотографию Вашего очень милого и симпатического сына [2] я передал гр. Муравьевой [3]. Насчет фотографий: собственно для Вас я закажу свой новый портрет и пошлю Вам вместе с этим оттиск, отыскавшийся у меня в столе. Этой фотографии лет 12, и с тех пор успел побывать тогда ее [illegible] похожей, да и теперь ее считают хорошей. Из Ваших соображений о моем здоровье скажу Вам, что теперь я ничего, и —

[1] В Пушкинском доме при Академии Наук СССР.

[2] Сын Елены Сергеевны от 2-го брака, Михаил Николаевич Кочубей (р. 1863 г.).

[3] [illegible], гр. Софья Никитична Муравьева, жена сына [illegible], генерал-фельдмейстера гр. Л. П. Муравьева, и дочь декабриста Н. Н. Оржицкого.

живаю помаленьку: а был болен зимою сильным припадком подагры и почти два месяца не выходил из комнаты. Это помешало мне выехать в Петербург: но я все-таки намерен туда съездить в марте м. хоть на 6 недель: дела того требуют[1].

Переданные Вами известия о наших беспорядках и неурядицах огорчило меня, но не удивили. Окончание войны (которое, однако, не так близко, по уверениям многих, не смотря на перемирие) столь же необходимо России, как и Славянским княжествам, а то мы в конец разоримся и дойдем до банкротства[2].

М-ме Albini (Челюскина) все здесь и работает усердно. Успехи ее довольно медленны, но постоянны. Я узнал от нее, что Ягн у Вас в деревне строит миниатюрный пароход на Ваш пруд[3]). Поклонитесь ему от меня. А что Ваша дача — в русском стиле строится? Что поделывает Ваш другой протэже, молодой живописец Соколов?

Засим позвольте пожелать Вам всего хорошего и дружески пожать Вашу руку.

Искренне преданный Вам *Ив. Тургенев.*

В 1883 г. скончался Тургенев. 25-летняя дружба его с Еленой Сергеевной оборвалась. 25 лет — срок большой для обмена мыслями и воспоминаниями. Несомненно, что, во всяком случае, в первые годы их знакомства, воспоминания часто уводили Елену Сергеевну и Тургенева в недавнее прошлое, освещенное именем декабристов.

Перед нами еще два письмеца Тургенева к Елене Сергеевне, самые ранние, от 1862 года. 21 ноября, в Париже, Тургенев писал:

Я только вчера узнал, что Вы здесь — и сегодня хотел отправиться розыскивать Ваш адрес: мне очень досадно, что Вы меня не застали — но я очень рад, что Вы вспомнили обо мне. Завтра же являюсь к Вам — в 1 час — это время Вам удобно? — и мы вспомним многое, многое давно прошедшее. Дружески жму Вашу руку и остаюсь

Искренне Вам преданный *Ив. Тургенев.*

[1] Тургенев тяжело болел в конце 1877 г. 28 ноября он писал Я. П. Полонскому: «Вот скоро три недели, как я лежу без ног в постели, по милости необыкновенно сильного припадка подагры — и господь ведает, когда я буду в состоянии встать и вооружиться костылями». В Россию Тургенев приехал лишь в начале августа 1878 г. и прожил там более месяца, преимущественно у себя, в Спасском.

[2] Русско-турецкая война 1877—78 гг. с самого начала крайне тяжело отразилась на курсе бумажного рубля и, кроме того, обнаружила неподготовленность России к военным действиям и несостоятельность новой системы комплектования войск. Поэтому, победа над Турцией давалась нелегко. В середине января 1878 г. заключено было адрианопольское перемирие, а в марте подписан мирный договор, согласно которому Турция удовлетворяла все требования России относительно славянских государств.

[3] Архитектор А. Ю. Ягн, друг Волконских. По его рисункам построена была в с. Воронках церковь над прахом М. Н. и С. Г. Волконских.

И через несколько времени снова:

Любезнейшая Елена Сергеевна, с благодарностью возвращаю Вам замечательные записки Вашей матушки, которые я прочел (хотя с трудом, по причине почерка), но с великим интересом.

Желаю Вам в его хорошего, здоровья, счастливого пути и до свидания... где? Неизвестно — но наверно.

Преданный Вам *Ив. Тургенев*.

Таким образом, Тургенев первый, еще за много лет до Некрасова, познакомился с этим замечательным мемуарным памятником, оставленным одной из замечательнейших русских женщин. В это время сама Мария Николаевна была еще жива — она умерла в следующем, 1863-м году. Жив был и Сергей Григорьевич. Оба они в эти годы бывали за границей и могли встречаться с Тургеневым.

И. Белокуров

Встречи с Н. Э. Бауманом

Зимой, в конце 1895 г. или в начале 1896 г., возвращаясь из сельской управы, я шел по улице нашего села. Услыша позади себя шорох и, посторонившись, я увидел под'езжающую ко мне подводу в одну лошадь, запряженную в простые розвальни, а в них человека в башлыке и банковом чапане. Когда подвода со мной поравнялась, человек в башлыке попросил кучера остановиться и, обращаясь ко мне, спросил: не знаю ли я, где живет Иван Николаевич Белокуров? Когда, удивившись такому вопросу, я назвал себя, незнакомец сказал: «Вот хорошо, тогда садитесь сюда и поедем к вам, ведь я и еду к вам». Дорогой я не осмелился спросить, кто этот незнакомец и зачем он едет ко мне. Сидя с ним рядом, я увидел и по разговору понял, что это не простой человек, а, по нашему деревенскому понятию, барин. А известно, как тогда баре снисходили к мужикам: с ними не разговоришься. Но незнакомец сам разъяснил мне недоумение, сказав, что он ветеринарный врач нашего участка Николай Евграфович Бауман (он у нас себя называл Евграфовичем). Тогда я решил, что он едет по своему ветеринарному делу, а ко мне потому, что отец мой содержал квартиру, где врач и намерен остановиться.

Войдя к нам в дом, Николай Эрнестович сказал, что он теперь едет в Саратов, а посему, мол, если есть самовар, то не мешало бы попить чайку. Самовар у нас был, и, пока жена моя его разводила, я ждал, что врач пошлет меня за старостой для того, чтобы сделать ему какое-нибудь распоряжение по поводу страхования скота. Но оказалось, что Николай Эрнестович приехал не для этого. Севши за чай, он пригласил меня к себе в переднюю комнату, и здесь у нас с ним завязался разговор.

Николай Эрнестович сказал, что он приехал именно ко мне и вот по какому случаю. До него дошли слухи, что мы намереваемся открыть библиотеку. Заинтересовавшись этим, он просил рассказать, как мы надумали такое дело, как мы хотим его осуществить и на какие средства. Я рассказал Ни-

колаю Эрнестовичу, что, когда мне было семь лет, отец выучил меня читать по славянской азбуке. Сначала я читал только жития святых и др. религиозные книги. Но когда в 1880 г. в нашем селе открыли земскую школу, я узнал, что на свете есть и другие книги, кроме божественных. Я стал читать и их, сначала только школьные, а потом попадались и посерьезнее книги, но, главным образом, романы. Я так пристрастился к чтению, что без книг мне казалось и жить нельзя. Книг же тогда в наших местах почти не было; покупать их на собственные средства я не мог, во-первых, потому, что мы жили бедно, во-вторых, потому, что хозяйством распоряжался мой отец и на покупку книг он, конечно, денег не дал бы.

Вот я и стал думать, каким бы способом достать побольше книг. В результате этих размышлений я пришел к мысли собрать из таких же молодых людей, как и я, артель, посеять подсолнечник и на вырученные от продажи урожая деньги приобрести возможно больше книг. В прошлом году моя мечта осуществилась. Я собрал тринадцать товарищей и выпросил у управляющего две десятины земли. Всю зиму мы, собираясь по вечерам, мечтали о книгах, строили разные планы, но к весне нашу артель поп разбил. Несмотря на это, с оставшимися четырьмя товарищами мы посев сделали. Осенью урожай убрали, семена продали и выручили 48 рублей денег, на которые и думаем накупить книг и выписать газету и журнал.

Выслушав меня, Николай Эрнестович сказал, что это дело хорошее, что ему очень приятно встретить такой случай, не только редкий, но, пожалуй, и единственный: он, по крайней мере, не знает, чтобы сами крестьяне, по своей инициативе, решили открыть библиотеку. Потом, когда я сказал ему о своей неопытности в деле покупки книг, он посоветовал мне написать в петербургский комитет грамотности и дал мне его адрес. Впоследствии я исполнил совет Николая Эрнестовича и написал в этот комитет. Мне ответил Чарнолусский, с письмом приславший и руководство по открытию библиотек.

Потом Николай Эрнестович сказал, что он — член «Саратовского Общества Санитарных Врачей», и что это общество иногда помогает культурным начинаниям. Поэтому, когда у нас наладится дело с разрешением и уставом, он советует подать в это общество прошение о пособии, обещая поддержать наше ходатайство. Действительно, это общество отпустило нам 50 рублей.

Покончив с библиотечными вопросами, Николай Эрнестович начал расспрашивать меня, как мы живем, есть ли у нас своя земля, какие наши отношения к помещикам, к попам и разному начальству. У меня сложились какие-то странные,

можно сказать, уродливые понятия: испытывая на себе непосредственно гнет помещиков, я их ненавидел, даже желал их гибели, но царя боготворил, думая, что он желает наделить нас землей, но ничего не может поделать с помещиками. То же самое происходило во мне и относительно религии: я видел все поповские мерзости и, все-таки, начитавшись религиозных книг, почаевских и троицких листков, был до фанатизма религиозен, верил в поповского бога и искренно ему молился.

Видя это, Николай Эрнестович подходил ко мне осторожно: разными, на вид невинными вопросами старался навести меня на вывод, что царь, помещики и разное начальство — это одно и то же, что бога и религию нельзя отделить от попов. Но, соглашаясь с ним во многом, я все-таки упирался. Мое закоренелое убеждение в этот раз сломить Н. Э. так и не удалось. Мы с ним проговорили всю ночь до рассвета и, уже собираясь уезжать, он спросил меня, что я думаю о тех людях, которые убили Александра II. Я опять ответил ему словами почаевских листков, что это были изверги рода человеческого, что я их ненавижу и т. п. Тогда Н. Э., покачав головой, сказал: «Напрасно, это люди хорошие... но, впрочем, мы с вами еще кой о чем поговорим, приезжайте ко мне в Бурассы». Видя мое такое фанатическое упорство и слыша от меня такие гадкие, мерзкие слова, Н. Э. не рассердился, а на мое упорство решил ответить тоже упорством. Он, как видно, из моего поведения вывел заключение, что если меня просветить, то я с таким же упорством буду защищать и революционные убеждения.

После отъезда Н. Э. я невольно стал задумываться над его словами. Теперь уже мне захотелось поговорить с ним о некоторых возникших у меня вопросах, меня потянуло к нему в Бурассы. У меня, как я сказал выше, был отец, который относительно царя и бога был еще фанатичнее меня, а так как я во всем еще зависел от него, то в Бурассы я попал уже только летом.

Николая Эрнестовича я застал за врачебным приемом, поэтому, много времени уделить он мне не мог, но все-таки кое на что ответил. Теперь он мне показался другим, к его словам я уже относился по-другому. Заметив во мне перемену, Н. Э. выразил уверенность, что со своими монархическими и религиозными бреднями я все-таки расстанусь. В конце разговора он посоветовал мне, когда я буду в Саратове, сходить к некоему Макару Ивановичу и тут же дал мне записку с его адресом, в которой было указано, как его найти.

Я был в Саратове. Не помню, по какой улице, в глубине двора, стоял маленький флигелек. Когда я в него поступал, ко

мне вышла молодая не то женщина, не то девица. На вопрос, что мне нужно, я сказал, что нужно видеть Макара Ивановича, и отдал ей записку Н. Э. Девица сказала, что Макара Ивановича можно увидеть только в семь часов вечера, и предложила зайти в это время. В назначенный час я был уже в этом домике. Меня встретил человек лет 35-ти, с черной бородой. Кроме него, в квартире никого не было. На столе стояло два стакана чая. Мы сели и начали разговаривать. Макар Иванович в этот раз ничего серьезного не сказал, только спрашивал, какие я читал книги и что из них понял, на прощание просил заходить еще и обещал приготовить для меня другие книги. Больше Макара Ивановича мне видеть не удалось. **Кто такой он был, я и теперь не знаю.**

В тот же год, осенью, у моего дома остановился барский экипаж, из него вышел интеллигентный человек. Войдя в дом, он отрекомендовался мне письмоводителем из экономии графа Воронцова-Дашкова и сказал, что он явился ко мне по поручению Н. Э. Бауман, который после ареста из Бурасс уезжал совсем и перед отъездом желал бы еще раз со мной повидаться **и проститься.**

В назначенный день я был уже в Бурассах. Николая Эрнестовича я нашел в его квартире, за укладкой своих вещей. Здесь же был и человек Дмитрия Никитич Волков, с которым мы встретились уже как знакомые. На прощание, горячо пожимая мне руку, Николай Эрнестович выразил сожаление, что по случаю спешного отъезда в Москву, куда его зовут серьезные и неотложные дела, он не успел хорошо разъяснить мне мои заблуждения, от которых, мол, он глубоко уверен, я отделаюсь и выйду на правильный путь. Он выразил надежду, что в этом отношении мне поможет Дмитрий Никитич, с которым **советует сойтись поближе, и уехал...**

По совету Николая Эрнестовича, я часто стал ездить к Д. Н. Волкову. Он жил от меня в десяти верстах, в селе **Тепловке.**

Здесь, кроме самого Волкова, я встречался и с другими революционерами, в особенности очень сильно повлиял на меня живший у Дмитрия Никитича сестры Кузьмины, одна из которых была его женой. Получая от них книги, я успел в это время прочесть много хороших книг, одна из которых произвела в моих убеждениях окончательный переворот — книга Кеннана. Описанные им страдающие в Сибири революционеры казались мне такими великими, что я считал себя недостойным даже посмотреть на них, а между тем в лице Николая Эрнестовича и других я уже имел с ними общение, **хотя еще этого не понимал.**

Место врача в Бурассах после отъезда Н. Э. занял Григорий Александрович Оболдуев. Ему, как мне передавали, Николай Эрнестович оставил записку, в которой советовал обратить на меня внимание.

Должно быть, поэтому Григорий Александрович скоро со мной познакомился и часто ко мне заезжал. Но его вскоре арестовали, и при аресте жандармы, будто бы, нашли упомянутую записку. Поэтому и меня также записали в неблагонадежные. Это мне сообщил живший одно время у Волкова некий Адам Адамович Крафт.

Как ни странно покажется, но сообщение Крафта привело меня в восторг: я уже возомнил себя чуть не равным с героями Кеннана. Это сознание возвышало меня в собственных моих глазах, но также и обязывало. Сообщение Крафта оказалось правдоподобным: через два или три месяца у меня был обыск.

Не помню, в каком году и кто из упомянутых знакомых сообщил мне, что Николай Эрнестович сидел в Киевской тюрьме, откуда совершил удачный побег и уехал за границу.

Уже в 1906 г., когда я сидел в тюрьме, ко мне на свидание приходила сестра Николая Эрнестовича, если не забыл, ее звали Анастасия Эрнестовна; она сообщила мне о трагической смерти ее брата.

За то, что Николай Эрнестович не оттолкнул меня, а вывел на правильный путь, я и питаю к его памяти глубочайшее благоговение: не обрати он тогда на меня внимание, я, может быть, стал бы потом кулаком или управляющим какого-нибудь имения (такие предложения мне делались).

Какое пламя возгорелось от искры, брошенной в нашу местность Николаем Эрнестовичем, это видно из моей брошюры: «Из записок аграрника».

---

[1] Н. Белоусов. «Из записок аграрника» Дешевая библиотека журнала «Каторга и Ссылка». Москва, 1926 г.

Н. Нарбеков

Н. И. Алякритский

15 февраля 1931 г. умер в Москве от паралича сердца член народовольческого кружка при Об-ве политкаторжан и ссыльно-поселенцев, Николай Иванович Алякритский.

Покойный родился 24 апреля 1870 г. в г. Кологриве, Костромской губ., в семье сельского священника. Учился сначала в духовном училище, а затем в Костромской духовной семинарии, которую оставил в 1889 г., выйдя из 5 класса, когда вступил членом в народовольческий кружок, организованный в Костроме известным народовольцем М. В. Сабунаевым, бежавшим из Сибири, куда он был сослан в связи с делом Германа Лопатина. Осенью 1890 г. Н. И. был командирован Сабунаевым в Вологду для организации там народовольческого кружка. В Вологде ему удалось поработать очень недолго. В декабре 1890 г. Сабунаев был арестован в Костроме, и вслед за этим начались аресты и во всех других городах, где были организованы кружки: в Ярославле, Вологде, Нижнем, Владимире, Казани, Рязани, Москве. Н. И. был арестован в начале февраля 1891 г. в Вологде, где он и просидел в одиночке почти 2 года. Освобожденный из тюрьмы в декабре 1892 г., он был отдан под негласный надзор полиции на 3 года с запрещением в'езда в обе столицы и ряд других крупных городов. Большую часть этого периода он прожил у родителей в г. Георгиевском, Кологривского уезда, помогая им в сельскохозяйственных работах. По окончании надзора Н. И. удалось в 1895 г. поступить на службу в Москве в канцелярию правления Моск.-Ярослав.-Архангельск. ж. д., где он служил в должности регистратора до 1901 г., а затем переехал в Петербург и поступил на службу в транспортное и страховое об-во «Надежда», куда охотно принимали «неблагонадежных» лиц. В Петербурге Н. И. был снова арестован 15 июня 1903 г., по обвинению в подготовке покушения на Плеве, и заключен в Петропавловскую крепость, где он просидел до

мая 1904 г. Обвинение, основанное на провокации Азефа, доказать не удалось, но Н. И. был выслан по этапу сначала в г. Повенец, Олонецкой губ., а потом, еще дальше, на север в с. Вожму-Солму. В Сибирь в то время не ссылали, благодаря японской войне.

В Повенце его товарищами по ссылке были М. И. Калинин и А. П. Правдин.

Из ссылки Н. И. был возвращен в конце 1904 г., по амнистии Святополк-Мирского, и снова поселился в Петербурге, поступив на службу опять в об-во «Надежда», но когда в I Государственной Думе образовалась трудовая группа, Н. И оставил службу и уехал в Кологривский уезд, где занялся организацией крестьянских союзов и агитацией за составление и отправление от их имени наказов в трудовую группу. После разгрома Думы, он оставался еще некоторое время в деревне, а затем переехал в Ярославль и поступил там, уже 37 лет, студентом в Демидовский юридический лицей, который окончил в 1911 г., и был зачислен кандидатом на судебные должности при Костромском окружном суде. В этом звании пробыл до февральской революции, исполняя обязанности судебного следователя в разных уездных городах Костромской губ. В начале февральской революции Н. И. поселился в г. Кологриве и был выбран местными уездными революционно-общественными организациями, сначала на должность временного мирового судьи, потом председателя с'езда мировых судей. С упразднением этих должностей после Октябрьской революции был преподавателем политической экономии и обществоведения в школах 2-й ступени г. Костромы В 1922 г. переехал в Москву и поступил на службу юрисконсультом правления Северной ж. д. Приблизительно за год до смерти он оставил службу по расстроенному здоровью.

В личной жизни покойного проходит одна черта: верность общественному долгу, соединенная с редкой добротой и отзывчивостью. Н. И. не умел и не мог жить для себя, он постоянно о ком-нибудь хлопотал, кому-нибудь помогал. Не имея своих детей, он, урезывая до последней крайности свои личные потребности, дал возможность получить образование сначала своим младшим братьям и сестре, а затем племянникам и племянницам.

И. Попов

А. О. Бонч-Осмоловский

Еще так недавно, в № 6 журнала «Каторга и ссылка» за текущий год, я закончил статью о Н. К. Судзиловском цитатами из его письма к А. О. Бонч-Осмоловскому, а теперь приходится писать и о Бонч-Осмоловском.

Жизнь Анатолия Осиповича была не так красочна, как жизнь Судзиловского, но во всяком случае и эта жизнь была оригинальна, содержательна, богата интересными моментами, разного рода фактами, знакомствами и дружбой с лицами разнообразного общественного положения, встречавшимися Бонч-Осмоловскому на более чем 50-летнем пути его сознательной жизни. Из этих пятидесяти лет 40 лет были отданы А. О. революционной борьбе или протекали среди арестов, судебных процессов и тюремных заключений, которым подвергался не только сам Осмоловский, но и его жена — известная революционерка В. Н. Бахольская [1], и даже вся их семья.

Анатолий Осипович называл себя земледельцем, чернопередельцем, народником. На самом деле эти определения относятся скорее к его идеологии, а не к партиям, к которым он принадлежал: он был типичный революционер-одиночка, не укладывавшийся в рамки партии. В этом отношении у него было кое-что общее с Г. А. Лопатиным.

Человек предприимчивый, изумительной энергии, с массой планов в голове, он искал такую партию, где могли бы быть приложены его силы, где этот беспокойный, неусидчивый человек, изумлявший молодежь своей неутомимостью, нашел бы себе дело, которое захватывало бы его целиком. Революция была основной осью его жизни. Но если он был принужден бороться за другое дело, то и в него он старался вложить свою душу, свою энергию. Занявшись семейным хозяйством, чтобы финансировать революцию, он работал так, как работали редкие хозяева, извлекавшие выгоду для себя: встав в 5 ч. утра, ложился в 11—12 ч. вечера, проводя все это время на полевых работах.

[1] См. некролог ее в «Каторге и Ссылке» № 2 — 1930 г.

Для сорокалетней революционной деятельности Бонч-Осмоловского, для его идеологии наиболее правильное определение — народник — семидесятник, с значительным уклоном в сторону культурничества. Крестьяне и рабочие, преимущественно первые — вот та среда, куда главным образом была направлена мысль и где протекала революционная работа Бонч-Осмоловского.

Бонч-Осмоловский происходил из старинного белорусского рода [1].

Еще при деде Анатолия Осиповича род их захудал, и его отец, Осип Александрович, остался после смерти родителей 14-летним сиротой с младшими братьями и сестрами на руках. Окончив только уездное училище, он не мог продолжать образование. Ему пришлось поступить на службу, чтобы прокормить своих младших сестер и братьев. Обладая незаурядными способностями, настойчивостью, он чтением пополнил свое образование, был вполне интеллигентным человеком и сделал блестящую служебную карьеру. Ос. Ал. служил сначала в Могилеве, затем в Витебске и Смоленске. В Могилеве он женился на дочери русского полковника, по происхождению немца, у которого мать была итальянка. Таким образом в жилах Анатолия Осиповича текла кровь белоруса, немца и итальянца. В приданое за матерью отец получил деньги, на которые купил небольшое имение Дмитриевку, Рославльского уезда.

Ос. Ал. был в молодости прогрессивного образа мыслей и в крепостнических чиновных кругах считался «красным». В 1861 г., после освобождения крестьян, он был назначен мировым посредником в Рославль и вступил в конфликт с помещиками крепостниками, которые даже, кажется, избили его, и он вышел в отставку. Затем он поправел, был назначен членом проверочной комиссии, а затем крестьянского присутствия; дослужился до генеральских чинов, а когда, после польского восстания, русское правительство, стремясь ликвидировать польское землевладение и руссифицировать Польшу, стало раздавать на льготных условиях земли помещиков-повстанцев русским дворянам, он не отказался и приобрел одно из лучших имений — Блонь, Игуменского уезда, Минской губ. В этом имении и прошла большая часть жизни Анатолия Осиповича.

А. О. Бонч-Осмоловский родился в 1857 г. в Витебске. Детские годы его протекли в дер. Дмитриевке. Благодаря тому, что он был в семье один и товарищей у него из дворян-

[1] В моей статье о д-ре Розеле-Судзиловском (ж. «Каторга и Ссылка» № 6, 1931 г.) неправильно указано на его польское происхождение. Судзиловские — старинный белорусский род.

ских семей не было, он проводил время среди крестьянских детей. Под влиянием этой среды у него выработались демократические вкусы и было заложено основание его будущих народнических убеждений. С некоторыми из товарищей своего детства, напр., с Н. Ф. Прудниковым, он дружил до конца дней последнего, т.-е. до 1928 года. Ан. Ос. рано научился читать и читал без разбору. Когда ему исполнилось 11 лет, отец, опасаясь вредного влияния гимназии, увез его в Москву, в Катковский лицей, уже тогда славившийся своим реакционным направлением.

Среди детей губернаторов, крупных помещиков, важных чиновников и т. п. мальчик, взятый с деревенской улицы, чувствовал себя чужим и просил отца взять его из лицея, угрожая иначе покончить самоубийством. Отец пробрал сына, который тогда ударился в религиозность и замкнулся в себе. Он держал себя обособленно и в старших классах, когда его товарищи кутили. В лицее следили за чтением воспитанников; литература туда почти не пропускалась и там довольствовались ультра-реакционными «Московскими Ведомостями» и «Русским Вестником».

В 1875 г. курс в лицее был окончен, и А. О. по настоянию отца поступил в Институт инженеров путей сообщения. Институт открывал окончившим в нем курс, особенно при связях, дорогу на выгодные места с богатыми окладами, по постройке железных дорог. В институте А. О. продолжал оставаться религиозным, но здесь уже начались у него колебания в вере, — этому немало способствовало знакомство, а потом и дружба с могилевцем Г. П. Исаевым, будущим членом Исполнительного Комитета Народной Воли и братом Судзиловского, у которого А. О. жил в Петербурге. Христианство стало заменяться социализмом. Переходные экзамены по болезни А. О. не держал, а осенью 1876 г. ему удалось убедить отца, чтобы тот разрешил ему перевестись в университет. Согласие было дано, но только на юридический факультет. Через короткое время юридический факультет был заменен естественным, что едва не вызвало разрыва с отцом. Но отец любил сына и надеялся спасти его от опасных увлечений. Он всячески старался убедить сына, чтобы он оставил свои «завиральные» идеи и думал бы о блестящей карьере, которая при положении отца была вполне возможна. Эти споры заставили А. О. больше читать, думать, чтобы возражать отцу.

В Петербурге А. О., не примыкая к партии «Земля и Воля», деятельно занялся распространением нелегальной литературы и скоро составил себе на этом поприще популярное имя, так что имел по этому поводу разговор с ректором А. Н. Бекетовым. В университете А. О. много читал, писал рефераты

для кружка, в котором он участвовал вместе с Исаевым и И. И. Каблицем. К этому времени его народнические убеждения окончательно оформились. В каникулярное время А. О. уходил в народ и занимался изучением ремесл, работал учеником у кузнеца, батраком у крестьянина в Смоленской губ., и вместе с ним (крестьянин был бедняк) работал чернорабочим на железной дороге; был поденщиком на полевых работах в Области войска Донского. Все эти работы он преодолел, а в столярном деле остался мастером на всю жизнь. Под старость лет он сам отделал под фанеру кабинет в своем доме в Петровском парке. Занимался он и сельским хозяйством в имении матери Дмитриевка, где близко сходился с крестьянами. Всюду он вел пропаганду, раздавал нелегальные брошюры.

Вернувшись в Петербург, А. О. продолжал пропаганду среди студентов, размножал отчеты и речи с процесса 193-х, а когда на Большой бумагопрядильне началась стачка, он весь ушел в это дело; по собственной инициативе он открыл в университете подписку в пользу стачечников и деньги передал в стачечный комитет, где познакомился с С. Л. Перовской. После этой встречи он часто исполнял ее поручения. Стачка на бумагопрядильне помогла А. О. сблизиться с ткачами и вообще с рабочими, среди которых он и повел пропаганду. Вскоре на фабрике Полякова он едва не был арестован, но успел скрыться.

В 1878 г. А. О. занялся организацией землячеств среди студенчества, считая эту форму организации наиболее целесообразной для пропаганды, устройства демонстраций и других революционных выступлений, а главное для вербовки и подготовления революционеров. Он так увлекся землячествами, что пытался организовать их и среди рабочих. Много позднее, в 1906 г., в брошюре «Трудовые землячества» он развил свою точку зрения по этому вопросу и доказывал важное значение земляческих организаций.

Революционная деятельность А. О. среди студенчества и рабочих, организация землячеств, обратили внимание земледельцев, и они пригласили А. О. на свидание, на котором были А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, Д. А. Клеменц и Л. А. Тихомиров. К 1878 г. относится и его знакомство с В. А. Осинским, с которым он встречался в Петербурге, но сблизился в Киеве. Но и после этих знакомств А. О. не вступил в партию, а продолжал вести работу самостоятельно. В 1878 г. за участие в студенческих волнениях А. О. в числе 3-х зачинщиков был университетским судом приговорен к карцеру на 3 дня. На сходке, в присутствии ректора, вопреки его запрещению А. О. прочел письмо харьковских студентов.

В 1879 г., наконец, был организован кружок с практическими революционными задачами. В него вошли кроме Бонч-Осмоловского: В. Н. Яковенко, Загорский, Решко с сестрой, А. Н. Буланов и др. Кружок принял наименование «Молодые земледельцы» [1]. Но в это время уже произошло разделение «Земли и Воли» на две партии — «Черный Передел» и «Народную Волю», при чем ни одна из партий не должна была носить старое наименование. На это обстоятельство было указано и кружку Осмоловского, и тогда все члены кружка примкнули к чернопередельцам, но Ан. Ос. не прерывал связей и с народовольцами и оказывал им услуги. Так, он уступил свой стол в лаборатории университета и передал свой студенческий билет Н. И. Кибальчичу, который там производил опыты по приготовлению динамита. Сам Ан. Ос. работал под знаменем «Черного Передела» и сблизился с П. Аксельродом, Преображенским и др. и встречался с Г. В. Плехановым. Однако, работать ему пришлось недолго. С ним познакомился провокатор Максимович — Семека, который узнал о его занятиях с рабочими. Деятельность же его среди студенчества уже была известна жандармам. Бонч-Осмоловский разоблачил Семеку, но после этого сам был арестован и выслан в Минск к отцу, под надзор полиции. Отца он уже не застал в живых и приехал к его похоронам.

После смерти отца Ан. Ос. стал владельцем большого имения Блонь. Отец, зная убеждения сына и опасаясь, что он продаст имение, а деньги отдаст на революционное дело, по завещанию лишил его права продавать и закладывать имение. Действительно, серебро и др. ценности Ан. Ос. свез в Петербург и лично передал их «Черному Переделу» через Аксельрода, имение же он решил привести в порядок, сделать его доходным.

А. О. оказался деловым человеком и хорошим хозяином. Он поднял запущенное имение, расплатился с отцовскими долгами. Долгов было порядочно, и даже его мать взыскивала с него по векселю. Но именье в конце концов было приведено в порядок. Позднее А. О. построил крахмальный завод и стал получать порядочный доход, часть которого шла на революционное дело.

В 1880 г. Ан. Ос. женился на участнице процесса 193-х, Варваре Ивановне Ваховской. Она была на поруках у отца, и после венчания была отдана на поруки мужу... В лице Варвары Ивановны Ан. Ос. нашел друга и единомышленника.

[1] В своих воспоминаниях Б. Осмоловский не указывает, к сожалению, основания, побудившего их к наименованию себя «Молодыми землевольцами».

Оба Бонч-Осмоловские решили финансировать революцию. Перед Ан. Ос. даже вставал вопрос о том, чтобы бросить имение и итти в народ. Но потом, по зрелому обсуждению, он пришел к заключению, что деньги нужны для революции. Он с В. И. также обсуждал вопрос — не отказаться ли от активной революционной работы, дабы сохранить для партии источник средств. Но революционная работа для них обоих стала необходимой. Да и изолировать себя от революционных дел было невозможно: с чернопередельцами связи были тесные; А. О. не чурался и народовольцев, пришлось иметь сношения и с чернопередельческой типографией, находившейся в Минске. В 1882 г. А. О. приехал в Вильно для свидания с матерью и был арестован. Фальшивый паспорт он успел уничтожить. Допрашивали его о типографии в Минске, но арест произошел в связи с Петербургом. На этот раз А. О. отделался легко, быть может благодаря жандармскому генералу Лосеву, который служил с его отцом в Витебске. После 5-ти месяцев тюрьмы он был выслан в Блонь под надзор полиции. В Блони А. О. не сидел спокойно. Он был близок с крестьянами, помогал им, среди надежных вел пропаганду, имел связи и с рабочими, преимущественно с евреями. Много способствовал устройству артелей; более 10-ти крестьянских артелей ему удалось об'единить в коммуну, которой он отдал землю и снабдил ее инвентарем. Уже к половине 80-х гг. Блонь вполне справедливо считалась «очагом революционной заразы».

Когда явилась возможность выезжать из Блони, особенно когда нашел надежного заместителя — хозяина, А. О. не раз оставлял хозяйство и отправлялся с революционными целями в разные места. В 80-х гг. стали часты его поездки к сектантам, — пропаганде среди них и староверов А. О. придавал значение еще в 70-х гг. Несколько раз он ездил на Кавказ к духоборам, имел связи с «не нашими», «субботниками» и др., близко сошелся с сыновьями Сютаевыми, у которых даже гостила его жена с детьми. Сношения с сектантами продолжались и позднее, даже после революции 1905 г., когда А. О. напечатал популярную брошюру «Как живут духовные христиане». А. О. считал сектантов подготовленными к восприятию революционных идей.

В половине 80-х гг. А. О. заинтересовался толстовством и познакомился со многими видными толстовцами, напр., Л. П. Никифоровым, бывшим нечаевцем, женатым на сестре В. И. Засулич. Бывал и у самого Л. Н. Толстого, к которому приезжал с женой, и они толковали о том, как нужно устроить жизнь, «чтобы она была справедлива и люди счастливы». Мистицизм и божественность в учении Толстого помешали А. О. сделаться толстовцем, — он был рационалист.

Но он усердно гектографировал и распространял неразрешенные цензурой сочинения Толстого. К литературе легальной и нелегальной А. О. сохранил отношение, воспринятое им еще в 70-х гг. Он организовывал склады и библиотеки, множил нелегальные издания, не раз организовывал пересылку нелегальных изданий из-за границы.

Реакция 80-х гг., удушливая атмосфера «чеховских сумерок», полное отсутствие нелегальных изданий заставили А. О. с Рогаллером и др. попытаться издать революционный листок. Было составлено об'явление об издании и в 1887 г. Ан. Ос. поехал в Конотоп, Черниговской губ., где Рогаллер рекомендовал ему хозяина типографии. Но тот был болен, и пришлось разговаривать с его управляющим. А. О. заговорил не о «Листке», а о сказке Л. Толстого «Иван Дурак». В результате этого разговора Осмоловский снова был арестован. На допросах он разыграл из себя толстовца и был освобожден.

К 80-м гг. относится знакомство А. О. с литературными кругами: В. А. Гольцевым, А. П. Мертваго, Г. А. Мачтетом, В. И. и Е. Н. Семевскими, Водовозовыми, А. Пругавиным и др., а также с издателями — А. М. Калмыковой, И. Д. Сытиным, Ф. Ф. Павленковым и др. А. О. хлопотал об издании книжек «больше для народа».

В 1891 г. во время голода, охватившего 37 губерний юго-востока и юга России, А. О. организовал помощь голодающим. На Волге в Самарской губ., в дер. Макеевке, работала его жена Вар. Ив., организуя столовые на средства и из продуктов, присланных из Блони и ее окрестностей.

В 1896 г. Ан. Ос. съездил за границу, в Швейцарию, где познакомился с эмигрантами и между прочим с Е. Е. Лазаревым. Результатом этой поездки были два чемодана с двойным дном, наполненными нелегальной литературой. В Блони у Осмоловских был богатый склад литературы для пропаганды.

Дурная слава Блони в глазах администрации усугубилась, когда в 1897 г. у Осмоловских поселились вернувшиеся из ссылки приятели Варв. Ив. бывшие каторжане Е. К. Брешко-Брешковская и С. Ф. Ковалик с семьей. Впоследствии дочь Ковалика, Маруся, вышла замуж за сына Бонч-Осмоловского. В конце 90-х гг. в Минске в бактериологическом кабинете работал Г. А. Гершуни, а в местечке Пуховичи, где Осмоловские вели пропаганду среди рабочих, преимущественно евреев, поселился при аптеке провизор С. М. Клячко с молодой женой, Люб. Мих. В Минске, Блони и Пуховичах среди революционной молодежи возникла мысль о нелегальной типографии. В начале пытались организовать ее в Нежине, а в 1900 г. Люб. Мих. Клячко вместе с распропагандированным крестьянином Лукашиком организовали ее из материалов нежинской

типографии в Петербурге. В Блони находили приют представители всех революционных партий, а потому типография не принадлежала ни к какой партии; типография скоро провалилась; Лукашик и Л. М. Клячко были арестованы и последняя дала откровенные показания, на основании которых в Блони были арестованы Ан. Ос., его сын и 12 человек крестьян. После года заключения оба Осмоловские были административно отправлены на 5 лет в Сибирь, в Усть-Каменогорск, откуда их вскоре перевели в Белебей, Уфимской губ., а крестьяне Цеханович, Мигуцкий и др. были высланы на север. В Уфе А. О. познакомился с некоторыми с.-р. и, между прочим, с В. В. Леоновичем. В Усть-Каменогорске и Белебее А. О. не сидел спокойно, знакомился с учителями, рабочими, крестьянами и вел между ними пропаганду. Его ученики Р. В. и В. В. Архангельские (коммунисты), Н. П. Галякова, П. Махан и др. играли роль в 1905 г. У него останавливался и жил несколько дней Г. А. Гершуни, который оставил ему проект программы партии с.-р. с тем, чтобы А. О. с оказией отправил его с своими замечаниями в Женеву. В Уфимской губ. А. О. вошел в состав зарождавшегося тогда «Уральского Союза соц.-демократов и соц.-революционеров».

Во время ссылки в Блони сгорел крахмальный завод. А. О. по его просьбе отпустили в Блонь, но он прожил там около месяца. На кладбище кто-то повалил кресты и памятники. Это хулиганство приписали влиянию А. О. и вернули его в ссылку, в Белебей. В августе 1904 г., по манифесту Осмоловские вернулись из ссылки в Бронь и А. О. принялся за хозяйство, восстановил крахмальный завод. В январе 1905 г. А. О. познакомился с А. П. Потаповым, Аргуновым, Слетовым и др. с.-р. и в конце года был кооптирован в Центр. Ком. партии с.-р. А. О. вместе с своим сыном Родионом работал среди крестьян, участвовал в крестьянских конференциях, обсуждал проекты прокламаций для крестьян, а также принимал участие в обсуждении программы газеты «Земля и Воля». В Смоленске А. О. организовал нелегальную типографию с.-р., вошел в состав «Северозападного областного комитета» и при нем организовал техническое бюро для снабжения типографии партии с.-р., с.-д. и бундовцев шрифтом и др. материалами.

Номер газеты «Земля и Воля» решили печатать в трех типографиях — Смоленске, Бобруйске и Гомеле. Но эти типографии были завалены текущей работой с.-р. Тогда в августе 1905 г. Бонч-Осмоловский уехал в Женеву, где газета и была напечатана. Часть экземпляров «Земли и Воли» Осмоловский сам привез в Россию. Во время своих поездок за границу А. О. знакомился с видными революционерами — нашими и иностранными — П. А. Крапоткиным, Эл. Реклю и др., в Бель-

гии изучал кооперативные организации и вообще старался извлечь из поездок за границу пользу для дела.

В конце 1905 г. А. О. ездил по России, агитируя среди населения и выполняя поручения с.-р. Октябрьская забастовка застала его в Гомеле, где он приложил немало сил, чтобы предупредить еврейский погром. Из Гомеля он поспешил в Минск, где губернатор Курлов расстрелял мирную демонстрацию. Настроение в Минске было подавленное, и А. О. уехал в Петербург. Во время отсутствия Бонч-Осмоловского из Блони и тогда, когда он жил там, почти в каждом донесении губернатора Курлова, касалось ли оно крестьянских волнений, рабочего движения в Минске и Пуховичах, вообще ли революционного движения в Минской губ., — Блони отводилось не мало места: «Очагом всего революционного движения в Игуменском уезде и соседних местечках нужно считать имение Блонь, помещика Бонч-Осмоловского, при чем как лично он сам, так и его семейство, все люди политически неблагонадежные и настолько проникнуты противоправительственными взглядами Бонч-Осмоловского и являются рьяными проповедниками его учения среди местного еврейского и крестьянского населения». (Доклад Минского губернатора министру 24 августа 1905 г.).

В Петербурге, пользуясь прежними связями с издательствами, особенно с издательством «Школьное Дело», он отпечатал в большом количестве брошюры 70-х гг. — «Хитрую механику», «Сказку о четырех братьях» и др. и разослал по России. С тюком этих брошюр А. О. был арестован на вокзале и предан суду Судебной Палаты, которая оправдала его потому, что при Осмоловском оказалось лишь по одному экземпляру каждой брошюры. Защищал его А. С. Зарудный. После октябрьского манифеста А. О. с сыном Иваном вступил во Всероссийский Крестьянский Союз, участвовал на с'езде этого Союза в Москве. Союз имел целью об'единить крестьянство и выработать его платформу. В декабре А. О. должен был поехать в Киев на Областной С'езд партии с.-р., но в ожидании событий остался в Москве, на с'езд же вместо него поехал его сын Родион, который в Киеве был арестован вместе с конференцией. А. О. принял участие в восстании в декабрьские дни в Москве и все время пробыл на Пресне, в дружине Соколова-Медведя. Перед разгромом Пресни дружинники-повстанцы поручили ему вывести иностранного корреспондента, что он с успехом и выполнил.

После 1905 г. А. О. принимал деятельное участие в партии с.-р., начиная с первого с'езда партии на Иматре. Он был знаком со многими максималистами, укрывал их и между прочим Медведя-Соколова. После каждого его возвращения

в Блонь, в имении производились обыски. Осмоловские вначале вели им счет, но потом бросили считать. Весной 1908 г. в Блони произошел грандиозный обыск. Были арестованы сам А. О., его жена В. И., а через некоторое время сын Иван (другой сын — Родион — уже был осужден в Киеве на 3 г. крепости), племянник Ваховский, учительница Ермолина и ряд крестьян — Лукашик, Каток, Мигуцкий и др. Создалось громкое дело Бонч-Осмоловских и официально озаглавленное «Дело о Блонском Крестьянском Союзе», как филиале Всероссийского Крестьянского Союза. Все арестованные сидели в Минской тюрьме и через год были освобождены под залог. Обвинительный акт был составлен только 2-го февраля 1910 г. Виленская Судебная Палата разбирала дело три раза. Первый раз Палата приехала в Минск, но состав ее был таков, что защитник Грузенберг посоветовал дело отложить, а для этого Ан. Ос. должен был заболеть. Суд заподозрил симуляцию и послал врачебную комиссию осмотреть больного. Комиссия не нашла у А. О. апендицита и тогда на выручку явились друзья А. О., хирурги Д. Кодис и Ульянов. После комиссии они вскрыли кожные покровы в паху, наложили швы и представили суду доклад о том, что А. О. болен апендицитом и была произведена операция. Дело слушанием отложили. Симуляция была отвергнута. Во второй раз палата оправдала всех подсудимых, но сенат по протесту прокурора кассировал приговор.

За месяц до слушания дела в третий раз, А. О. был арестован, вероятно, чтобы предупредить возможность уклонения от суда. Палата вынесла относительно мягкий приговор— кратковременное заключение с зачетом предварительного заключения в тюрьме, так что все подсудимые были освобождены от наказания, кроме крестьянина Лукашика, Котка и учительницы Ермолиной. Мягкий приговор об'ясняется тем, что на суде хотя и удалось установить существование Блонского Крестьянского Союза и революционной организации среди евреев-рабочих, но свидетели крестьяне и рабочие всемерно выгораживали Бонч-Осмоловских и связь с союзом их не была доказана. О деятельности же А. О. за пределами Минской губ. у жандармов не было уличающих данных.

Процесс Осмоловских произвел большое впечатление. Газеты писали о нем, а черносотенная пресса злопыхательствовала. Вот что писало «Минское Слово» 21 января 1911 г.:

«Закончившийся вчера политический процесс так огромен, так велик, если можно так выразиться, по своему об'ему, что о нем нужно бы говорить и говорить... Прежде всего о героях процесса Анатолии и Варваре. Эти лица владеют прекрасным имением Блонь, Игуменского уезда. Имение это, к слову сказать, досталось отцу Анатолия в период ликвидации польского мятежа. И по иронии судьбы, как

бы в благодарность русскому царю за пожертвование отцу этого имущества, дети и внуки вели отчаянную борьбу с правительством и самодержавием русского царя Имение Блонь стало положительно революционным гнездом...

«Конечно, революционных гнезд в России много. Но гнездо Бонч-Осмоловских особенно достойно внимания всей читающей публики Чем, каким культур-трегерством занят русский помещик Бонч-Осмоловский? В то время как польский пан работает над поворотом физиономии белоруса в польскую сторону, русский помещик Бонч-Осмоловский занят расшатыванием политического мировоззрения народа, разбрасывает прокламации, читает революционные книжки, устраивает митинги из невежественной деревенской молодежи»..

Откинув злопыхательство газеты, опорочивание блонской деревенской молодежи, давшей ряд стойких революционеров, нужно признать приведенные факты и даже характеристику газеты близкими к действительности. Но эти факты составляют только небольшую часть деятельности Ан. Ос., которая распространялась на многие местности России и была разнообразна. Газета заблуждалась, говоря про Блонь, что таких «революционных гнезд в России было и есть много»... Мы не знаем других подобных Блони мест. Блонь в течение многих лет действительно была школой для революционеров. Она дала немало с.-р. и с.-д.; в 1905 г. Блонь действительно была агитационным центром, что не раз отмечал губернатор. На эту роль Блони указывал на суде Осмоловских и прокурор, когда говорил, что «твердою рукою русского правительства революция подавлена в 1905 г., но искра революции в с. Блони осталась... На вашей (судей) обязанности лежит теперь потушить эту искру, чтобы она не вспыхнула с новой силой и не зажгла эту местность новым революционным пламенем»...

Но власти уже были бессильны потушить эту искру. Революционная работа в Блони пошла бы и помимо Осмоловских, как это показал 1917 г., когда в Блони не было «ни Анатолия, ни Варвары, ни Ивана, ни Родиона Осмоловских», а сама Блонь, как и Минская губерния, оказалась рядом, а потом и в районе театра военных действий.

После процесса Осмоловские, молодые и старые, продолжали вести революционную борьбу. Несмотря на свой пожилой возраст Ан. Ос. попрежнему был неутомим и энергичен. Наступила империалистическая война. Минская губ. наполнилась беженцами, попавшими в ужасное положение. Ан. Ос. вначале от Пироговского Общества, хотя он и не был врачом, а потом от «Союза городов» организует помощь и беженцам, и в разоренных местностях населению, особенно еврейскому, спасает сотни детей, потерявших своих родителей. Ему доверяются большие суммы, около миллиона, осо-

бенно, когда он организовал отряды «Продовольственная помощь». От усиленной работы сердце надорвалось и ему пришлось поехать в Кисловодск. Февральская революция застала его в Москве. Он участвует в собраниях, агитирует, проходит гласным в московскую городскую думу, едет во Владимир представителем министерства земледелия при губернском земельном комитете. После Октября он избирается членом Исполнительного Комитета Владимирского губернского Совета Крестьянских Депутатов.

Прожив около года в Москве, в конце 1918 г. вместе с женой и малолетними детьми (во время войны он женился во второй раз на крестьянке Е. Ф. Новиковой). А. О. переезжает в Минск, где организует кооперативное Потребительское Общество, работает среди крестьян. Эта работа не прерывалась и тогда, когда после Брестского мира некоторое время были немцы; А. О. и при них выступал ходатаем за интересы населения. Когда же пришли поляки, А. О. снова принялся за нелегальную деятельность. А. О. с сыном, Родионом, помогает и спасает крестьян и евреев, укрывает большевиков, помогает им переправиться через границу, так при их содействии ушли будущий комиссар просвещения БССР Игнатовский, Чудновский и др.

В 1926 г. А. О. переехал в Москву. Он состоял членом Общества бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев и аккуратно посещал заседания кружка народовольцев, где читались его воспоминания, в которых он говорит больше о других, чем о себе. А. О. много отдавал забот судьбе своих товарищей по революционной борьбе, особенно вышедшим из Блони. За последние годы здоровье его пошатнулось, но никто не ждал такой неожиданной развязки: он скончался от удара 23 сентября вечером.

Библиография

О книге тов. П. Горина

(«Очерки по истории Советов Рабочих Депутатов»).

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

> «... Но как всякий стилист любит больше себя автором видеть, нежели другаго, то и тут во многом переправщик слова первые назад, а задние наперед переставил, и тем великую будто поправку нашего концелта доказал. Гораздо труднее дать идею сочинению в его создании, чем переменять слова». (Из письма Теплова к Н. Панину от 1 сентября 1762 года).

«... Вы не должны читать Гегеля так, — писал Энгельс к Шмидту в 1891 г., — как читал его П. Барт, именно для того, чтобы открывать в нем паралогизмы и передержки... Это работа школьника. Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи справедливое и гениальное». В известном смысле указание Энгельса приложимо и к новому труду т. Горина. Разумеется, мы не намерены заходить с аналогией настолько далеко, чтобы это могло неприятно обеспокоить прах великого диалектика-идеалиста. И при самом беспристрастном анализе читатель обнаружит в труде т. Горина немного справедливого и полное отсутствие гениального, почему автор этих строк и считает возможным прибегнуть ниже к скучной работе «школьника». Однако, повторяем, в некотором отношении замечание Энгельса может быть отнесено ко всякому, в том числе и к горинскому, произведению. Авторы ведь долго и упорно работают. В особенности это относится к историкам, муки творчества которых усугубляются необходимостью создания т. н. «ученого аппарата». Они вправе требовать, чтобы читатель по крайней мере попытался бы (как это иногда и не бывает безнадежно) отыскать «справедливое и гениальное» в продуктах их творчества. В осуществление этого авторского права мы и остановимся сначала на достоинствах книги.

Известным достоинством является уже самая попытка дать цельное марксистское исследование по истории Советов — этого одного из самых замечательнейших явлений первой русской революции. Ценно то, что тов. Горин не ограничивает себя, как большинство других исследователей, узкими географическими рамками, а пытается дать историю всех Советов, существовавших в пределах бывшей Российской империи. Правда, о провинциальных Советах мы узнаем очень мало нового, им посвящено по 2—3 строчки, но даже и такое введение их в работу есть некоторый шаг вперед. Большего от автора невозможно и требовать, ибо здесь он не выступает, как исследователь, работавший по первоисточникам, а идет по проторенной другими дороге. Заслуживает внимания и попытка ввести в круг исследования крестьянские, солдатские и матросские советы. К сожалению, над относящимся сюда архивным материалом автор сам, повидимому, очень мало работал и потому ограничился здесь самыми беглыми замечаниями.

Бесспорно правильна попытка т. Горина в конкретно-историческом работе над Советами 1905 года исходить из ленинского понимания тогдашних Советов как зародышей новой, еще невиданной в мире, революционной власти, как организаторов восстания. Другое дело, насколько эта, достойная всяческой похвалы, попытка увенчалась успехом. Во всяком случае с этой точки зрения он пытается анализировать деятельность как Петербургского, Московского, так и провинциальных Советов. Исходя из нее же, он совершенно правильно критикует историков и публицистов (в особенности меньшевиков), склонных, частенько не без злого умысла, смешивать Советы с обычными стачечными комитетами. В общем неплохо вскрывается и смехотворность претензий меньшевиков, пытающихся занять в истории место творцов Советов. Правильна, хотя местами и слаба (не по форме, а по существу), критика оппортунистической тактики меньшевиков, в частности Троцкого, по отношению к Советам и в самих Советах. Совершенно правильно подчеркнута крупная роль большевистской партии в образовании и в направлении деятельности Советов. К сожалению, дальше чисто внешнего подчеркивания, повторяющегося великое множество раз, автор почти не пошел. Эта чрезвычайно плодотворная идея не пропитала насквозь всего произведения и именно поэтому она выглядит как чисто архитектурное украшение. В некоторых местах книги — даже как архитектурная деталь иная по стилю, чем самое литературное здание, воздвигнутое т. Гориным. Вследствие этого, у читателя складывается искаженное понятие о 1905 годе, как об эпохе, в которую Совет был

всем (он руководит стачкой, он вооружает и ведет массы на восстание, словом, он — вождь и организатор), а партия играла скромную второстепенную роль. Мы не менее т. Горина понимаем огромное значение Советов, понимаем и то, что историк, в данном случае т. Горин, склонен несколько переоценивать значение объекта своего исследования. Это профессиональная болезнь историографов и с нею нужно бороться. Однако, в данном случае это, повидимому, не только продукт профессиональной болезни, но и отзвук некоего литературного источника, сила обаяния которого над т. Гориным неизмерима.

Вообще следует констатировать: во всех тех случаях, где нашему автору удается понять Ленина и последовать за ним, — он говорит мудро и исторически верно. Но, к сожалению, как это будет показано ниже, ему далеко не всегда дается такое понимание, и вот тут-то, оставаясь один, без надежного путеводителя, т. Горин, пришпориваемый нетерпением, с головой бросается в философию истории и изрекает странные вещи. Но не будем забегать вперед.

Мы с наивозможной тщательностью перечислили все сколько-нибудь крупные достоинства рассматриваемого труда и теперь, да простит нас Энгельс, приступаем к «работе пикольника».

И пусть читатель не думает, что это более легкая работа, чем та, с которой имел дело П. Барт. Наш автор, хотя и не создал диалектической логики, но по туманности и оригинальности изложения заткнет за пояс и самого Гегеля. Однако игра стоит свеч.

Следует с самого же начала честно предупредить читателя, что мы принуждены будем довольно часто прибегать к длинным выпискам из различных источников. Это скучно? Бесспорно, — но иного пути нет. Автор рассматриваемого труда, на наш взгляд, хотя и не создал ничего гениального, однако, в области «паралогизмов и передержек» далеко позади себя оставит старика Гегеля. Он превзошел последнего еще и в том отношении, что если для Гегеля паралогизмы и передержки служили, по свидетельству Энгельса, только «рычагами для построения», то у т. Горина самое «построение» наполовину состоит из них.

Автор не удержался в «узких» рамках своего сюжета и почел должным дать общую картину революции 1905 года, ее социально-экономических предпосылок, ее особенностей, ее движущих сил. Книга несомненно выиграла бы, если бы у т. Горина нашлись силы отказаться от этого непосильного для него предприятия. Книга выиграла бы еще более, если бы он вместо своих незрелых размышлений включил бы в нее,

в качестве введения, одну из работ Ленина. — Разве у Ленина нет статей, в которых на нескольких страницах дана блестящая общая характеристика революции 1905 года?

Книга выглядела бы, по крайней мере, сносно, если бы ее автор (уж ежели он бесповоротно решился строить «концепцию» и притом обязательно «своими словами») не пренебрег основательным изучением фактов прошлого, освещением этих фактов у Ленина и строго критическим отношением к писаниям некоторых из своих предшественников по изучению первых Советов.

Но, отвергнув с негодованием первую возможность (что же это за ученый труд, в котором нет общей «концепции»?!), а вслед за ней и две других, т. Горин все-таки дал «свою» концепцию 1905 года. Он полагает и, повидимому, совершенно искренно, что это изделие его по стилю и формулировкам — ленинское по духу. Мы держимся несколько иного мнения. Рассмотрим. Начнем с вопроса о движущих силах революции.

В разделе «Совет и мелкобуржуазные слои», обозначенном литерой Б., т. Горин поставил и небезынтересно, хотя и без тени оригинальности, разрешил один из коренных вопросов революции 1905 года, — вопрос о крестьянстве. «... Правильное разрешение и понимание этого вопроса, — пишет Горин, — возможно только при знакомстве с тактикой социал-демократии в отношении к крестьянству и оценкой его роли в революции» [1]. Заявив далее, что некоторые скорбные головы и злые языки именно в связи с этой проблемой клевещут на большевиков, он вознамерился дать «маленькую историческую справку» [2]. Так как наш автор — революционный марксист, а труд его издан единственным в мире центром коммунистической научной мысли, то читатель естественно ждет встретить далее ленинскую трактовку затронутой проблемы. Но коварное перо т. Горина готовит ему жестокое разочарование. Впрочем, предоставляем слово самому автору.

«Крестьянство в силу ряда исторических причин, — повествует он, — играло в России огромную роль, являясь двуликим Янусом, поведением которого в конечном счете определялись неудачи и победы революции... в процессе исторического развития хотя и выкристаллизовались два враждебных руководящих полюса — самодержавие и пролетариат, — имевшие свою идеологию, политику и так-

---

[1] П. Горин — «Очерки по истории Советов Рабочих Депутатов в 1905 г. 2-е изд., стр. 231.

[2] Там же, стр. 232.

тику, но крестьянство все же играло огромную роль, балансируя между самодержавием и революцией» [1]. Помилуйте! — воскликнет читатель, ознакомившись с этой тирадой.—Мне же обещали ленинскую трактовку проблемы, а ведь это же издевательство над ленинизмом! Ведь это же нечто очень близкое к... меньшевистско-троцкистской интерпретации вопроса! Увы! Мы бессильны, при всем желании, защитить здесь т. Горина. Гнев читателя справедлив. Да, абсолютно ясно, что это не ленинская, враждебная ленинизму, теория. В ней все бесподобно — от «ряда исторических причин» и «двуликого Януса», взятого у кого-то напрокат, до крестьянства «балансирующего между самодержавием и революцией» и «все же» (какой либерализм!) играющего роль. Однако два довода, мало, правда, спасающих злополучного автора тирады, я все же берусь привести в его пользу.

Первый — формального свойства. Тов. Горин обещал ведь дать социал-демократическое освещение проблемы и дал его. Оно вышло не большевистским, но ведь и социал-демократами именовались в те времена не одни только большевики. Второй довод: ни о каком сознательном издевательстве над ленинизмом не может итти и речи, хотя об'ективно оно налицо. Рассматриваемая тирада, как и множество других ей подобных, по преимуществу (но не целиком) продукт болезненной склонности нашего историка к неистовым, гиперболическим выражениям и недостаточного знакомства с целым «рядом исторических причин».

Итак приговор над крестьянством [2]. Российской империи эпохи 1905—1907 гг. произнесен. Оно отлучается от движущих сил буржуазно-демократической революции за балансирование между самодержавием, т.-е. «дворянски-крепостнически-помещичьей диктатурой» (Ленин), и революцией. Хотя приговор подписан таким крупным ученым как т. Горин и скреплен (задолго до его рождения в качестве

[1] Там же, стр. 232. Разрядка наша — П. П.

[2] Заметьте читатель: на до всем крестьянством. Т. Горин ни единым словом не оговаривается! Но если бы даже теперь он и вздумал спрятаться за рассеянность: я, мол, имел в виду кулака, да как-то «забыл» об этом упомянуть, то и это не улучшит его положения. Наоборот, попытка подменить в тираде многомиллионное крестьянство кулаком, — окончательно лишило бы ее какого бы то ни было смысла. Ведь Колумбии и Рокфеллеры в русской дореформенной деревне составляли незначительный процент населения. Поэтому т. Горин, избегайте лучше соблазна совершить такую замену, а то ведь получится такая неудобоваримая философия русской истории, в которой кулак «в силу ряда исторических причин» начнет играть «огромную роль» и даже определять судьбы русской революции 1905 года

историка) такими почтенными историографами, как Плеханов, Мартынов и Троцкий, — мы не можем отделаться от сомнений в его законности. Во-первых, против него решительно восстает сама история. Во-вторых, на нем нет надписи «публициста социал-демократии», как скромно называл себя Ленин, смотревший на дело решительно иначе.

Вероятно вам доводилось, т. Горин, когда-нибудь держать в руках знаменитую ленинскую работу — «Аграрная программа с.-д. в первой русской революции». Вероятно и читать даже доводилось, да только вы не поняли написанного, раз оказались склонным философствовать о крестьянстве в стиле вышеприведенной тирады. И очень жаль, что не поняли. Вся эта блестящая вещь, а некоторые места в особенности, как будто специально имеют в виду вашего «двуликого Януса».

«Аграрный вопрос, — говорит Ленин, — составляет основу буржуазной революции в России и обусловливает собой национальную особенность этой революции. Сущность этого вопроса составляет борьба крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в земледельческом строе России, а следовательно и во всех социальных и политических учреждениях ее»[1]. Стало быть — и за уничтожение самодержавия, в сторону которого т. Горин декретировал склоняться крестьянству.

На абстрактные, антиисторические, об'ективно-реакционные ламентации меньшевиков о крестьянстве, как о «реакционной массе», как о «двуликом Янусе», Ленин отвечал терпеливым раз'яснением особенностей русской революции, в которой буржуазия неизбежно выступит, как контрреволюционная сила, а крестьянство как сила — революционная. Ленин лучше чем кто-либо другой понимал двойственную природу крестьянина и неустанно на протяжении трех десятилетий учил этому пониманию свою партию, но как величайший революционный диалектик он умел в каждый данный исторический момент, исходя из анализа классовых интересов крестьянства, различных слоев в нем, вскрыть основную линию его поведения.

«Но неустойчивость крестьянства, — поучал Ленин меньшевиков летом 1905 г., — коренным образом отличается от неустойчивости буржуазии, ибо крестьянство в данный момент заинтересовано не столько в безусловной охране

[1] В. И. Ленин. Собр. соч. Изд. 2-е, т. XI, стр. 462. Разрядка наша — П. П.

частной собственности, сколько в отнятии помещичьей земли, одного из главных видов этой собственности. Не становясь от этого социалистическим, не переставая быть мелкобуржуазным, крестьянство способно стать полным и радикальнейшим сторонником *демократической* революции. Крестьянство неизбежно станет таковым, если только просвещающий его ход революционных событий не оборвется слишком рано предательством буржуазии и поражением пролетариата. Крестьянство неизбежно станет, при указанном условии, *оплотом* (внимайте, т. Горин!) *революции и республики* [1]. Ибо только вполне победившая революция сможет дать крестьянству *все* в области земельных реформ, *все то*, чего крестьянство хочет, о чем оно мечтает, что действительно необходимо ему...» [2]. Указав далее на неизбежное предательство либеральной буржуазии, Ленин пишет: «... буржуазия не способна довести революцию до конца, а *крестьянство способно довести революцию до конца*».

Но может быть Ленин «ошибся» в своем прогнозе, и тов. Горин извлек своего «двуликого Януса» из более поздних произведений «раскаявшегося» Ленина? Увы — эта версия безнадежна! Анализируя положение осенью 1905 года, при подъеме первой крупной волны крестьянских восстаний, в статье о съезде Крестьянского Союза, Ленин писал: «Теперь *наступил* момент, когда крестьянство выступает *сознательным* творцом *нового* уклада русской жизни». «Пошлем же горячий привет крестьянскому Союзу, — продолжает он, — принявшему решение бороться дружно и стойко, беззаветно и без колебаний, за полную волю и за всю землю... Эти крестьяне — действительно революционные демократы, с которыми мы должны итти и пойдем вместе на борьбу за полную победу теперешней революции» [4].

В таких выражениях приветствовал Ленин поднимающегося «двуликого Януса» осенью 1905 года.

Но пойдем далее. В блестящей статье «Опыт классификации русских политических партий», написанной почти на год позже вышеприведенной цитаты, Ленин говорит по интересующему нас вопросу следующее: «Типичный трудовик, это сознательный крестьянин. Ему не чужды стремления к сделке с монархией, к успокоению на *своем*[5] клочке земли

[1] Разрядка — здесь и выше наша, ниже в этой же цитате Ленина — П. П.

[2] В. И. Ленин, т. VIII, стр. 94.

[3] В. И. Ленин, т. VIII, стр. 95. — Разрядка наша.

[4] В. И. Ленин, т. VIII, стр. 382, 384—385. — Разрядка наша.

[5] Разрядка Ленина, ниже — наша. — П. П.

в рамках буржуазного строя»... Ага! — кричит т. Горин. Пришел и на мою улицу праздник! Ленин заговорил-таки в моем двуликоянусовском стиле! Не спешите, т. Горин. Мы ведь не без умысла берем именно это «реабилитирующее» вас место. Не спешите, — ибо за приведенной запятой следует: «но в настоящее время его главная сила идет на борьбу с помещиками за землю, на борьбу с крепостническим государством (а ведь это, к вашему сведению т. Горин, и есть самодержавие. — П. П.) за демократию» [1].

Кстати, в этой же статье Ленин говорит об «амплитуде политических качаний трудовой мелкой буржуазии». Он констатирует эти качания, как несомненнейший факт и мастерски вскрывает их экономическую природу. Тов. Горин опять приободряется: — ну, вот видите, сам Ленин отмечает «балансирование». Да, отмечает, но только у Ленина, т. Горин, крестьянство качается не между самодержавием и революцией, а между крайне-левой «трудовиков» — максималистами и их крайне-правой — энесами. И хотя эти последние далеко не революционеры, однако, заподозрить, например, В. И. Семевского в симпатиях к самодержавию довольно мудрено. И хотя (по замечанию Ленина в той же статье) они «очень мало» отличаются от кадетов, но все-таки отличаются. А в чем именно — узнаем у Ленина.

«... Кадеты — партия либеральная, стремящаяся и вынужденная стремиться прекратить революцию путем примирения свободы с старой властью (в ущерб свободе), помещика и крестьянина (в ущерб крестьянину). Трудовые же партии (н. с., трудовики и с.-р.) это городская и особенно сельская (т.-е. крестьянская) мелкобуржуазная демократия, вынужденная стремиться к дальнейшему развитию революции» [2]. А вынуждают трудовиков стремиться к этому коренные интересы класса, которым они представляют в политической жизни страны, т.-е. в первую очередь, интересы того же крестьянства. Итак, т. Горин, даже крайне правый полюс, до которого доходят политические колебания широких масс крестьянства (не Колупаевых, разумеется) в эпоху первой русской революции отстоят, по Ленину, от самодержавия на дистанции приличного размера.

Таким образом и Ленин, и сама история высказываются бесповоротно против Горина по вопросу об оценке роли крестьянства в революции 1905 года. Позиция т. Горина, как это абсолютно ясно в свете всего вышеизложенного, —

---

[1] В. И. Ленин, т. X, стр. 93.
[2] В. И. Ленин, т. XI, стр. 35. Разрядка Ленина.

не ленинская позиция. Вступил он на эту скользкую позицию потому, что совершенно не понял ленинского учения о революции 1905 года, как учения о «крестьянской буржуазной революции»[1], в которой гегемоном выступает пролетариат.

Но может быть т. Горин случайно изрек эту антиленинскую тираду? Хотя и абсолютно недопустимы такие «случайности» в серьезном научном труде революционного марксиста, но ведь на всякого мудреца довольно простоты. Однако предположение о случайности опровергается:

а) взглядами т. Горина на Крестьянский Союз и крестьянские волнения осенью 1905 г.[2], в) тем обстоятельством, что именно в этой главе, посвященной специально философствованию о крестьянстве, есть все, что угодно, вплоть до сенаторской вдовы, но нет критики меньшевистско-троцкистских оценок крестьянства как движущей силы буржуазно-демократической революции, с) тенденцией к переоценке роли городской мелкой буржуазии в революции 1905 года, д) неленинской оценкой роли либеральной буржуазии и буржуазной интеллигенции в революции 1905 года. На двух последних моментах стоит остановиться, ибо они способны пролить некоторый свет на интересующий нас вопрос.

«Гораздо большую работу, — пишет т. Горин, — Совету удалось проделать по революционизированию городских мелкобуржуазных слоев, представлявших бесспорно немалый удельный вес в революционных боях[3]. К сожалению, о собственно городской мелкой буржуазии в отношении ее к Советам и Советов к ней наш историк сумел не сказать ни слова во всем параграфе, озаглавленном «Совет и городские мелкобуржуазные слои». В нем сообщается о благородных намерениях некоего архитектора, предоставлявшего свою (повидимому, весьма обширную) квартиру под заседания Совета, и семейные несчастья какой-то высокопоставленной сенаторской вдовы. Повидимому, т. Горин относит этих персонажей к «мелкой буржуазии» с большим удельным весом в революционных боях, иначе — зачем бы они попали в специальный параграф. Но оставим комическую сторону дела, к ней (на еще более интересном материале) мы вернемся в конце.

Итак, крестьянство — «двуликий Янус»; его массовые организации, его выступления осенью 1905 года едва удостаиваются признания за ними «агитационного» значения — не более, а вот городское мещанство «бесспорно» реально-действующая и притом с «немалым удельным весом» сила!

---

[1] В. И. Ленин, т. XI, стр. 438.

[2] См. П. Горин «Советы», стр. 234. Ср. Ленин, т. IX, стр. 129.

[3] П. Горин. «Советы», стр. 248. Разрядка наша.

Ленинская ли это постановка вопроса? Тысячу раз нет. Ленин никогда не отрицал известного революционного значения за мелкой городской буржуазией в 1905 г., но он отводил ей очень скромное место, ибо великолепно разбирался в «ряде исторических причин». «В отличие от Запада», — одобрительно цитирует Ленин Каутского (раннего Каутского!), полемизируя с Плехановым как раз по вопросу о союзниках пролетариата в революции, — в России городская мелкая буржуазия «никогда не будет надежной опорой революционных партий» [1]. Иная постановка вопроса есть доктринерское, антиисторичное приложение мерок, годных для западно-европейских буржуазных революций первой половины истекшего столетия и неприложимых к русской революции 1905 года по двум, в основном, причинам. Во-первых, потому, что в ней пролетариат выступает не как политический подголосок партии городской мелкой буржуазии, а как класс-гегемон, возглавляемый своей классовой партией — революционной социал-демократией. Это кладет резкий отпечаток на поведение всех классов, выступающих в революции. Это, между прочим, усиливает политические шатания мелкой городской буржуазии, снижает (абсолютно и относительно) ее удельный вес в революции. Во-вторых, 1905 г. — крестьянская буржуазная революция. Это, предположив даже, что мелкая городская буржуазия все время выступает последовательно революционно, бесспорно снижает именно ее удельный вес. После того как наш историк исключил крестьянство из активных революционных сил в демократическом перевороте, ему не оставалось ничего другого, как искать иных (на его взгляд, повидимому, более решительных и надежных) союзников пролетариата. Он нашел их не только в мелкой городской буржуазии, роль которой явно преувеличил, но даже и в либерально-буржуазных кругах. Такова логика вещей.

«Из непоследовательного и трусливого поведения русской буржуазии и вытекала перед пролетариатом (какой изысканный стиль!) необходимость самостоятельного и смелого осуществления задач революции, необходимость быть авангардом в борьбе за интересы всех революционных классов, толковать буржуазию на революционный путь..» [2] — пи-

[1] В. И. Ленин, X, стр. 202. Разрядка наша.

[2] П. Горин. «Советы», стр. 81. Далее т. Горин в том же изысканном стиле говорит несколько невнятных слов (смысл которых таков: буржуа торгуется с самодержавием до тех пор, пока революция, возглавляемая пролетариатом, не достигла большого размаха. Когда такой момент настанет, буржуа, повидимому, прекратит торг и примкнет к революции. Не беда, что в действительности дело обстояло наоборот) и приводит цитату из Ленина, диссонирующую с его собственны-

шет т. Горин на стр. 49 первого издания своей книги. Но к чему вспоминать первую пробу пера, — скажет читатель. Ну, спора нет, приведенное место звучит очень странно, но ведь во втором издании, разумеется, ничего подобного нет?— Увы — есть. Приведенная формулировка за пять бурных лет, истекших со времени первого издания, не претерпела ни малейших изменений и в том же самом бесподобном виде разместилась ныне (во втором издании) на 81 странице. Впрочем, одной переделке она подверглась. «Вытекающая п е р е д пролетариатом необходимость», сменилась «вытекающей д л я пролетариата необходимостью». Это свидетельствует о том, что наш историк (если только не предположить, что изменение внес сострадательный корректор) за пять лет достиг заметных успехов в развитии своего литературного вкуса. Но это и все. В остальном т. Горин и ныне нашел свою формулировку безупречной, тогда как она не выдерживает критики.

В самом деле. С каких это пор революционные марксисты считают, что самостоятельное выступление пролетариата в революции 1905 года, в качестве ее гегемона, «вытекает» из непоследовательности и трусости буржуазии? На каком основании т. Горин п о н и ж а е т пролетариат, п р я м о о б у с л о в л и в а я его политическую самостоятельность, его гегемонию в революции упомянутыми качествами буржуазии?

Ведь из горинской формулировки с логической неизбежностью следует: вот если бы русская буржуазия была храбра и последовательна, тогда для выступления пролетариата в качестве самостоятельной политической силы не оставалось бы места. Он мог бы плестись за буржуазными партиями, возложив бремя попечения о себе на мужественного и последовательного Милюкова!

Не наоборот ли было дело, чем вы изображаете, т. Горин? Припомните, как оценивал июньское восстание 1848 г. Маркс. С этого момента, — говорил он, — буржуазия как революционная сила сходит с исторической сцены. Сходит именно потому, что на эту сцену выступает ее могильщик — пролетариат. Так было уже в 1848 году. Это еще более глубоко верно для 1905 г. Ведь русский пролетариат руководился самой революционной в мире социал-демократической партией, тогда как парижский не имел ни своей классовой партии, ни научной теории. И з революционного и последовательного поведения русского пролетариата и вытекала для

ми рассуждениями. Это, редко встречающееся, мастерство приводить цитаты иногда прямо противоположные тому, что ими хотят подтвердить, — сильно развито у нашего историка.

буржуазии необходимость стать трусливой и непоследовательной, — уж если выражаться в стиле т. Горина. Не путайте так безбожно, т. Горин, не выдвигайте следствия на место причины!

Переходим ко второй части цитаты. Тов. Горин находит, что задачей пролетариата в первой русской революции было «толкать буржуазию на революционный путь». Рекомендовать эту тактику пролетариату может только тот, кто признает за крупной либеральной буржуазией и буржуазной интеллигенцией хотя бы относительную революционность, например, такую, какая была свойственна городской мелкой буржуазии в 1905 году. Повидимому, т. Горин и склоняется к такому признанию. За это, между прочим, говорит следующее место его книги: «С развитием забастовки популярность Совета быстро росла не только в широких массах. К Совету примыкают и его воле подчиняются Союз союзов, многочисленные интеллигентские стачечные комитеты адвокатов, судебных чиновников, инженеров и т. д. Совет, об'единяя революционные слои, становится во главе их» [1]. Это место не требует пространных комментариев. Не выяснив причин, толкнувших, на очень короткое время, названные комитеты к радикализму, т. Горин производит эти типично-кадетские организации в революционную силу, тогда как к.-д. не только не революционеры, но даже «не демократы» (Ленин).

«... Тактика к.-д., — говорит Ленин, — есть тактика помещичьей контрреволюционности и буржуазно-интеллигентского бессилия. Помещики — контрреволюционная сила. Крупные буржуа — тоже. Буржуазный интеллигент и либеральный чиновник — их трусливый слуга, прикрывающий свое прислужничество контрреволюции «демократическим» лицемерием» [2].

Как выглядят горинские «революционные силы» — инженеры, адвокаты и судебные чиновники в свете этого ленинского анализа, — предоставляем судить читателю.

Еще один момент, и мы покончим с философией истории т. Горина.

Как помнит читатель, Ленин так рисует картину победоносной демократической революции. Пролетариат, ведомый партией, восстает, увлекая за собой миллионы крестьян и сотни тысяч городской бедноты. Из восстания рождается временное революционное правительство, которое и есть не что иное, как выражение революционно-демократической

---

[1] П. Горин. «Советы», стр. 76. Разрядка наша.
[2] В. И. Ленин, т. XI, стр. 185.

диктатуры пролетариата и крестьянства [1]. Оно опирается на вооруженный народ. Каковы же задачи этого правительства? Немедленное осуществление с.-д. программы-минимум. «Нам думается, — говорит Ленин, — можно указать шесть таких основных пунктов, которые должны стать политическим знаменем и ближайшей программой всякого революционного правительства, которые должны привлечь к нему сочувствие народа и на которых должна сосредоточиться вся революционная энергия народа, как на самом насущном деле».

«Вот, — продолжает Ленин, — эти шесть пунктов: 1) всенародное учредительное собрание, 2) вооружение народа, 3) политическая свобода, 4) полная свобода угнетенным и неполноправным народностям, 5) 8-часовой рабочий день и 6) крестьянские комитеты» [2].

Пролетариат не останавливается на этих демократических завоеваниях. Именно там, где иссякает революционная энергия, крестьянства как крестьянства, пролетариат и развивает «настоящим образом свою истинную, социалистическую революционность» (Ленин). Его путь — борьба за диктатуру, за социализм. Но, — писал Ленин в 1905 г.,— мы должны «не забывать, что нет и быть не может в настоящее время другого средства приблизить социализм, как полная политическая свобода, как демократическая республика, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [3].

Итак: Ленин полагал, что временное революционное правительство и являющееся выражением революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, немедленно осуществляет «буржуазные» свободы, в частности созыв учредительного собрания. В соответствии с этой ленинской установкой и велась большевистская агитация в рабоче-крестьянских массах [4].

Но так думал Ленин, а вот т. Горин думает совсем «наоборот». «Восстание, —пишет он, — отнюдь не ставит своей задачей установление буржуазно-демократических свобод, созыва учредительного собрания, наоборот — ... [5]». И вслед за этим классическим «наоборот», в качестве его аргументации,

---

[1] В. И. Ленин, т. VII, стр. 202.

[2] В. И. Ленин, т. VII, стр. 385. Слово «всякого» подчеркнуто нами. — П. П.

[3] В. И. Ленин, т. VIII, стр. 104.

[4] См., например, один из памятников в этой агитации в 1905 г. (листовку «Три конституции», написанную Лениным) в VII томе ленинских сочинений.

[5] П. Горин. «Советы», стр 81. Разрядка наша.

что бы вы думали следует, читатель?.. Цитата из Ленина следующего содержания: «победа восстания не будет еще победой народа, если не поведет к революционному перевороту, к полному свержению самодержавия, к отстранению непоследовательной и своекорыстной буржуазии, к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». Что же следует из этой цитаты? Только то, т. Горин, что без беспощадной ликвидации самодержавия, без отстранения буржуа, который против такой ликвидации и против республики, без революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства революции не обеспечена прочная победа.

А начать, по вышеизложенному мнению Ленина, эта демократическая диктатура должна с созыва учредительного собрания и введения демократических свобод! На редкость удачно сослался т. Горин на Ленина в защиту своего «наоборот»! Дальнейшие комментарии излишни, ибо здесь мы входим в область логического.

Подведем итоги горинской философии истории. Автор не понял всех особенностей первой русской революции и потому дал безнадежно путаную, не ленинскую концепцию этой революции. Местами на построении автора заметно сказалось влияние давно разбитых и теоретически, и самой жизнью меньшевистско-троцкистских воззрений на характер и движущие силы революции 1905 года.

Мы ни на минуту не сомневаемся в том, что т. Горин н е х о т е л этого, философствуя, он был преисполнен самыми благими намерениями, но ведь такими же намерениями, по показаниям знатоков, вымощена и дорога в ад. Следы этих благих намерений в изобилии рассеяны в его труде, в виде изрядного количества великолепных ленинских цитат, различных документов, немногих собственных светлых рассуждений автора, — прямо опровергающих им же созданную концепцию. Так, например, произведя крестьянство в «в двуликого Януса» и заставив его «балансировать» между самодержавием и революцией, он в той же главе и в других местах книги — блестяще опровергает сам себя. Самоистязание вообще характерно для всего труда т. Горина. Оно сильно нарушает стройность его «концепции». Но это не мешает нашей оценке самой «концепции» и свидетельствует только о двух вещах: 1) т. Горин слабо редижировал свой огромный ученый труд и ему вообще следовало бы избегать писать очень об'емистые произведения, 2) при работе над этим произведением он, быть может бессознательно, колебался между двумя возможностями и, не найдя в себе сил прочно примкнуть к одной из них, так теоретически и пал жертвой этого противоречия.

В начале этой заметки вскользь было отмечено большое обаяние, произведенное на нашего автора одним литературным трудом. Название его — «1905 год». Автор — Л. Д. Троцкий.

Ежели есть у вас читатель досуг, — просмотрите внимательно «1905 год» Троцкого и книгу т. Горина. Затем положите оба произведения рядом и сличайте. Вы будете поражены удивительным сходством этих произведений. Они очень близки по композиции, даже в деталях — в подразделении глав. Тексты некоторых глав (например, у т. Горина — «Последнее заседание П-ского Совета, у Троцкого «Последние дни Совета») очень схожи. Оба автора оперируют одними и теми же документами, цитируют одни и те же источники и, что интереснее всего, в одних и тех же размерах.

Процитировал, скажем, Горин на стр. 147—148 своей книги резолюцию Совета о свободе печати, — глядь, и у Троцкого на стр. 132 процитирована та же самая резолюция и абсолютно в тех же размерах. И что еще любопытнее: оба сошлись, в совершенно одинаковых выражениях, на том, что это был «штурм цензурных бастилий». И случаев такого разительного сходства множество. Еще деталь — оба автора усердно цитируют суворинское «Новое Время». Невольно возникает неприятная мысль: один из них наверняка списывал у другого! Справляемся с хронологией. Книжка Троцкого написана и издана намного ранее. Значит списывал, во всяком случае, не он. Ну, а может быть, никто не списывал? Книги ведь посвящены близким темам и хотя *такое* сходство весьма подозрительно, но на земле случались и большие чудеса. Вдруг внимание читателя обращает на себя некоторое количество таинственных цитат, заключенных в кавычки, но без малейшего указания на их происхождение. По их несколько напыщенному, но изящному стилю чувствуется, что принадлежат они не т. Горину, да и зачем бы он стал заключать свои собственные изречения в кавычки? А стиль характерный, стиль Троцкого. Сличаете с предполагаемым подлинником, — действительно цитаты извлечены из «1905 г.» и слово в слово! Таких извлечений около десятка, а если считать и те случаи, когда изречения Троцкого наш «переправщик» подвергнул незначительным редакционным изменениям, и на этом основании считал себя в праве не только не указывать источника, но и не ставить кавычек, — то их множество. Мы приведем только два наиболее характерных примера.

«В результате — безнадежно запоздалая буржуазная интеллигенция, — пишет Троцкий, — рожденная под звуки социалистических проклятий, в и с и т н а д б е з д н о й к л а с с о в ы х п р о т и в о р е ч и й, отягченная помещичьими тра-

дициями и опутанная профессорскими предрассудками, без инициативы, без влияния на массы и без доверия к завтрашнему дню [1]».

Прочитал это место т. Горин, решил, что написано оно сильно, и не удержался от соблазна вклеить на стр. 260-ю своего труда.

Однако при вклеивании «висящую над бездной классовых противоречий» буржуазную интеллигенцию пропустил и, по обыкновению, забыл на место пропущенного поставить подлежащиеся точки и пропустил это место наш автор неспроста. Он сообразил, что целой социальной прослойке, возглавляемой гг. Милюковым, Струве, Бердяевым и Мережковским занимать такое пикантное положение согласно марксистскому пониманию истории несподручно. Тут, повидимому, т. Горина спасло некоторое количество сведений, приобретенных еще в те времена, когда наш автор не гнушался чтением хороших книг по истмату и не вступал еще на тернистый путь самостоятельного исторического творчества.

Но если воспоминания из области истмата спасли автора, в данном случае, от идеализма (каковое спасение куплено ценой некоторого отступления от правил литературной этики), то в области истории он все-таки попал впросак.

Тов. Горин не удержался от искушения пуститься в весьма рискованную, даже для осведомленных людей, сферу исторических параллелей. Его увлекла мысль сравнить великую французскую революцию с 1905 годом. Но так как наш автор пустился в это рискованное предприятие, что называется, «налегке», то из этого фатально должен был произойти конфуз. Сам бы он, может быть, и не решился на такое дело, да лукавый и тут попутал со своей «подкупающей красотою фразой» [2].

«Петербург не имел такого значения в русской революции, — пишет т. Горин, — как например Париж в Великой французской революции, «где общеэкономическая примитивность Франции и первобытность ее средств сообщения, с одной стороны, административная централизация, — с другой, позволяли в сущности локализировать революцию в своих стенах [3]». Слова, взятые здесь в кавычки, извлечены из «1905 г.» (Троцкого), на стр. 101 коего они и обретаются. Горин после слова «позволяли» пропустил «Парижу» —

[1] Л. Троцкий, «1905». 2-е издание. Гиз, стр. 49.

[2] Собственное выражение т. Горина о языке Троцкого, как явствует из вышеписанного, — не лишенное автобиографического момента. Помещается на стр. 138 горинской книги.

[3] П. Горин. «Советы», стр. 45. 2) Л. Троцкий «1905 г.», стр. 101.

отчего фраза, вдобавок к исторической безграмотности, приобрела еще и литературную безграмотность. Вообще все рассуждения нашего историка на тему — Париж — Петербург — заимствованы у Троцкого. Так, например, вслед за вышеприведенной цитатой, Троцкий пишет: «Совершенно не то у нас. Капиталистическое развитие создало в России столько же самостоятельных революционных очагов, сколько центров крупной индустрии, — самостоятельных, но и тесно связанных друг с другом. Железная дорога и телеграф децентрализовали революцию [1]»... и т. д. Т. Горин и это вместе нашел недурным, но ему надоело всюду ставить стеснительные кавычки. Не переписывать же в самом деле, буквально, целые страницы. Этак и в праве на авторство откажут. Он нашел, что справился с делом не хуже Троцкого. «...Слова первые назад, а задние наперед переставил» и действительно справился!

Получилось: «Революция 1905 года происходила в совершенно иных условиях. При современном капиталистическом строе, с его техникой, быстротой сообщения телефонной и телеграфной связи»... и т. п. [1].

Но нас сейчас интересует не только самый факт списывания. Это установлено документально. Интересно что и как списывается? Оказывается, что и списывает-то т. Горин совершенно некритически. М. Н. Покровский давно уже блестяще разоблачил Троцкого, как «знатока» русской истории. На основании этой злополучной цитаты он мог бы к русской прибавить и французскую. Мы уж не говорим о «первобытности средств сообщения» предреволюционной Франции с ее мировой торговлей и мощным парусным флотом. Это мелочь по сравнению с другим потрясающим открытием, которое несомненно должно привлечь к себе внимание всего мира историков. Троцкий, а за ним и т. Горин, не обидясь, заперли Великую французскую революцию в стенах Парижа, т.-е. если понимать буквально, изгнали ее даже из знаменитых предместий. И это говорится о той самой революции, которую Маркс рассматривал, как «гигантскую метлу», смевшую феодализм во Франции и поколебавшую добрую долю европейских тронов! Вот что значит пускаться в исторические аналогии, не состоя в знакомстве с «рядом исторических причин».

Что касается литературно-этической стороны дела, то т. Горин может сказать, что все это придира, что кавычки он ставил, а источники не указал по забывчивости. Но едва ли это вероятно. Во-первых, странно, что память т. Горину изменяла именно тогда, когда он цитировал самого Троцкого

[1] П. Горин. «Советы». стр. 45—46.

или документ, цитированный у Троцкого же. Во-вторых, в книге есть место, где Троцкий цитируется с незначительными редакционными изменениями — без всяких кавычек. Вероятнее другое: т. Горин просто стыдливо замалчивает вдохновлявший его на литературные подвиги источник. По крайней мере в некоторых частях (не во всех) делает он это совершенно напрасно. Так, в только-что разобранном случае с параллелью — Париж — Петербург, — нет ничего специфически троцкистского. Есть комизм, но его-то наш историк и не заметил, как не заметил и того (что уже много серьезнее), как в оценке движущих сил революции 1905 года не удержался на ленинских позициях, отвесив несколько поклонов в сторону Троцкого.

Наконец, следует отметить еще одно обстоятельство. Труд т. Горина изобилует ошибками. Их можно было бы принять за случайные опечатки, за продукт иронического склада характера наборщиков, но от этих удобных для автора версии, читатель вынужден отказаться. Ошибок сонм, они идентичны. Стиль колоритный, но находящийся не совсем в ладу с — может быть действительно устаревшими — формами литературного языка. Приведем образцы:

№ 1. «Неизбежность революции в России понималась и за границей, проявляющей все более и более внимательное отношение к России, посвящая нередко блестящие работы в роде Георга Беригардта «Бедная и богатая Россия», исследующей финансовое положение страны» (стр. 77). Вся тирада от начала до конца безграмотна. Интересно было бы выяснить, что собственно т. Горин считает «блестящей работой» — ученый труд Беригардта или его самого?

№ 2. «Следя за развитием революционного движения среди войск, мы наблюдаем, как медленно, но верно оно направляется по пути революции» (стр. 230). Товарищ Горин принадлежит, повидимому, к тем избранникам судьбы, которым удалось наблюдать р е в о л ю ц и о н н о е движение, направляющееся по пути — контрреволюции.

№ 3.... «рассматривая взаимоотношения Совета с многомиллионной крестьянской массой, следует признать, что в 1905 г. они (взаимоотношения) находились в эмбриональном состоянии. Здесь можно говорить не о взаимоотношениях, а о тенденциях (к чему? К взаимоотношениям что ли? — П. П.) и поэтому отдельные факты в этой области приобретают огромное значение» (стр. 239).

№ 4 Повествуя о почтовой телеграфной забастовке, Горин пишет: «Петербургские рабочие помогали «выкуривать» из почтамта штрейкбрехеров, отбивая охоту у баронесс

исполнять обязанности сортировальных и почталионов»... (стр. 256).

При чтении этих «избранных мест» невольно вспоминаешь фразу, сказанную некогда Фонвизину человеком, пришедшим в восхищение от «Недоросля» — «умри, Денис, или больше не пиши!»

Конечно, всякий в праве производить революцию в языке, но нельзя же это делать явочным порядком. Автор обязан был упомянуть в предисловии, что, мол, оный труд, кроме всего прочего, преследует еще цель решительной расправы с окостеневшими формами русского языка.

Не мешало бы также, для удобочитаемости самой книги, указать на принципы построения того нового языка, которым в совершенстве владеет сам автор, но который едва ли знаком дилетанту читателю...

Товарищ Горин, конечно, убежден, что во всех стилистических шедеврах повинна машинистка. Может быть это и так, но если так, то мы горячо рекомендуем не пользоваться более услугами этой невежественной особы, на протяжении целых пяти лет калечащей великолепные по стилю манускрипты нашего историка.

Когда, призвав все мужество и терпение, одолеваешь, наконец, этот огромный том, в памяти невольно встают размышления английского реакционного писателя Джона Рескина о значении печатного станка в истории мировой литературы. Почтенный реакционер находил, что печатный станок положительно вреден, ибо он, сильно облегчив обнародование рукописей, способствовал наводнению земного шара произведениями, которые без большого ущерба человечеству можно было бы предоставить грызущей критике мышей.

Рескин клеветал на культуру, но в одном несомненно прав: писатель обязан иметь элементарное уважение к слову, к читателю, наконец, к гениальному изобретению XV века — печатному станку!

П. Парадизов.

Воронеж Во. III-31 г.

М. И. Ахуна и В. А. Петров Петербург в 1905—1907 гг. Хроника событий. Ленинградский областной истпарт. Изд-во «Красная газета» Лнгр. 1930 г. 199 стр., ц. 80 коп.

Работа тт. Ахуна и Петрова — одна из тех местных хроник событий, которые не только имеют право на существование рядом с общими хрониками, но и должны были бы лечь в основу общей хроники при ее составлении. Отсюда со стороны пользующихся подобной книгой повышенные требования к ней, требования более широкого использования архивных и печатных материалов, желание встретить указания на ряд второстепенных по значению событий, которые, понятно, не могут найти места в «общей» — хронике.

Как легко видеть по заглавию, книга тт. Ахуна и Петрова охватывает годы первой революции. Ее хронологические рамки: октябрь

1904 г., переворот 3 июня 1907 г. При этом события конца 1904 года даны очень скупо (преимущественно в разрезе петербургского рабочего движения, что должно дать представление о прологе 9 января). Календарные даты в «Хронике» указаны по старому стилю (всякий, пользующийся книгой, сумеет в случае необходимости, перевести их на новый стиль), но, к сожалению, на ряду с ними, не обозначены дни недели.

Составителями, в качестве источников, были привлечены архивные материалы, публикации документов, современные события, газеты и монографические работы. Однако, перечень использованных архивных дел свидетельствует о недостаточном использовании архивов. Нет, например, ссылок на фонды архивов судебных, цензурных. Из газет использованы важнейшие большевистские издания (почему-то в списке их не указаны «Волна» и «Эхо», хотя в текст книги введен ряд фактов со ссылкой на эти газеты). Буржуазная же пресса использована в скромных размерах. Ссылки на источник в тексте книги встречаются не всегда (см., например, 1904 г.: 6—8 ноября, 27 и 28 декабря,; 1905 г.: 1 января, 6 февраля, 5 и 15 марта, 1 и 27 июля, 6, 10, 18, и 19 сентября, 27 октября, 26 ноября; 1906 г.: 9, 18, и 23 мая; 1907 г. и: 2 и 27 февраля, 1 марта, 11, 15, и 27 апреля, 12 мая и др.).

Под датами, относящимися к крупным событиям, составители не дают развернутого описания, отсылая пользующегося книгой «для более углубленной проработки тех или иных вопросов, связанных с определенными вопросами», к приложенному библиографическому указателю. Так, под 6—8 ноября 1904 г. сказано — «земский съезд в Петербурге» и только. Между тем в библиографическом указателе не приведено никакой литературы, относящейся к земскому движению. Под 9 января 1905 г. стоит «Кровавое воскресенье» со ссылкой на указатель и перечислен пяток вышедших в тот же день прокламаций и воззваний. Такой прием нельзя считать правильным. Пользующийся книгой в праве требовать от составителей, чтобы они дали ему перечень хотя бы важнейших событий, разыгравшихся в этот день в Петербурге, с точным указанием мест и по возможности часа дня. «Хроника» местного характера не должна ограничиваться тем, чем может ограничиваться в этом случае, «общая» хроника событий пятого года. Иначе, в чем же различие между ними и справочное значение первой? Поступая указанным образом, составители выкидывают из истории петербургского рабочего движения такой факт как баррикады, появившиеся девятого января на Васильевском. Неужели эти баррикады, разгром оружейных магазинов - факт, по мнению составителей, менее важный, чем буржуазно-либеральная резолюция городской думы об ассигновании 25 тыс. рублей жертвам 9 января, которой под 12 января посвящено 9 строк?

Это — пропуск намеренный, оговоренный ссылкой на соответствующую литературу. Есть, однако, ряд пропусков ненамеренных, которые надо отнести к небрежности составителей. Так под днями, предшествовавших 9-му января, нигде не приведен факт подписи петиции в отделениях собрания русских ф.-заводских рабочих (есть только указания на обсуждение петиции, ничего не сказано о выступлениях Гапона с чтением петиции. Под 9 января не указан состав депутации, посланной в тот день союзом писателей к Святополк-Мирскому. Между тем для нас интересно участие в ней Горького. Имя Горького отсутствует и при указании арестованных депутатов. Не указывается порой партийность выходивших или закрытых газет и журналов, напр. «Рабочей жизни» (9 XI 1906), «Вестника рабочего» (8 V 1906 г.), «Призыв», «Курьера» и др. (26 V 1906 г.), между тем голые указания на эти факты сами по себе еще недостаточны. Ряд пропусков обнаруживается при сравнении с другими «хрониками». Так, сравнивая работу тт. Ахуна и Петрова

с хроникой т. Нироса («Календарь» 1905 г.», Изд. «Книга» 1925 г.) только за май 1905 г., находишь, что в рецензируемой работе отсутствуют указания на раскрытие тайной типографии (у Нироса под 18 V), на решение городской думы ходатайствовать перед советом министров о введении народного представительства (у Нироса под 23 V), об избрании городской думой депутации к Николаю II для той же цели (у Нироса под 23 V) о депутации Невского судостроительного завода к Коковцову с требованием ввести 9-тичасовой день (23 V). Это сравнение, конечно, не в пользу местной «хроники». Немаловажным пропуском является отсутствие указания на опубликование закона 3 июня 1907 г. — опущен таким образом законодательный рубеж эпох политической жизни царской России.

Ценными являются приложенные к книге указатели: библиографический, предметный, топографический и именной. Без некоторых маленьких недостатков не обошлось и здесь. В библиографическом указателе из 6 названий под рубрикой «Либеральное движение» 4 относятся к вопросу о положении периодической печати. Их никому не придет в голову искать в указанной рубрике. Между тем следовало бы дать над ними особый заголовок, как это сделано по отношению к соц.-демократической печати. Кстати, не все названия относятся целиком к буржуазной прессе. В предметном указателе есть рубрики «Аптеки», «Группа белого передела», но нет рубрики «Гапоновщина», а «Совет рабочих депутатов» приходится искать под рубрикой «РСДРП», но Совет, во-первых, не был партийной организацией, а,— во-вторых, по своему значению в революции может претендовать на выделение его в специальную рубрику. В именном указателе Б. М. Кнуньянц фигурирует дважды как Петров Радин и как Радин, причем в первом указании нет ссылки на второе и обратное. Фамилии же Кнуньянца со ссылкой на оба эти указания и вовсе нет в указателе.

Не говорю здесь о значении работы тт. Ахуна и Петрова. Она несомненная. Не говорю и о ее положительных сторонах. Я остановился на ее вольных и невольных погрешностях главным образом потому, что необходимо же нам, наконец, после ряда опытов в этом направлении, научиться составлять справочно-исторические издания так, чтобы гарантировать им научность, наивозможную полноту, достоверность, тщательность выполнения, чтобы сделать их действительным пособием для пользующегося.

Ю. Бочаров.

Н. А. Семашко. Клочки воспоминаний. Изд. «Молодой Гвардии». М. 1930 г. 112 стр. Ц. 45 коп.

Рецензируемая книжка входит в серию «Воспоминаний старого большевика», выпускаемого «Молодой Гвардией» под редакцией А. И. Елизаровой и Ф. Кона. С точки зрения задачи серии («возможно конкретней обрисовать обстановку, в которой разыгрывались революционные события») книжка т. Семашко является вполне пригодной. И это несмотря на порой чрезмерную сжатость и некоторую скомканность изложения.

В основу «клочков» положены прежние воспоминания т. Семашко, напечатанные в «Пролетарской Революции», а также автобиография, помещенная в 41 томе словаря Граната. Тов. Семашко начинает свой очерк с описания гимназических и университетских годов. Режим Деляновщины и Боголеповщины создавал в большинстве случаев серых чиновников, законопослушных исполнителей последнего правительственного распоряжения, людей, из которых наиболее совестливые в лучшем случае заполняли галлерею чеховских штиков.

Однако, на фоне официального лицемерия и тупого угодничества тем ярче выделялась молодежь, идеалистические порывы которой находили сперва удовлетворение в чтении и изучении таких оппозиционных авторов, как Чернышевский, Писарев и Михайловский, а потом — особенно с переходом в университет — и в активном участии в студенческих забастовках и демонстрациях. Отсюда уже был небольшой шаг к вхождению в революционные, социалистические партии того времени.

Изучение Плеханова и Ленина сразу определило марксистский уклон в развитии автора воспоминаний, а участие его в рабочих кружках определило и другой момент в его биографии: он был арестован и сослан в г. Елец на три года. После ссылки последовал переезд в Казань, поступление на медицинский факультет. Новое участие в студенческой демонстрации повлекло новый арест и высылку, новые полицейские преследования и придирки. Попав в Орел, т. Семашко потом (в 1904 г.) переехал в Нижний-Новгород, где после года интенсивной работы в местной с.-д. организации, он снова был водворен в тюрьму. Выпущенный под залог в 3.000 рублей, внесенной за него либеральной графиней Паниной, т. Семашко бежал за границу.

Очень скупо, хотя и не без живости, описаны встречи т. Семашко с представителями различных политических течений: большевистских, меньшевистских и эсеровских. В партийной работе ему приходилось встречаться в те годы с тт. А. И. Рыковым, М. Ф. Владимирским, Я. Свердловым, В. М. Десницким, а до этого с Богдановым, Базаровым, Лосицким, Громаном, так же как с будущими лидерами кадетской партии Милюковым и Кизеветтером. В другом месте т. Семашко рисует силуэт поверхностного, хотя и восторженного, сторонника террора, который, потрясая браунингом над головами восторженных девиц, провозглашал на сходках: «вот мой товарищ в борьбе». Несколькими штрихами набрасывает он портрет рабочего Чугурина, виднейшего деятеля меньшевистской группы в Сормове, который вел себя во время сормовского восстания совсем по-большевистски.

Также значительно по теме, хотя тоже чересчур сжато, даны воспоминания т. Семашко о десяти годах, проведенных им в эмиграции. В центре этого отдела портреты Плеханова (кстати, дяди Семашко по матери) и Ленина, — впрочем, воспоминания о последнем несколько бледноваты.

Подробно (относительно) описан Штутгардтский конгресс II Интернационала, на котором присутствовал и автор. Из числа участников конгресса он останавливается не только на Ленине, Розе Люксембург, Кларе Цеткин, К. Либкнехте и Радеке, но и на Бебеле, Каутском, Ледебуре, Жоресе, Геде, Эрве, Макдональде, Томасе Манне. За исключением мятущегося и по сей день из стороны в сторону, очень темпераментного революционера, но очень плохого тактика, Г. Ледебура, зарисовки т. Семашко носят несколько поверхностный характер, а некоторые места здесь навряд ли так уж нужны («лысая обезьянья голова» одного, вид «троечного кучера» другого, «купчик из бакалейной лавки» относительно третьего и т. д.). Здесь, в своем похвальном стремлении к «конкретизации» тов. Семашко заходит слишком далеко.

Интереснее и содержательнее набросаны Жорес и Гед. Между прочим, очень кстати подчеркнуто франкофильство Г. В. Плеханова, сказавшееся особенно во время войны.

Пробыв года два в Женеве, т. Семашко переехал в Париж, продолжая поддерживать тесную связь с Лениным. С Лениным же он шел вместе и во время мировой войны. В эмиграции т. Семашко пришлось просидеть в швейцарской тюрьме, по подозрению в касательстве к экс-

пропажами тифлисского казначейства, и в болгарском плену. В первом случае выяснилась полная его непричастность к похищению или сбыту за границей экспроприированных царских кредиток, а во втором случае (уже в разгар мировой войны) т. Семашко спасла принадлежность его не к патриотам-«оборонцам», а к пораженцам: в запломбированном вагоне он выехал из Болгарии и направился в Стокгольм.

Последняя глава книжки посвящена дооктябрьским и послеоктябрьским дням. Получив лишь в октябре 1917 г. возможность приехать в Россию, т. Семашко начал работать в Москве (в качестве председателя Пятницкой районной управы). Когда в 1918 г. учрежден был Наркомздрав, первым его руководителем назначен был т. Семашко. О его работе в области советской медицины за последнее десятилетие достаточно известно.

О чрезмерной сжатости разбираемых воспоминаний мы уже говорили. Не наврял ли этим приходится объяснить отсутствие в них каких-либо упоминаний о пребывании Ленина в Казани, или такого интересного эпизода, как работа самого т. Семашко в партийной школе в Париже.

На стр. 26 говорится о том, что «в начале девяностых годов с увлечением читали «Искру», между тем «Искра» начала выходить в ноябре 1900 г. На стр. 49 большевик, занимающий ныне ответственный политический пост, отмечен лишь инициалами Л. П., — почему бы не дать полностью его фамилию?

На стр. 54, говоря о графине С. В. Паниной (пожертвовавшей 3000 р., чтоб освободить т. Семашко из тюрьмы), автор указывает, что теперь она «ярая черносотенка монархистка, объявленный враг советской власти, организатор всяких выступлений против СССР в Швейцарии и даже причастная к убийству Воровского». Следовало бы указать, что это — та самая графиня С. В. Панина, которая в 1917 г. была членом ЦК кадетской партии и министром социального призрения в правительстве Керенского. Она же и была первым объектом первого по времени суда Революционного Трибунала в 1918 г.

И. Генкин.

М. Жабко. Из далекого прошлого. (Воспоминания старого рабочего). С предисловием В. Юдовского. Изд. «Молодая Гвардия». М. 1930 г. 80 стр. Ц. 35 коп.

Бытом фабрично-заводского рабочего девяностых годов и начала девятисотых годов занимались у нас преимущественно беллетристы (из наиболее крупных имен назовем хотя бы Вересаева, Серафимовича, Горького, а также А. Бибика). Если не считать авторов мемуаров, в которых на первый план выдвигаются историко-партийные мотивы (В. Деготь, О. Пятницкий, А. Шаповалов и др.), то произведений, в которых рабочий быт был бы описан самими рабочими, можно насчитать лишь несколько названий (про одну из книг этого рода — В. Гончарова («За Невской заставой») мы уже писали в № 10 «Кат. и Ссылки» за 1930 г.). К этого же рода воспоминаниям надо отнести и книжку М. Жабко.

Перед нами сжатое, но насыщенное содержанием и яркое описание жизни рабочих провинциального города. Лет за 10—15 до громовых раскатов 1905 года г. Воронеж (о нем идет речь), как и многие десятки других городов этого же типа, все эти Смоленски, Курски, Рязани, пропитан был беспросветной обывательщиной, мелким, ползучим карьеризмом и будничным делячеством, пьянством, драками.

И лишь отдельные одиночки из разночинной интеллигенции и из рабочих рвались к свету, усердно посещали всевозможные лекции, которые устраивали либеральные культуртрегеры, читали и изучали Бе-

линского, Писарева, Шелгунова. В двери давно уже стучались Лавров и Михайловский, приближался бурный и сокрушительный натиск Бельтова-Плеханова и Ильина-Ленина, начали уже шуметь так называемые «легальные марксисты».

Народническая идеология, не без боя уступала шаг за шагом дорогу марксизму. Возобновилось, только более своеобразное, «хождение в народ». Петербургские и московские, киевские и одесские, казанские и саратовские интеллигенты-марксисты начали усиленно вербовать адептов среди учащихся технических школ, учительских семинарий, фельдшерских курсов и в неменьшей мере среди передовых (по грамотности и духовным запросам) мастеровых и ремесленников.

Гор. Воронежу повезло в том отношении, что, благодаря скоплению здесь административной ссылки, революционные бациллы довольно энергично проникали в пролетарскую среду. В эти годы (1893) в Воронеж были сосланы такие крупные подпольщики, как член Брусневского кружка питерский рабочий Н. Д. Богданов и московский студент П. А. Ряховский. Здесь же работали и народоволец П. П. Мануилов, известный с.-д. «экономист» В. П. Михновец-Акимов, критик-марксист Вл. Кранихфельд, полународник В. Богучарский, д-р Н. Исполатов и др.

Сам М. Жабко, благодаря унаследованной от родителей неутомимой жажде чтения и случайной встрече с «хорошими людьми», сумел вырваться из обстановки, которая и его затянула бы в болото обывательщины. В своей небольшой книжке Жабко красочно описывает быт котельной мастерской, в которую он поступил еще мальчиком, утомительный 10—11-часовой рабочий день, отвратительные антисанитарные условия труда, беспробудное пьянство, кулачные бои не только молодежи, но и бородатых папаш и дядей. Одиночки-рабочие как-то выбивались из этого омута, но едва окружающие замечали, что кто-либо перестает пить, ходить в церковь, не колотит жену и детей, а читает газету и книги, живет дружно с соседями, то сразу решали, что это «секубент», «сицилист», за которым надо глядеть в оба.

О «сицилистах» имели самое смутное представление, о них говорили с ужасом, в котором лишь у некоторых можно было подметить элементы инстинктивной симпатии. Однако, ничего ужасного М. Жабко не нашел в токаре Тюрине, который работал в одних с М. Жабко железнодорожных мастерских, и который был как раз одним из этих страшных «сицилистов». Через этого Тюрина автор познакомился и с другими «сознательными», как тогда говорили рабочими, а также и со «студентами».

Хотя местами и чересчур торжественно и слишком иконописно, т. Жабко, а также т. В. Юдовский (автор весьма дельного и тепло написанного предисловия) рассказывают современному молодому читателю о том, как организовывались нелегальные кружки, устраивались «дискуссии», проводились «массовки». Недурно обрисованы фигуры рабочих-партийцев Н. Гусева и П. Рыбакова. В частности, дореволюционная и революционная маевки до того хорошо описаны т. Жабко (стр. 67), что так и просятся в хрестоматию.

Из предисловия т. Юдовского не видно, почему воспоминания М. Жабко кончаются 1897 годом. Что стало с ним потом? По какому направлению шло его политическое и партийное развитие в дальнейшем? Как он отнесся к искровскому и послеискровскому периодам? Кем он стал после 1905 г.? Читатель ждет продолжения «воспоминаний старого рабочего», тем более, что Жабко есть о чем рассказать ему.

И. Генкин.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИИ.

1. Издания О-ва Политкаторжан.

Бузанский М. — Чертежский документ. Мой побег из ангарской ссылки. М. 1931 г., стр. 140, ц. 1 р. 30 к.

Киржниц А. — Рабоче-крестьянские массы в борьбе с погромами в 1905 г. Научно-иссл. историко-револ. б-ка № 4 (33). М. 1930 г., стр. 128, ц. 40 к.

Книжник-Ветров И. — Петр Лаврович Лавров. Второе издание переработ. и дополненное. М. 1930 г., стр. 142, ц. 1 р. 40 к.

Кузьмин Д. — Народовольческая журналистика. С послесловием В. Фигнер. Историко-революционная библиотека 1930 г. № 2 (1). М. 1930 г., стр. 287, ц. 2 р. 70 к.

Любатович О. — Далекое и недавнее. Редакция В. Невского и П. Анатольева. М. 1930 г. стр. 146, ц. 1 р. 75 к.

«Народная Воля». Перед царским судом, вып. II. Под редакцией А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, М. Н. Ирея, Н. Н. Попова, Н. Н. Ракитникова, В. В. Леонозича-Ангарского. Труды кружка народовольцев при обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев «К пятидесятилетию партии «Народная Воля» 1879—1929 гг. М. 1931 г., стр. 172, ц. 1 р. 75 к.

Невский В. Н. — От «Земли и Воли» к группе «Освобождение труда». Историко-революционная библиотека 1930 г. № 3—5 (II—IV). М. 1930 г., стр. 354, ц. 3 р. 75 к.

Невский В. — Рабочее движение в январские дни 1905 г. Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев. Историко-революционная библиотека. Воспоминания, документы и др. материалы из истории революционного прошлого России 1930 № 8—10 (VII—IX). 1905—XXV. М. 1931 г., стр. 688, ц. в переплете 6 р. 25 к.

Прибылев А. В. — Записки народовольца. Историко-революционная библиотека 1930 г. № 6—7 (V—VI). М. 1931 г., стр. 305, ц. 2 р. 60 к.

Пыжов Н. — Без угла и без имени. Воспоминания подпольщика. М. 1930 г., стр. 174, ц. 1 р. 65 к.

Фишелев М. — От харьковской голубятни до ангарской ссылки. Предисловие Я. Шумяцкого. М. 1931 г., стр. 136, ц. 70 к.

Фроленко М. Ф. — Собрание сочинений. Т. III, под редакцией и с примечаниями П. А. Теодоровича. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М. Ф. Фроленко. — Собрание сочинений в двух томах. М. 1931 г., стр. 372, ц. в переплете 3 р. 35 к.

II. Другие издания.

Ацаркин А. — Юношеское движение в Москве (1917 г.). Юношеская секция института Ленина и Истпарт МК ВКП(б). Мол. Гв. М.-Л. 1930 г., стр. 311, ц. 1 р. 50 к.

Ефмаковский Д. — Туруханский бунт. Записки участника. Предисловие В. Н. Залежского, заключительная статья Л. Леонова-Виленского. Револ. движ. России в мемуарах современников. Под редакцией В. Невского и П. Анатольева. Мол. Гв. М.-Л. 1930 г., стр. 216, ц. 1 р. 50 к.

Из истории московской рабочей Красной гвардии. Материалы и документы. Собраны и подготовлены к печати Г. Д. Костомаровым и Вл. Малаховским. Истпарт МК ВКП(б). ГИЗ. Моск. Раб. М. 1930 г., стр. 208, ц. 1 р. 50 к.

Колбин П. — 1917 год в Кронштадте. Воспоминания старого большевика. Под редакцией А. И. Елизаровой и Ф. Кона. Мол. Гв. 1930 г., стр. 80, ц. 30 к.

Крупская Н. К. — Воспоминания о Ленине. Деш. б-ка Госиздата. ГИЗ. М.-Л. 1931 г., стр. 192, ц. в пер. 40 к.

Кулешов Н. — Из истории движения среди учащихся средних учебных заведений (с 90-х годов до октябрь 1917 г.). ОГИЗ. Мол Гв., стр. 135, ц. 1 р. 20 к.

Ленин В. И. — Письмо к рабочим Красной Пресни. Уроки московского восстания. (Каждому коммунисту, каждому комсомольцу, каждому рабочему, Красной Пресни). Краснопресненский РК ВЛКСМ. ОГИЗ. Моск. Раб. 1930 г., стр. 16, ц. 3 к.

Ленинский сборник XVI. Под редакцией В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Подготовил к печати Г. И. Крамольников. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). ГИЗ. М.-Л. MCXXXI, стр. 314, ц. в кол. перепл. 2 р. 95 к.

Морозов-Кременецкий — Из героической эпохи. Гражданская война в воспоминаниях участников. Мол. Гв. М.-Л. 1930 г., стр. 47, ц. 20 к.

Наше рождение. — Сборник воспоминаний, статей, материалов и документов по истории возникновения юношеского движения в Москве. Под редакцией А. Ацаркина и А. Зверева. Одобрено Истмолом ЦК ВЛКСМ. Мол. Гв. Л. 1931 г., стр. 288, ц. 2 р. 15 к.

Ольминский М. — (М. Александров). — В тюрьме. (1896—1898 гг.). Воспоминания старого большевика. Под редакцией А. И. Елизаровой и Ф. Кона. Мол. Гв. М.-Л. 1930 г., стр. 176, с портретом автора, ц. 60 к.

От кружка к первому с'езду РСДРП. 1893—1898 гг. О-во старых большевиков. История партии в воспоминаниях. От подпольного кружка к пролетарской диктатуре. Выпуск 1. Мол. Гв. М.-Л. 1930 г., стр. 112, ц. 60 к.

Пролетарская революция. Систематический и алфавитный указатель 1921—1929 гг. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). ГИЗ. Л. 1930 г., стр. 168, бесплатно.

Рывкин О. — Очерки по истории ВЛКСМ. На заре движения. ОГИЗ Мол. Гв. М. 1931 г., стр. 192, ц. 55 к.

Семашко Н. — Клочки воспоминаний. (От зари революции до ее рассвета). Воспоминания старого большевика. Под редакцией А. И. Елизаровой и Фокина. ОГИЗ. Мол. Гв. М.-Л. 1930 г., стр. 112, с портретом автора, ц. 45 к.

Скворцов-Степанов И. И. — Избранные произведения. Т. I. Под редакцией П. А. Красикова, Н. Л. Мещерякова, М. А. Савельева, В. Г. Сорина, П. Г. Сенниковского. Подготовил к печати Б. Н. Ти-

Комиров. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Госиздат. М. 1930 г., стр. XXXVI + 368, ц. 1 р. 50 к. В настоящий том вошли статьи периода «от революции к революции» (1897—1905 гг.) и биографический очерк Скворцова-Степанова, написанный Б. И. Тихомировым.

Терляева М. — Первая русская революция 1905—1907 гг. Научно-популярный очерк. Комиссией по учебникам Главсоцвоса. «Работн. просв.». М. 1930 г., стр. 214, ц. в перепл. 1 р. 25 к.

Трунов А. Н. и Попова Т. Н. — 1905 год в Сибири. Материалы к библиографическому обзору книг и журнальных статей. Изд. «Советская Азия». М. 1930 г., стр. 24, ц. 1 руб.

Чернышевский Н. Г. — Избранные сочинения. Т. 4-й. Под редакцией А. В. Луначарского. Предисловие к тексту и вводные примечания Н. В. Бахтеевой, В. В. Буш, Н. Чернышевской-Быстровой, Н. А. Щелкановой. Комиссия ЦИК СССР по опубликованию сочинений Н. Г. Чернышевского и Комиссия Академии СССР. Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения в пяти томах. ГИЗ. М.-Л. 1931 г., стр. XXXI + 584, ц. 6 руб.

Шуке Г. — Тактические основы гражданской войны. Исследование опыта Красной армии в борьбе против Колчака и на Дальнем Востоке. Воениздат. М. 1931 г. стр. 190, ц. 2 руб.

Ярославский Е. М. — Старое и вооруженное восстание в революции. Как готовить, руководить и выигрывать восстание. Изд. 3-е, доп. Изд. «Прибой» и «Красная новь» Военной секции ОГИЗ. Моск. Раб. М.-Л. 1931 г., стр. 64, ц. 20 к.

Письма в редакцию.

1

В. Г. Крыжановский очень интересно описывает 60-е годы прошлого столетия в нашем революционном движении. Но некоторые частные факты в этом описании нередко изображены, вероятно, с целью придать им определенную окраску, не соответствующую действительности времени. Так, описывая декабрь 1895 — начало 1896 г. в Киеве и в 1897 г. между социал-демократами и «Группой освобождения труда» (см. «Материалы к истории русской революционной печати»), В. Г. Крыжановский-Туганская пишет: «Много интересных, многолюдных собраний происходило в квартире Л. А. Линфорс по Малинско-Благовещенской улице, где сошлись социал-революционеры Быстрова, Сокольская и Гуревич, с одной стороны, и представители «Группы освобождения труда» Плеханов, Н. М. Каринский и А. В. Луначарский» (стр. 22).

Это собрание я очень хорошо помню и смею уверить, что ни Сокольского, ни Новомейского на нем не было. Собрание это было посвящено докладу Н. М. Каринского о книге Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России».

родной Воли», заявляя, что революция в России может быть совершена только совместными усилиями рабочего класса, трудового крестьянства и революционной интеллигенции. Потом, заявление В. Г. Крыжановской-Тучапской, что «со стороны социалистов-революционеров выступали те же Соколов и Дьяков» совершенно неверно, так как тогда (зимой 1895 г., когда происходило это собрание в квартире Линфорс) в Киеве не было социалистов-революционеров, что также видно из вышеупоминаемых воспоминаний С. В. Померанц и из книги И. Н. Мошинского («На путях к первому с'езду РСДРП»), где тоже упоминается об этом собрании в квартире Линфорс. Мошинский говорит: «Здесь впервые выступали народники И. А. Дьяков и В. А. Вознесенский» (стр. 138, «На путях» и пр.). Социалисты-революционеры появились в Киеве позже, как это видно, между прочим, из той же книги Мошинского («На путях» и пр.), из названных воспоминаний С. В. Померанц-Перазич и из книги Спиридовича («Партия с.-р. и ее предшественники»), а в 1895 г. в Киеве не было социал-революционеров.

И. А. Дьяков.

II

Считаю нужным сообщить вам об оригинальном перегибчике (если можно так выразиться) у нас в Уфе: Центральная библиотека, выдающая книги на дом, выдает журнал «Каторга и Ссылка» только с 1928 г., а до этого года номера журнала сдала в архив, как политически непригодные; сделано это без ведома даже Башглавлита. Правда, тут же рядом находится Научная библиотека (совершенно самостоятельная), которая выдает журнал за все годы для работы в читальне. Но все же факт из'ятия «Каторги и Ссылки» весьма интересен.

К. Кураев.

Ответственный редактор *И. А. Теодорович.*

В редактировании настоящего номера принимали участие:

М. А. Брашинский, Е. Н. Ковальская, Б. И. Козьмин, Ф. Я. Кон, М. М. Константинов, М. К. Фроленко, Н. Ф. Чужак-Насимович, Я. Б. Щумяцкий.

Издатель—Всесоюзное О-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН и ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1931 г.

НА

7-й ГОД ИЗДАНИЯ **ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННУЮ** 7-й ГОД ИЗДАНИЯ

БИБЛИОТЕКУ

Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России. 12 номеров в год, размером каждый 14 листов, с иллюстрациями и портретами.

1. САВИЧ — Очерки по истории крестьянских волнений на Урале. **2. Сборник** — Пропаганда в войсках в 1817 — 1820 г. г. **3—4. Долинин** — Молодые годы Достоевского. **5. Добролюбов** — Дневник. **6. Невский и Сафонова** — „Земля и Воля" 60-х годов. **7. Рындич** — Революционное народничество. **8. Куннкль** — Долгушинцы. **9. Кулябко-Корецкий** — Записки лавриста. **10. Русанов** — Из моих воспоминаний. **11. Щеголев** — Письма Ал. Михайлова. **12. Мицкевич** — Воспоминания.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на **1** год — **20** р., 1/2 года — **10** р.

Цена отдельного номера 2 руб.

7-й ГОД ИЗДАНИЯ **ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА** 7-й Г ИЗДАНИЯ

журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА"

Рассчитана на самые широкие читательские рабоче-крестьянские массы. В общедоступной форме излагает отдельные моменты русского революционного движения. 50 номеров в год, размером каждый в 32 страницы, с иллюстративной обложкой

ПДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 год — 4 руб. 50 коп.

Цена отдельного номера 10 коп

Заказы, вопросы и деньги направлять по адресу: Москва-ГСП — 10, Лопухинский пер., 5. Издательству Политкаторжан. Тел. 3-64-73. Книжный магазин Изд-ва „МАЯК" — Москва. центр, Петровка, 7, телефон 3-63-20.

Прием подписки производится также на почте и у всех письмоносцев.

Цена 1 р. 50 к.

КОНТОРА:

Москва, 34, Лопухинский пер., 5. Тел. 3-64-73.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Центр, Книжный склад „МАЯК" Издательства Общества политических каторжан. Петровка, 7. Тел. 4-18-12, 3-63-20.